

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1

Clipping from "The Tablet". November. 1. 1856.

Father Petcherin's illness
(From a Correspondent)

The readers of the "Tablet" and the Catholics of these kingdom generally will regret to learn the serious indisposition of the Rev. Vladimir Petcherine, the much beloved and admired Redemptorist Missionary. He has been confined to bed for the last five days, at the residence of the Venerable Archdeacon Barden, P. P., Tintern, New Ross, where the Fathers of his Order have just concluded a most laborious and successful mission. His disease is pronounced by the physician in attendance, Dr. Rossiter, of New Ross, to be malignant typhus fever, of which no one can yet foresee the termination. He felt ill on Thursday and Friday, but would scarcely acknowledge it to his Rev. brethren, and on the latter evening, being that of the dedication of the parish to the Blessed Virgin, he preached to a congregation of eight or nine thousand persons, with an eloquence, fervour and unction worthy of his illustrious founder, the author of "The Glories of Mary". The effort was too much for him. Next morning he was in fever. Yet he was rushing to his overcrowded confessional with his usual ardour, when the orders of his Superior confined him to his room. The fever is increasing every hour since then. The readers of the "Tablet", lay and Clerical, will not grudge a prayer for his recovery and the latter will feel a pleasure in recommending him to the prayers of the poor, whom he loved so much and laboured for so unselfishly, day and night, for the last twelve years.

May Jesus Crucified, whom he always preached, and Immaculate Mary in celebrating whose praises he fell ill, preserve to his Order and to the Irish Church a life in many ways so precious!

Clipping of the Communication in Archivum generale CSSR, Roma; Pr. An. XI 1
(Petcherine).

РГАЛИ. Ф. 372 (В. С. Печерин). Оп. 1. Ед. хр. 39.
Публикуется впервые.

Перевод

Болезнь отца Печерина
(От корреспондента)

Читатели "Tablet" и католики всего королевства будут испытывать сожаление, узнав о серьезной болезни его преподобия Владимира Печерина, редemptористского проповедника, которого очень любят и которым восторгаются. Последние пять дней он прикован к постели в резиденции его преподобия архидиакона Бардена (Barden), P.P., Tintern, New Ross, где отцы ордена редemptористов только что завершили напряженнейшую и успешную миссию. Врачом Нью-Росса (New Ross) доктором Роситером (Dr. Rossiter) у Владимира Печерина был диагностирован сыпной тиф, что пока не позволяет предвидеть исход болезни. Владимир Печерин чувствовал недомогание в четверг и пятницу, но не признался в этом братьям и, будучи преданным приходу Пресвятой Девы, позднее вечером произнес проповедь для восьми или девяти тысяч прихожан с красноречием, страстью и пафосом, достойным

прославленного основателя прихода, автора “The Glories of Mary”. Самоотверженность, столь ему свойственная. На следующее утро он был в бреду. Однако, когда со свойственным ему пылом он рвался в переполненную прихожанами исповедальную, церковные чины водворили его в келью. С тех пор жар нарастает каждый час. Читатели “Tablet”, миряне и клирики, будут неустанно молиться о его выздоровлении, и последние [духовенство — С.Ч.] с удовольствием попросят помолиться о нем всех бедных, которых он столь сильно любил и для которых, не покладая рук, трудился столь бескорыстно последние двенадцать лет.

Да сохранит Иисус Распятый, о котором он всегда проповедовал, и Непорочная Мария, воздавая хвалы которой он заболел, для своего Ордена и Ирландской Церкви жизнь, во многих отношениях столь драгоценную!

Приложение № 2

I. Передовая статья М. Н. Каткова в № 168 «Московских Ведомостей»
от 2 августа 1863 года.

«Свобода совести и религиозная свобода — слова хорошие, но они хороши только с умом, а без ума что может быть хорошего? Свобода как религиозная, так и всякая другая, не значит давать оружие нашему врагу: свобода не значит отказываться от власти в пользу чужого деспотизма. Религиозная свобода не значит простирасть терпимость до того, чтобы водворять у себя чужую нетерпимость. Мы можем желать и желаем религиозной свободы, но не можем и не должны желать никакой поправки властолюбивым притязаниям чуждой церкви, которая захотела бы пользоваться у нас правами господствующей церкви и даже большими. Мы не можем желать, чтобы в России был допущен папский нунций, который в качестве представителя чуждой власти стоял бы посредником между русскою короною и ее католическими подданными. Этого мы не можем желать, но это вовсе не относится к религиозной свободе, хотя этого требует от нас его святейшество папа во имя религиозной свободы. Пусть прежде потребовал бы он, например, от испанского правительства, для которого голос его имеет непререкаемый авторитет, чтобы в Испании люди других христианских вероисповеданий могли жить и умирать по-христиански, а не считались язычниками и собаками. У нас католикам нет ни малейшего стеснения; они имеют свою церковь, свою иерархию, и духовенство их во многих отношениях чуть ли не лучше поставлено, чем духовенство господствующей у нас церкви. Католические подданные русской державы ничем не унижены пред православными; они могут быть и военачальниками, и градоначальниками. Стало быть, ни папа, ни католические подданные русской державы не имеют права жаловаться на нетерпимость к ним русского закона.

В чем же может состоять у нас расширение религиозной свободы, и с какой стороны могут быть заявлены подобные желания? Как католическая, так и другие признанные христианские церкви пользуются у нас всеми правами и льготами, каких только могут они разумно желать. Вопрос о религиозной свободе совести отнюдь не должен быть поставлен как вопрос расширения прав той или другой иноверческой секты, но как вопрос, касающийся прав и льгот, принадлежащих русским людям.

Русский народ не может изменить православной церкви; в ней душа его, в ней святыня его народности. В ней он возрос, в ней он воспитан, ею утверждена его самостоятельность, и в ней вся его будущность. Православная церковь есть наша на-

родная церковь, и такую она должна остаться. Государство должно ограждать ее, оберегать ее и от разбойника, и от тати, усиливать и улучшать положение ее служителей, чтобы они могли успешно и крепко пасти свою паству, не допускать совращения малолетних. Но едва ли обязанности государства могут простираться на совесть людей взрослых и самостоятельных; едва ли может оно полагать свой меч между совестью человека и Богом. Мы можем скорбеть об отпадении человека, но можем уважить свободу его совести. Лучше ли, чтобы он лицемерил и сквернил церковь ложным единением с ней? Если мы можем находиться во всякого родообщении с немцами и французами; если мы допускаем смешанные браки, то нет основания отвергать русского католика или протестанта, тем более что мы между своими же согражданами считаем много людей совершенно преданных нашему отечеству, людей, хотя бы и с иностранными именами, но русских по рождению, по языку, по образу мыслей, не принадлежащих, однако, к православной церкви.

В настоящее время с особенною силою возникает вопрос о сближении разнородных элементов, входящих в состав русского государства. Должны ли мы желать, чтобы между этими элементами господствовала религиозная напряженность и чтоб она усиливалась и поддерживалась вмешательством государства в дела совести и религиозного убеждения? Русские подданные католического вероисповедания, составляющие большинство высших классов в наших западных губерниях, могут ли считать себя вполне русскими людьми (а они должны считать себя такими), когда им беспрестанно напоминают, что русский человек отнюдь не может быть католиком? С другой стороны, можем ли мы ожидать, чтобы католическое духовенство, признаваемое и содержимое нашим правительством, было искренно предано интересам России, когда оно принуждено считать себя органом и символом враждебных России, не дозволительных в ней, национальных польских притязаний? Не значит ли этим, с одной стороны, отчуждать постоянно польскую национальность от России элементом религиозным, с другой стороны, делать католическое духовенство органом враждебных России национальных притязаний?

В настоящее время особенно чувствуется необходимость разобщить эти два элемента, национально-польский и религиозно-католический, которые вовсе не совпадают между собою, но которые у нас благодаря стечению обстоятельств по необходимости совпадают и в совокупности образуют самый вредный в нашем государственном составе элемент. Нет никакого сомнения, что из русских людей не многие изменили бы православной церкви даже при самой полной религиозной свободе. О простом народе нечего и говорить, лишь бы только мы сами не вздумали отдать его в чужие руки. Отщепенцы могли бы оказаться только в образованных классах. Но в так называемых образованных классах мы, к сожалению, встречаем более признаков безверия или равнодушия к вере, нежели склонности к обращению в какое-либо другое вероисповедание. Мы должны усилить наше религиозное воспитание в домашнем быту и в школе; мы должны поставить наше духовенство в лучшие условия для того, чтобы оно могло с успехом поддерживать религиозное чувство в обществе, с успехом исполнять свое назначение в религиозном воспитании как народа вообще, так и образованных классов его. Более всего следует желать, чтоб оно предохраняло растущие поколения от легкомыслия и безверия. Нет сомнения, что с религиозной точки зрения лучше, чтобы человек исповедовал какую-нибудь веру, чем оставался без всякой веры, или, как наши нигилисты, полагал свою религию в духе отрицания и с бессмысленным фанатизмом служил этому божеству. Уж

если необходимо сделать выбор, то лучше предпочесть прозелитизм католический, чем прозелитизм безверия и отрицания. Но наше духовенство, будучи поставлено в благоприятные условия для религиозного воспитания общества, спасая и ограждая религиозное чувство, тем самым будет вернее всяких других способов привязывать людей к православной церкви и предотвращать всякую иноверческую пропаганду.

Обращаясь к теперешним нашим затруднениям, спросим себя, не лучше ли было бы, если бы католическая иерархия в России не состояла преимущественно из национальных польских элементов? Римско-католическое вероисповедание в России становится *de facto* польским национальным учреждением, а это, как замечено выше, приводит в ложное положение как римско-католическую церковь у нас, так и польскую народность. Всем известно, какое участие принимали и принимают польские ксендзы в нынешних волнениях и смутах. Трудно оградить даже солдат наших польского происхождения от влияний духовных бесед с ксендзом, в которых религиозное слово озлобляется духом национальной пропаганды, а национальная пропаганда фальшиво усиливается примесью религиозного авторитета. Мы с негодованием слышим о подвигах польско-латинских ксендзов, об ужасах, совершаемых ими, о темных делах, которых они являются главными виновниками и которые несовместимы с духом какой бы то ни было христианской церкви. А римско-католическая церковь есть церковь христианская. Несмотря на ее заблуждения, мы не можем не признать за нею этот характер христианской церкви. Не везде же католическое духовенство действует так, как в настоящее время действует польское. Католические духовные лица, свободные от фальшивой национальной или политической примеси и не находящиеся под терроризацией революционных комитетов, действовали бы, несомненно, иначе. Но откуда могли бы мы взять других католических иерархов и священников? Откуда? Есть целые славянские страны, исповедующие католическую веру; укажем преимущественно на чехов, которым ничего не стоит в самом скором времени знать как нельзя лучше и русский, и польский язык. Приглашаемые нашим правительством в Россию для католических жителей империи, преимущественно находящихся на службе, они могли бы вернее и надежнее пасти свое духовное стадо, чем польские ксендзы; по крайней мере дело католической религии не было бы монополией в руках польских ксендзов, которые под видом религии внушают и воспитанникам, и вообще духовным детям своим безумную ненависть к России и дух революции. Все зависит от тона, от главного направления, от принятого начала. Как только дело религии перестанет быть монополией какой бы то ни было национальности, коль скоро в католическую иерархию будут приняты в значительном количестве и другие элементы, кроме польского, так тотчас церковное дело более или менее явственно отделится от политического, и те же самые ксендзы во многом и очень скоро изменят свой характер. Они невольно почувствуют свое истинное назначение — быть служителями алтаря, а не орудиями революции, политических заговоров и интриг. Начало религиозной свободы, понятое в своем истинном и разумном смысле, довершило бы победу над злом. Есть несколько русских людей, перешедших в католицизм, утративших свои гражданские права в России, живущих на чужбине и поступивших в духовенство. Мы припоминаем теперь одно имя, одного русского человека, который назад тому слишком двадцать лет покинул свое отечество, принял католицизм и живет теперь священником в Дублине. Это человек с замечательными способностями и редким образованием. Мы говорим о Печорине. Он был профессором в здешнем университете, но недолго, всего шесть

месяцев. Отправившись ненадолго за границу, он остался там навсегда. С ним был случай, который глубоко потряс его и навеки решил его участь. Это было в католическом городе Брюсселе. Молодой человек, не получивший твердого религиозного воспитания и легкомысленно относившийся к предметам веры, он зашел в церковь, чтобы посмеяться и покощунствовать; он легкомысленно назвался на богословские споры, чтобы дать в них волю своему остроумию; но крепкий боец, с которым он схватился, поверг его во прах; монах-редемпторист сумел найти доступ в его душу и тронул в ней никогда дотоле не звучавшую струну религиозного чувства. Впервые молодой вольнодумец почувствовал силу религиозного убеждения, впервые обрел он в себе способность молиться и обращаться ко Христу. Восприимчивый и пылкий, он весь предался новому могущественному чувству. Бросим ли мы в него камень? укорим ли его за отпадение от православной церкви, которой он почти не знал и к которой принадлежал только по имени? Он стал католиком, но он стал христианином. Убеждение его было искренне и чисто; все, знающие Печорина, свидетельствуют о том. Образованный и развитый ум спас его от изуверства, в которое нередко впадают новообращенные. Он тихо исповедует свою веру, молится, служит при больнице, утешая страждущих и напутствуя отходящих в вечность. Но преданный делу своего церковного служения, он, может быть, не без грусти вспоминает о своем далеком отечестве. Неужели какой-нибудь ксендз Мацкевич*, предводительствовавший шайками мятежников в Литве, имеет более права жить и священствовать в России, нежели, например, Печорин? Неужели непременно нужно, чтобы духовник наших солдат-католиков был поляк и говорил не иначе как по-польски? Неужели непременно требуется усиленно отчуждать наших католических сограждан в западном крае от русского языка и заставлять их исповедоваться, слушать проповедь и учиться закону Божию на языке польском? Неужели непременно нужно, чтобы люди, которые и для своего и для нашего спокойствия должны чувствовать и знать себя русскими, какой бы ни были они религии, неужели непременно нужно, чтобы эти люди не иначе мыслили и говорили о предметах своей веры, как по-польски? Неужели непременно нужно, чтобы самый священный предмет, самая глубокая основа человеческой жизни соединялась неразрывно с языком, который служит символом притязаний столь же враждебных для России, сколько несбыточных, изнурительных и пагубных для тех людей, в которых они искусственно поддерживаются? Если русский язык есть язык, господствующий в западном крае, столько же, как и в восточном; если на этом языке отправляется суд; если на этом языке преподают все предметы в школах, то почему же на этом языке не может быть преподаваемо и слово Божие по римско-католическому догмату? Неужели бояться, что, допустив на русском языке католическую проповедь и вероучение, мы этим сокрушим русский народ и повредим нашей православной церкви? Да если бы десятки и сотни русских людей и стали католиками, то был ли бы какой-нибудь ущерб от того для православной церкви? Не лучше ли ей освободиться от элементов неверных, которые никогда существенно не принадлежали ей, и, быть может, не только были внутренне чужды ей, но не имели никакой религии? Отпадение таких элементов может не ослабить, а разве усилить нашу церковь.

* Возможно, М. Н. Катков имел в виду ксендза Антония Мацкевича, являвшегося одним из руководителей восстания в Литве и возглавлявшего крупнейший отряд повстанцев в Ковенской губернии.

Государство не должно поощрять отпадений от православной церкви, а поощрения могут быть не только прямые, но и косвенные, действующие издали, и такими путями, которые, по-видимому, клонятся в противную сторону. Все, что ведет к ослаблению духа в церкви, все, что роняет или унижает положение ее служителей, все, что умаляет ее участие в народном воспитании и образовании; а, с другой стороны, всякого рода преимущества, нравственные или материальные, сознательно или бессознательно предоставляемые другим вероисповеданиям, — все это может очень сильно поощрять к отпадениям. Государство должно высоко держать знамя церкви, блюсти ее честь и величие повсюду, но оно не должно ослаблять ее духа посторонними подпорками и помочами. Такая оценка и заботливость о ней, в сущности, гораздо для нее вреднее, чем ожесточенный напор враждебных сил. Мы должны верить в ее внутреннюю, святую силу, а искусственные подпорки могут выразить только недостаток нашей веры в эту силу и непременно отзовутся всякими злоупотреблениями, всяким вредом и упадком. Времена меняются, и всякое время несет свою заботу. Что было возможно или даже необходимо в былые эпохи, то становится обильным источником зла в наше время. Дух отрицания в соединении с умственной грубостью и невежеством зародился и развивается в воспитательных заведениях самого духовенства. Только мощная, живая, внутренняя сила в духовенстве может избавить его и нас от этой язвы. Надобно безотлагательно улучшить положение нашего духовенства, надобно уважить его, надобно устранить все, что препятствует ему занять надлежащее место в воспитании народа; надобно глубже и серьезнее вникнуть во все условия его быта, пересмотреть учреждения, пресечь злоупотребления и с тем вместе устранить все, что усыпляет в церкви дух жизни и действия.

В целом мире должны мы охранять честь, достоинство и величие нашей церкви. Она по преимуществу вверена нашему народу. Мы должны защищать ее интересы пуще всего. Тут ни о какой уступке, ни о каком послаблении не должно быть речи. Везде, где страдают интересы нашей церкви, мы же, держава великая, не рассуждая и не колеблясь, должны спешить на защиту ее. Чего бы эта защита ни стоила, мы не должны ни минуты колебаться. Ни в чем не должны мы уступать ни католическим державам, ни папе; им ни в чем не должны уступать мы ни на Западе, ни на Востоке. Папского нунция мы не должны принимать. Подобными уступками мы ничего не выиграем, а, напротив, проиграем. Чем принимать папского нунция, лучше не изгонять русских людей, ставших членами хотя и чуждой нам, но признаваемой нами церкви.

Франция — страна католическая; она считает своим долгом защищать католические интересы на всем земном шаре. Напрасно мы думаем, что мы можем иметь ее своею доброю союзницею на Востоке, где православие и католицизм находятся в постоянной и глубокой борьбе между собою: нет, именно на Востоке Франция самая главная противница и соперница наша. Но римско-католический характер этой державы не препятствует французу переходить в другую церковь. Православная церковь не пользуется никакими особенными льготами во Франции, но француз-католик может без всякого препятствия присоединиться к православию. Недавно из рук отца Васильева, нашего священника в Париже, причастился святых таинств католический аббат француз Гетт, который пожелал присоединиться к нашей церкви*.

* Рене Франсуа Гетте (Guettée) (1816–1892), католический священник, перешедший в 1862 году в православие и принявший имя отца Владимира.

Став православным, г[осподин] Гетт не потерял гражданских прав, он не изгнан из Франции. В Англии католическая церковь не только не пользуется никаким почетом, но самое существование ее едва признано законом. Англиканская церковь есть в Англии национальная церковь, как у нас православная, и закон там бодрствует о соблюдении всех интересов национальной церкви; но англичанин может свободно стать и католиком, и православным, может свободно вместо учрежденной церкви ходить для молитвы в диссидентскую часовню.

Вот в каком направлении должны мы сделать шаг вперед, если только мы хотим сделать шаг вперед. Вот чего можем мы требовать от себя, и чего могут ожидать от нас другие в смысле взаимности. И только что-либо в этом смысле, что-либо, соответствующее нашим собственным интересам, что-либо, усиливающее нас, возвышающее наше достоинство, только что-либо такое может приобрести нам всеобщее уважение и возвысить наше всемирное значение».

II. Подобные предложения вызвали резкую отповедь М. П. Погодина, статья которого появилась в № 174 «Московских Ведомостей» от 10 августа 1863 года.

«Прочел я вашу передовую статью о католицизме и о прочем, 2 августа, и должен заявить, что в некоторых пунктах с вами несогласен: вы увлеклись, имея перед собою в воображении фигуру любезного Печорина, и сделали уступку, совершенно не согласную с духом ваших последних статей, мною вполне принимаемых и одобряемых. Я протестую против этой уступки в вашей же газете, а вы примите благодушно мой протест в доказательство, что ищите и желаете истины. Печорин же и подает мне первое оружие для состязания с вами. Я знал и любил его, приняв с распростертыми объятиями, равно как и всех его товарищей, молодых ученых профессорского института, которые, приехав к нам в 1835 году, с новым попечителем, хотя принесли университету много пользы на первых порах, но и причинили много вреда, замешали наше старое доброе время, подобно грекам, приедем с царевною Софьей Фоминичной*. Печорину случилось мне сказать последнее прощай в университетских воротах в июне 1836 года, когда он, получив отпуск в правлении, выходил со двора на улицу. Я живо помню, как мы остановились и обменялись благожеланиями. Печорин был талант необыкновенный: до него в университете никто не занимался по-гречески, потому что профессора этого времени были, не тем будь помянуты, дуботолки. Печорин в один год сделал то, что все студенты принялись с жаром учиться по-гречески. Мне очень было жаль, когда я услышал, что он остался за границей. В путешествии 1839 года я искал Печорина везде в Европе, думая убедить его к возвращению, и напал было на след его в Берне, где он пред тем содержал какую-то библиотечку, но после Берна он скрылся у меня из виду.

«Неужели какой-нибудь ксендз Мацкевич, — говорите вы, — предводительствовавший шайками мятежников в Литве, имеет больше права жить и священствовать в России, нежели, например, Печорин?» О правах тут речи не может быть, но Печорина ни за что на свете не пущу я жить и священствовать в России, потому что он привлечет к себе прозелитов еще больше, чем к греческому языку.

* Софья (Зоя) Фоминична Палеолог (ок. 1455–1503), племянница последнего византийского императора Константина XI, великая княгиня московская, вторая жена Ивана III и мать Василия III.

«Папского нунция, — говорите вы, — мы не должны принимать... Чем принимать папского нунция, лучше не изгонять русских людей, ставших членами хотя чуждой нам, но признаваемой нами церковью».

Папского нунция принимать нам не надо, но от своих отщепенцев сугубо и трегубо оборони нас Боже! Папский нунций, будь он сам Фома Кемпийский, Франсуа-де-Саль, Ласказас*, Лакордер, не обратят у нас никого или очень мало, а Печорин, повторяю, оборотит тысячи. Русский католик, чем он выше, чище, умнее, лучше, тем он опаснее, особенно ввиду русской мягкости, легкости, восприимчивости и — невежества! Покажите вы маленькое послабление в этом отношении, и половина нашего высшего сословия, особенно дамы, кинутся в объятия любезных французских аббатов! О, с каким остервенением готов я был вцепиться в волоса (извините) какой-то Воронцовой или Бутурлиной, встретив ее в Риме с молитвенником на руках, близ Piazza di Spagna. Еще помню я горькую минуту в моей жизни, когда, заехав в Дрезден к одной самой дорогой и любезной для меня женщине (героине моих повестей), услышал от ее швейцара, что она уехала в католическую церковь!

Наше высшее сословие до сих пор на руках английских няnek, французских учителей и немецких гувернеров, не получает почти никакого понятия о религии, кроме краткого катехизиса, объясненного приходским, иногда бесталанным, священником. Вот о чем мало думают наши пастыри, которые, между тем, заботятся о прикровении недостатков духовного управления, и в честных указаниях видят посягновение на церковь! Вот где настоящие опасности и горести для церкви! Достигнув зрелого возраста, дамы являются почти дикими, язычницами, в чужих краях, а нежное, любящее сердце ищет веры, надежды и любви. Лев рыкаем, испий кого поглотит**, тут как тут, и начинается обращение с убедительными речами, краткими чувствами, вдохновенными взглядами — и снисходительными индульгенциями. Воображение воспалено, чувство тронут, да и чувственность возбуждена. Все умно, приятно, изящно, деликатно, в сравнении с приходским попом, который, по выражению императрицы Екатерины, редькой рыгает. А у обращенных, кроме красоты, есть еще и деньжонки, у иных по миллиону. Лакомке кусочки: есть из чего поработать воспитанникам преподобного Игнатия Лайолы. Да здравствует Папа! Согрешили и покаемся. А в чистилище есть запас милосердия. История наших дамских обращений одна и та же. Попадаются и мужчины, подобнее, помягче и послабее, как, например, племянники покойного князя Сергея Михайловича.

Князь Сергей Михайлович Голицын*** лет пятьдесят, скажем мимоходом, начальствовал большею частью московских учебных заведений, а, между тем, самых ближайших своих родных воспитать не умел, при всей своей доброте, благонамеренности и преданности. Вот где источник многих нынешних явлений! Настоящее воспитание высшего сословия, только немного изменившееся к лучшему, очень не-

* Фома Кемпийский (ок. 1379–1471), немецкий монах и священник, предполагаемый автор трактата «О подражании Христу».

Франсуа де-Саль (1567–1622), монах и проповедник, в 1665 причислен к лику святых, в 1877 провозглашен первым и единственным франкоговорящим Отцом церкви.

Бартоломе Лас Касас (Las Casas) (1474–1566), монах-доминиканец, епископ, миссионер, богослов, защитник прав индейцев.

** Первое соборное послание святого апостола Петра, V, 8.

*** Сергей Михайлович Голицын (1774–1859), князь, в 1830–1835 попечитель Московского учебного округа. Многие члены этой фамилии приняли католичество.

много, в последнее время, есть одна из главнейших причин нашего упадка, даже политического. Вот о чем должно нам серьезно подумать.

Но возвратимся к мужчинам, принимающим католичество. Вы говорите в защиту Печорина, «что восприимчивый и пылкий, он весь предался новому, могущественному чувству. Бросим ли мы в него камень? укорим ли его, — спрашиваете вы, — за отпадение от православной церкви, которой он почти не знал и к которой принадлежал только по имени?» Укорим, укорим, отвечаю, имеем полное право укорить, точно как Астромова*, Мартынова, еще более чем несчастных прозелитов женского пола, зачем они, не имея понятия о своем вероисповедании, в первую минуту религиозного пробуждения бросились в объятия встречных католиков, а не воротились домой спросить Филарета, Иннокентия, Горского**, и предъявить им свои сомнения и недоумения?

Вот их вина, которой не искупят никакими подвигами.

«Уж если необходимо делать выбор, то лучше предпочесть прозелитизм католический, чем прозелитизм безверия и отрицания». Католик лучше неверующего. В христианском религиозном смысле так, но в государственном смысле русский католик в России гораздо вреднее неверующего: неверующий не приобретет прозелитов в массах, а русский католик, Печорин, имеет много возможностей и надежды на успех не только талантами и примерами, не только проповедуя, но и молча.

Против преподавания католического законоучения на русском языке я ничего сказать не имею, но кто же преподавать будет католичество по-русски? Удельная польза русского языка здесь будет очень незначительна.

«Неужели бояться, что, допуская на русском языке католическую проповедь и вероучение, мы этим сокрушим русский народ и повредим нашей православной церкви?» Бояться нечего, но и допускать коварную пропаганду *при недостаточно установленных убеждениях* высшего сословия, нерассудительно и опасно. Прежде мы должны утвердить, усилить, распространить учение нашей церкви, а потом уже и объявить свободу вероисповеданий подобно Англии, Франции и Германии, точно как, основав заводы и фабрики и застраховавав их производство, можем ослабить тариф, но не прежде.

Итак, касательно свободы вероисповеданий, я с вами не согласен на ближайшее время, но вот следующие слова ваши я считаю золотыми и рад случаю повторить их здесь. Повторять их нам должно без устали. За такие-то слова ваши я и пошел к вам из попов в диаконы, оставив частные неудовольствия, чтобы помогать из всех сил газете, которая в настоящих обстоятельствах нашла лучший камертон, умела занять крепкое положение, и в насущном вопросе, вопросе польском, рассуждает дельнее и лучше всех — «Дух отрицания в соединении с умственной грубостью и невежеством зародился и развивается в воспитательных заведениях самого духовенства. Только мощная, живая, внутренняя сила в духовенстве может избавить его и нас от этой язвы. Надобно безотлагательно улучшить положение нашего духовенства, надобно уважить его, надобно устранить все, что препятствует ему занять надлежащее место в воспитании народа, надобно глубже и серьезнее вникнуть во все условия его быта,

* Юлиан Константинович Астронов (1820-1913), русский католик, иезуит, обращен в 1846, рукоположен в 1856, священник в Риме, по взглядам крайний ультрамонтан.

** Филарет (в миру Василий Михайлович Дроздов (1782-1867)), митрополит московский и коломенский; Иннокентий (в миру Иван Евсеевич Попов-Вениаминов (1797-1879)), архиепископ, член Синода; Александр Васильевич Горский (1812-1875), историк церкви, профессор, ректор (с 1864) Московской духовной академии.

пересмотреть учреждения, пресечь злоупотребления, и с тем вместе устранить все, что усыпляет в церкви дух жизни и действия. В целом мире должны мы охранять честь, достоинство и величие нашей церкви. Она по преимуществу вверена нашему народу. Мы должны защищать ее интересы пуще всего. Тут ни о какой уступке, ни о каком послаблении не должно быть речи. Везде, где страдают интересы нашей церкви, мы, держава великая, не рассуждая и не колеблясь, должны спешить на защиту ее. Чего бы эта защита ни стоила, мы не должны ни минуты колебаться».

III. Передовая статья М. Н. Каткова в № 174 «Московских Ведомостей» от 10 августа 1863 года, предшествовавшая письму М. П. Погодина и являвшаяся ему своеобразным ответом.

«Все хорошо с умом, сказали мы, заговорив на днях о религиозной свободе, и тут же сами, как нам теперь доказывают, ума не спросились. Вот как трудно решать сложные практические вопросы и как легко попасть впросак! М. П. Погодин, сочувствием которого мы очень дорожим и которому в то же время от души благодарны за его возражения и замечания, сильно журит нас (см. ниже) за допущенную нами уступку началу религиозной свободы. Находя, что папского нунция допускать в Россию не следует, он «сугубо и трегубо» протестует против допущения отщепенцев от православной церкви. Печорин гораздо опаснее, по его мнению, всех нунциев в мире, и опасен он не только своею проповедью, но и своим молчанием. Эти отщепенцы, по его мнению, увлекут за собою множество русских людей, особенно из высшего общества. Так или иначе, мы из всех этих возражений убеждаемся только в одном, — в необходимости величайшей осторожности и осмотрительности при решении общественных вопросов. Недостаточно уяснить себе элементы дела отвлеченно, необходимо при обсуждении практического вопроса оценить и взвесить разнообразные условия и обстоятельства, с которыми оно связано в действительности. Вот почему всякое решение в общественных делах требует всестороннего обсуждения, из коего нередко может обнаружиться, что та или другая, в основании своих, правильная мера может в применении своем вести к результатам совершенно противным ожиданию. Но, к счастью, мы ничего не решали и даже ничего не докладывали для решения. Мы только высказали мнение, которое, во всяком случае, не худо принять к соображению хотя бы затем, чтобы по надлежащем соображении откинуть его, и, таким образом, упростить и очистить дело, подлежащее обсуждению.

Если допущение отщепенцев может грозить опасностью существенным и великим интересам, которые мы должны беречь и охранять, если это допущение может повредить православной церкви, поколебать наше государство, обессилить наш народ, то кто решится предлагать подобную меру? Вопрос может состоять только в том, лекарство это или яд, и если яд, то мы «сугубо и трегубо» должны отказаться от него. Весь вопрос состоит только в этом. Нам жаль только то, что и в этом вопросе встречаемся мы с нашим старым знакомым, с этим обычным аргументом, опирающимся на незрелость общества, с этим вечным недоверием к своему народу, к силе своей церкви и к прочности своего государства. Мы ценим все это очень высоко, но только на словах, а на деле мы едва верим в самое их существование. Мы ропщем на малодушие и маловерие других, удивляемся нелепости чужих опасений, видим, как они бывают неосновательны, какими они сопровождаются дурными последствиями, и в то же время сами повинемся той же логике и подаем голос точно в таком же смысле.

Наш почтенный оппонент полагает, что свобода совести, как бы ни была она хороша сама по себе, никак не может быть допущена у нас в ближайшее время. Он отлагает ее водворение до того времени, когда наше общество окрепнет, возмужает, созреет, будет умнее. Тогда, в виде награды, оно может быть спущено с полицейских помочей. Но нам кажется, что такая точка зрения ошибочна. Льготы, приобретаемые обществом, отнюдь не должны иметь значения награды. Явления, подобные отщепенству, вовсе не цель или благо, к которому надобно стремиться. Какая радость в том, что человек отрекается от веры своих отцов и разрывает те внутренние связи, которые соединяют его с родными и близкими? Что хорошего в этом? Можно ли желать этого и видеть в подобных явлениях характеристику другого лучшего времени, которое наступит для нас, когда мы будем умнее и лучше? В то время, когда мы будем умнее и лучше, может быть, никому и не потребуется этой печальной свободы переходить от своей церкви к другой. Но как нам стать умнее и лучше? Какими путями пойти нам к этой цели? Может ли общество когда-нибудь созреть умственно и нравственно без элемента свободы? Можно ли выучиться ходить не ходя, выучиться плавать не плавая? Можно ли приобрести опытность без опытов, без испытаний, без усилий и жертв?

Мы понимаем возможность многих серьезных соображений, заставляющих взглянуть на дело иначе, и сами не чужды им и поспешили бы заявить и развить их, если бы потребовался окончательный итог всех плюсов и минусов для решения вопроса. Мы не настаивали, мы не настаиваем на принятии какой-либо меры в смысле религиозной свободы. Мы сказали только: вот шаг, который должны мы сделать, если только хотим мы сделать шаг в таком смысле. Всякие реформы и изменения должны быть вызываемы чувством наших собственных затруднений, а не уступчивостью ради чужих удобств. Католическое вероисповедание и без того пользуется у нас, может быть, слишком большими удобствами. Если религиозная свобода оказывается вредною нам, то мы должны дважды и трижды отказаться от нее. К чему же она, если мы сами не хотим ее и если она пагубна нам? Если она пагубна для русского православного общества, то о ней и речи быть не может. Также точно и всякая другая свобода: если, например, свобода печати есть вред, то не к чему и заводить о ней речь и надобно трижды протестовать против нее и опуститься на покойные помочи цензуры. Всякая свобода, повторяем, допускается не ради удовольствия, а ради пользы, которая в ней предполагается; если же вместо пользы от нее следует ожидать вреда, то Бог с нею совсем! Кому она в таком случае нужна?

Наш почтенный возражатель видит в свободе совести прямо и непосредственно свободу пропаганды. Это вводит его в заблуждение и усиливает его боязнь. Почти во всех цивилизованных европейских государствах допускается полная свобода совести, свобода каждому исповедовать ту или другую веру, но не везде, далеко не везде допускается полная свобода проповеди в виде пропаганды. Коварное совращение предупреждается и преследуется законом при самой полной свободе совести; вынуждение не только материальное, но и нравственное считается преступлением. Итак, можно еще принимать строгие меры против бессовестных совратителей и ограждать от них людей несамостоятельных, — хотя и в этом случае положительные меры несравненно действительнее, чем отрицательные, — и в то же время допускать свободу совести. Есть огромная разница между освобождением совести от полицейского запрета и предоставлением всякому всевозможных удобств действовать какими угодно средствами на совесть других. Везде либо государство, либо само общество принимают деятельные меры против наглых и бесчестных совратителей,

езде стараются отнять у них удобства действовать непозволительными способами, обращаться к массам с грубыми прельщениями и устрашениями или тайно подкрадываться к людям с обманом и хитростью. В Австрии допущена теперь свобода вероисповеданий, несмотря на то, что католическая церковь пользуется там всеми правами господствующей церкви и ревниво оберегает их; но закон, допускающий там переход от господствующей церкви к другой и наоборот, постановляет непременно условием предварительное заявление и отпуск. Католик, возымевший желание присоединиться к православию или к протестантскому вероисповеданию, а равно и наоборот, обязан при двух свидетелях заявить о том своему духовному пастырю, подвергнуться опросу в побудительных причинах, склоняющих его к переходу, выждать некоторое довольно значительное время и лишь при исполнении всех этих условий, при непоколебимой решимости имеет право просить отпуска. Таким постановлением предупреждаются нападения врасплох и тайные захваты. Благодаря такому постановлению человек не имеет надобности скрывать свое отпадение от церкви. Его насильно не держат; но обязывая его к предварительному заявлению и искусству, тем самым дают ему возможность войти в себя, одуматься, отдать себе отчет в своем влечении и может быть в последнюю минуту при разлуке с церковью внять ее призыву, раскаяться и возвратиться в ее недра с полным и истинным убеждением. Свет всегда лучше потемок, и только в потемках действует зло, только в потемках прихотливо обманам, только в потемках могут быть страшны коварные соращения.

Да, надобно оберегаться и от разбойника, и от татя; но в потемках ли удобно оберегаться от них? История свидетельствует, что ревностные паписты не отступают ни перед какими средствами и для возвеличения своего папы готовы забыть Христа и даже пожертвовать самыми коренными нравственными правилами, обязательными и для язычников. Не находя прямых дорог, польские ксендзы пускаются не колеблясь во всякую извилину и идут на всякий обман. Остановятся ли эти воители перед нашими запретами и нашими карами, когда они готовы на всякую сделку с совестью? М. П. Погодин негодует на отщепенцев, но знает ли он, что есть отщепенцы скрытые, которых иезуиты благословляют обманывать и людей, и свою совесть, и Бога? Есть отщепенцы явные, и есть отщепенцы тайные. Наш возражатель негодует на первых, а что он скажет о последних? И какое преподаст он нам средство против пропаганды, которая дозволяет православному наружно соблюдать все обряды его церкви, а внутренне отречься от нее и исповедовать папу? Знает ли наш возражатель об этой новой унии, изобретенной иезуитскою хитростью? Мы воспрещаем выход из православной церкви тем, кто не хочет или, лучше сказать, кто не достоин в ней оставаться. Прекрасно! Польский ксендз этому рад: он рад, что его жертва может оставаться в недрах нашей церкви, оскверняя ее обманом. Римская пропаганда теперь уже не требует, чтоб уловленный ею человек формально отпадал от своей церкви, она берет себе только душу его. Ему разрешается ходить на молитву в церковь его отцов и исполнять те из ее правил, которые охраняются полицией и помечаются в книгах; она дозволяет ему удерживать звание православного и довольствуется безделицей, довольствуется тем, чтоб он в душе своей признавал себя папистом и находился в тайном общении с римскою церковью. Мы не понимаем этого чудовищного обмана, но перед ним не задерживается совесть ярых папистов. Они не только решат и вяжут, но и заранее отпускают всякий грех и благословляют человека на всякую ложь. Мы тщимся оградиться от них полицейскими мерами, и они очень рады оставить за нами полицейскую часть человека, а себе берут духов-

ную. Они очень рады выесть ядро, а нам оставить скорлупу. Нам — форму и букву, нам — метрическую книгу, нам — оскверненную молитву и поруганное таинство, а им святыню совести, им сердце и дух человека. Хорош ли этот раздел? Рады ли мы этому обмену? Полезен ли он нашей церкви или нашему государству?

Мы не выдумываем. Вопиющие злоупотребления, которых мы коснулись, существуют, и они могут расти и расти. Мы будем спать за полицейской охраной, а враги наши будут грабить наш дом и осквернять наше святилище. Тайных отщепенцев окажется более, чем явных, и они опаснее уже потому, что нельзя ни счесть их, ни счесться с ними. Люди, хорошо знающие западный край нашего отечества, страдающий под двойным гнетом полонизма и католицизма, свидетельствуют о развитии этой язвы, которая ускользает в своем мраке от всякого врачевания. Просвещенные дети этого края, любящие его и преданные интересам православной церкви, вопиют и просят света, света, света. Они просят свободы совести как единственно надежного оружия против тайного врага, бессовестного и коварного. Вот что пишет господин Коялович* (День, № 24):

«...Это совершенно новый вид унии, я его назову самым утилитарным в Литве и Белоруссии или, иначе сказать, это собственно литовско-белорусская уния. Дело вот в чем. Русские законы не позволяют бросать православия, а латинская пропаганда непременно хочет совращать православных. Вследствие этого стала устанавливаться такая практика, что человек, совершая в православной церкви все то, что записывается в книги и требуется формально, может держать латинские убеждения и обновлять их, как выражаются составители прошения об унии, в латинском костеле на исповеди у латинского священника. Теперь эта практика вводится в теорию. Подивитесь, как сошлись тут наши законы и латинство! Верьте после этого, что латинство может быть стеснено какими-нибудь законами! Я, по крайней мере, этому не верю и вижу к обузданию иезуитского латинства (о нем только я и говорю) одно средство — это полная свобода совести и полная свобода слова».

Здесь, в Москве, внутри России, вопрос о свободе совести не имеет такого практического значения, которое крепко вынуждало бы заняться им серьезно, вникая во все элементы и условия окружающей действительности. Здесь это вынуждение не так сильно чувствуется и здесь еще можно говорить сколько угодно и в ту, и в другую сторону, следуя установившейся рутине или уносясь в отвлеченности. Но мы заговорили о свободе совести не из отвлеченных начал, не из либерального умничанья. Нам был навязан этот вопрос положением нашего западного края и борьбой, которая там идет.

В западном крае, кроме собственно польских элементов, есть довольно значительное число русских людей, которые исповедуют католическую веру. Мы говорим не о тайных, а об открытых католиках. Этих русских людей, явных католиков, насчитывается теперь до 93.000 (см. Вестник Западной и Юго-Западной России март книжка). Но назад тому лет двадцать белорусов, исповедовавших католическую религию, насчитывалось чуть не вчетверо. У Шафарика** в его Народописи (издания 1842 года) показано белорусов-католиков 350.000. Где девалось это множество белорусов-католиков, если справедливо показание, что теперь во всех наших западных губерниях не более 93.000 этого класса людей? Не очевидно ли, что они стали поляками и, может быть, врагами России? А между тем и самые польские элементы в том краю должны же, наконец, признать себя русскими. На веру их ни государство

* Михаил Осипович Коялович (1828–1891), историк славянофильского направления.

** Павел Йозеф Шафарик (1795–1861), известный словацкий и чешский ученый-славист.

наше, ни церковь наша не замышляют никаких покушений. Католическая церковь пользуется у нас полною терпимостью, и люди, принадлежащие к ней, обладают всею полнотою гражданских и политических прав. Пусть же они остаются католиками, но они должны быть русскими. Против католической пропаганды мы должны принимать меры, мы должны отрезвлять ее, но потому-то и едва ли полезно оставлять католическую пропаганду в неразрывном единении с элементами польской национальности, точно также одержимой недугом, как и лихорадочная пропаганда папизма, едва ли полезно оставлять эту сугубую пропаганду впотьмах, чтоб она совершала дело тайной унии похищением людей из православной церкви и вместе из русского народа? Едва ли не полезнее расторгнуть элементы этой двойственной, враждебной нам пропаганды и во всяком случае вывести ее на свет, чтоб обнаружались все ее средства и стали невозможны ее ковы. Едва ли не полезнее противоборствовать этой сугубо вредной пропаганде действительными средствами, чем тешить себя полицейскою охраною, которая в подобных случаях бывает по большей части бессильна и часто ведет к результатам, противным ожиданию. Не лучше ли действовать прямо против язвы и прямо смотреть ей в глаза? Всякая мера, которая может укрепить и усилить нас самих и придать нам зоркость, не может не быть полезна. Вопрос только в том, что может придать нам эту внутреннюю крепость и силу и эту желанную зоркость: уныние ли, недоверие ли к себе, малодушная ли надежда на подпорки, оказывающиеся среди новых обстоятельств бесполезными, или бодрость духа и живое действие при чувстве своей правоты и великодушной уверенности в своих силах? Все, что может вызвать развитие наших собственных сил, что может поднять и возвысить наш дух, все то послужит нам ко благу, и только в этом наше спасение. Все же, напротив, что внушается нам слабодушием, будет делом вредным, какой бы характер оно ни приняло и в чем бы ни выразилось, в виде ли уступки чужим притязаниям, в виде ли ограждений ничего не ограждающих, бессильных для отражения врага и только изошряющих его изобретательность, а нас усыпляющих, расслабляющих, лишаящих духа и отучающих от действия. Мы знаем, что от наших врагов внешними оградами оградиться не можем; мы знаем, что враг сумеет везде пройти ужом и жабой и что в нынешнее время для него самый лучший способ действия есть интрига, интрига, которой более всего способствует тьма и апатия среды. Должны ли мы способствовать интриге? А если нет, то какими мерами должны мы противодействовать ей? Об этом стоит серьезно подумать, и знамения времени клонятся к тому, чтобы мы избрали путь не фальшивого и слабодушного либеральничанья, которое рабски смотрит другим в глаза и попросту навязывается глупостью, а бодрой, зоркой и энергической самодеятельности во всех сферах нашей жизни. Нам всего опаснее потемки, нам всего полезнее свет, нам всего полезнее свобода и доверие к себе в движениях нашей народной жизни и в охранении наших общественных интересов, и государственных, и церковных».

Приложение № 3

Письмо В. С. Печерина по поводу статей М. Н. Каткова и М. П. Погодина, опубликованное П. В. Долгоруковым со своим кратким предисловием в № 12 «Листка» от 23 сентября 1863 года.

«Нам никогда не случалось, к искреннему сожалению нашему, встречаться с отцом Печериним, о коем много мы слышали и которого мы глубоко уважаем за его

замечательный ум и высокие качества души. Прочитав в №№ 168 и 174 Московских Ведомостей статьи, в коих о нем упоминалось, мы послали ему эти номера в Дублин, где он имеет свое пребывание, написав, что если ему будет угодно сказать и свое слово в этой полемике, то мы предлагаем ему поместить его статьи в Листке. Печатаем письмо, нами от почтенного отца Печерина полученное. Твердо веруя в истину православия, мы столь же твердо веруем и в священное право каждого человека на свободу: совести, мысли и личности, и, будучи сами проникнуты убеждениями искренними, глубоко уважаем искренность чужих убеждений. Вот это письмо».

47 Dominick Street Dublin

7 сентября 1863

«Почтеннейший Соотечественник.

Ваше имя давно мне известно из иностранных журналов, да и Листок ваш тоже читаю. Я привык уважать вас как непреклонного защитника правды и вполне разделяю ваши мнения и надежды касательно будущего России. Чувствительно благодарю вас за ваше ко мне внимание и за присылку книг и журналов: это драгоценный для меня подарок.

Но что же мне делать с Московскими Ведомостями? Эти статьи застали меня совершенно врасплох: я никак не мог вообразить, чтобы после двадцатипятилетнего отсутствия мои соотечественники еще вспомнили обо мне и с таким лестным участием. Я очень благодарен, но, признаюсь по совести, не могу принять симпатии, которой не заслуживаю. Издатель Московских Ведомостей желает какой-то свободы совести в пользу русского правительства, то есть ему хочется найти католических священников, преданных русскому самодержавию! Едва ли где он их найдет. Но за себя, по крайней мере, я могу отвечать: *я никогда не был и не буду верноподданным!* Я живо сочувствую геройским подвигам и страданиям католического духовенства в Польше: если бы я был на их месте, я бы действовал, как они действуют, лишь бы только Бог даровал мне их долю энергии и веры. Я никогда не думал, чтобы католическая религия, в какой бы то ни было стране, должна была служить опорой самодержавия и помогать Нерону казнить строптивых христиан. Я вполне разделяю мнения благороднейшего представителя католицизма г[осподина] Монталамбера; я желаю той неограниченной свободы совести, которую он так красноречиво защищал на Мехеленском конгрессе, и с ним же верую в будущий союз демократии с католицизмом. Истинная вера вышла из среды народа, не от кесаря, не от иудейской аристократии, а от бедных рыбаков. Рыбак Петр проповедовал ее простому народу и уловил мир в сети свои! А император Константин немного сделал ей добра своим высочайшим покровительством: церковь могла бы обойтись без него, и лучше бы ей было.

Странные у людей понятия о так называемых *обращениях* в католическую веру. Восприимчивость пылкой юности — проповедь — католический священник: все это вздор! Оно вовсе не так было! Никакой католический священник не сказал мне ни слова и не имел на меня ни малейшего влияния! Мое обращение началось очень рано: от первых лучей разума, на родной почве, на Руси, в глуши, в русской армии. Зрелище неправосудия и ужасной бессовестности во всех отраслях русского быта — вот первая проповедь, которая сильно на меня подействовала! Тоска по заграниче охватила мою душу с самого детства. На запад! на запад! кричал мне таинственный голос, и на запад я пошел, во что бы то ни стало! Католическая вера явилась гораздо

позже: она была лишь un corollaire*, необходимое заключение долгого логического процесса или, лучше сказать, она была для меня последним убежищем после всеобщего крушения европейских надежд в 1848 году. Может быть, я сам еще не разгадал загадки моей жизни. Это тайна Провидения. Но те, которые знали меня в Берлине, увидят теперь, что я не изменил первым убеждениям моей юности. Я люблю припоминать последние слова великого папы Григория VII; умирая в изгнании, в Салерно, он сказал: *я любил правосудие и ненавидел беззаконие и потому умираю в ссылке!* Вот эпитафия к моей жизни и моя эпитафия после смерти!

Г[осподин] Погодин очень наивно запрещает мне въезд в Россию. Он совершенно прав: с его точки зрения от меня ничего путного ожидать нельзя! Если вследствие какого-нибудь великого переворота врата отечества отверзнутся передо мною, я заблаговременно объявляю, что присоединюсь не к старой России, а к молодой, и теперь с пламенным участием простираю руку братства к молодому поколению, к любезному русскому юношеству, и хотел бы обнять их во имя будущего, во имя свободы совести и Земского Собора.

Я неохотно выхожу из своего уединения, где я так счастливо живу, соединяя умственные занятия с делами христианской любви. Теперь я совершенно погружен в изучение восточных языков. Нет никакой охоты начинать бесплодную** полемику, но не откажусь сказать слово, когда нужно. Если предшествующие строки заслужат ваше одобрение, вы можете напечатать их в вашем журнале. Не забудьте, что я почти разучился русской грамоте***: если найдутся ошибки против языка, поправьте, пожалуйста. До сих пор я поддерживал знание родного языка чтением Колокола и других сочинений г[осподина] Герцена**** и, невзирая на различие наших мнений, я обожаю его несравненный талант.

Примите уверение в моем глубоком уважении и родном сочувствии вам преданный В. Печерин».

Приложение № 4

Переписка В. С. Печерина с П. В. Долгоруковым касательно господина Фокина.

I. Письмо В. С. Печерина П. В. Долгорукову.

47 Lower Dominick Street

Dublin

10 марта 1865

Почтеннейший Князь Петр Владимирович.

Так как Вы знаете наперечет все дворянские фамилии в России, то позвольте вас просить ответить мне на следующие вопросы:

1-й. Какая это личность — Сергей Михайлович Фокин? Он, по словам его, богатый помещик Симбирской губернии (4000 душ), имел какой-то знаменитый процесс за *огромное* наследство своей жены и недавно принял католическую веру в Брюсселе.

* Неизбежное следствие — фр.

** Напротив, весьма плодотворную — прим. П. В. Долгорукова.

*** Этого вовсе не видно — прим. П. В. Долгорукова.

**** Школа хорошая: в ней писать не разучишься — прим. П. В. Долгорукова.

2-й. Когда русские помещики приезжают жить за границу, неужели нет у них своего банкира в Лондоне или Париже, так что им приходится ездить в Дублин занимать деньги?

3-й. Слыхали ли вы об англичанине Друри, у которого огромный Литейный завод в Петербурге?

Мне чрезвычайно любопытно было бы узнать ваш ответ на эти вопросы.

С душевным уважением пребываю вам преданный

В. Печерин.

II. Ответное письмо П. В. Долгорукова В. С. Печерину

7. Parsons-Green. Fulham. Middlesex

11 марта 1865

Любезный Василий* Сергеевич, спешу, спешу и спешу вам отвечать на ваше письмо. Ради Бога, не имейте никаких сношений с Фокиным: это такой мошенник, в сравнении с коим бледнеют и Наполеон III и в черте усопший Морни.

Фокин никогда не имел ни пяди земли в России и сидел в тюрьме за какие-то плутни. В этой тюрьме он познакомился с мерзавкою, ныне называющей себя его женою. Эта женщина, не имевшая никогда ни гроша, была компаньонкою в доме весьма почтенной личности, Варвары Николаевны Давыдовой, рожденной Лихаревой, сестры декабриста Лихарева**. Там она хотела вскружить голову старшему сыну Давыдовой*** и в отмщение за его к ней равнодушие зажгла свою постель, чуть не произвела пожара в доме и обвинила молодого Давыдова в поджоге. Дело объяснилось; ее посадили в тюрьму, но Варвара Николаевна Давыдова по доброте своей хлопотала об ее освобождении из тюрьмы и добилась того через Бяратинских, на сестре которых женат пасынок Варвары Николаевны, сын ее мужа**** от первого брака, граф Орлов-Давыдов*****.

При увозе в тюрьму мерзавка успела украсть паспорт заграничный молодого Давыдова, который собирался ехать на воды. Она передала этот паспорт Фокину, и они уехали за границу, где шлялись под именем г[осподи]на и г[оспо]жи Давыдовых. В Лондоне он обманул русского священника на 15 фунтов стерлингов; потом сделал фальшивый вексель на 2000 фунтов стерлингов на какой-то коммерческий дом; бежал, не заплатив ни за квартиру, ни поставщикам; в Париже (как мне рассказывал недавно прибывший оттуда Герцен) он прошлою осенью обманул кого-то на весьма значительную сумму, а теперь, как видно, отправился мошенничать в Ирландию. Так как фальшивый вексель сделан был им под именем Давыдова, то ныне он снова принял свое настоящее имя Фокина.

Вот вам биография этого русского Морни. Письмо это не секретное: можете его показывать всем и перевести на другие языки. Ради Бога, любезный друг, не имейте никаких сношений с этим мошенником.

* П. В. Долгоруков перепутал имя В. С. Печерина.

** Владимир Сергеевич Лихарев (1803–1840), подпоручик, член Южного общества, осужден по VII разряду, в 1837 определен рядовым в Отдельный кавказский корпус, погиб в бою предположительно под Валериком.

*** Льву Петровичу Давыдову (1834–1885).

**** Петра Львовича Давыдова (1777–1842). С 1833 г. женат на Варваре Николаевне (1803–1876).

***** Владимир Петрович Давыдов (1809–1882) в 1856 получил титул и фамилию графа Орлова и стал родоначальником рода графов Орловых-Давыдовых. Женат на Ольге Ивановне Бяратинской (1814–1876).

Герцен едет в Женеву поселиться во вторник, Огарев через две недели, а я в мае месяце.

Искренно вам преданный
Петр Долгоруков.

РГАЛИ. Ф. 327. Оп. 1. Ед. хр. 12 (автографы писем В. С. Печерина).

ИРЛИ (ПД). Ф. 384. Ед. хр. 8 (автографы писем П. В. Долгорукова).

Опубликовано в: Местергази Е. Г. Теоретические аспекты изучения биографии писателя (В. С. Печерин). М., 2007. С. 137–159.

Приложение № 5

Переписка В. С. Печерина с П. В. Долгоруковым о возможности переезда в Париж.

I. Письмо В. С. Печерина П. В. Долгорукову

47 Lower Dominick Street
Dublin

16 января 1865

Почтеннейший князь Петр Владимирович.

56.000 русских в Париже! Ведь это почти кажется баснословным. Но так как это напечатано в Голосе, я должен верить. Но эти 56 т[ысяч] чрезвычайно меня занимают и внушают мне желание переселиться в Париж. Ведь это целая русская колония, это ваша *Russie occidentale**. Я очень хорошо знаю, из каких материалов составлены эти 56 т[ысяч], но все же таки в этом огромном числе найдется несколько молодых людей, на которых можно бы иметь благодетельное влияние. Однако ж не воображайте себе, что я под этим разумею их обращение в католическую веру: это было бы просто безумие! Зачем же растрчивать карьеру молодых людей и лишать их отечества и всех благ жизни? Но, оставляя в стороне религиозные различия, не можно ли действовать на их ум и сердце и бросить семена, которые принесут плоды в будущем. Это верх, идеал моего честолюбия, как говорит Жорж Занд: *Règnes par l'esprit sur les esprits, par le coeur sur les coeurs*** . Я особенно выбираю последнее, и мне кажется, что с любовью все можно сделать. В этом огромном числе молодых людей я все же таки найду, кого любить и кому делать добро. Вы видите, что, несмотря на лета и опытность, я все еще мечтатель и таким, без сомнения, умру.

Я полагаю, что русское правительство не может, да и не захочет препятствовать моему пребыванию в Париже, точно так же как оно не препятствует ни Балабину***, ни Мартынову, ни другим.

Мне очень хотелось бы знать ваше мнение об этом предмете и вообще о моем переселении в Париж.

Я не считаю нужным поздравлять вас с новым годом. Да и с чем же тут поздравлять? Разве с тем, что годы проходят и что жизнь наша быстро летит к роковому пределу? *Al termine vola*****, как говорил Данте?

Ваш искренно преданный Влад[имир] Печерин.

* Западная Россия — *фр.*

** Господствовать умом над умами, сердцем над сердцами — *фр.*

*** Евгений Петрович Балабин (1815–1895), русский католик (с 1852), иезуит, священник (с 1857), монах, музыкант.

**** Я лечу к своему концу — *ит.*

П. П. В. Долгоруков ответил обстоятельным письмом.

7. Parsons Green. Fulham. Middlesex.

18 января 1865

Любезнейший Владимир Сергеевич.

Письмо ваше от 16 января возбуждает целый ряд вопросов, и так как вы мне оказываете высоко мною ценимую честь желать знать мое мнение, то изложу его со свойственной и вам, и мне откровенностью.

Весьма понимаю, что множество русских, в Париже проводящих большую часть года, внушает вам желание переселиться из далекого Дублина в средоточие Европы, в Париж. Никто не понимает этого лучше меня: желание видеть поболее соотечественников составляет одну из главных причин моего переселения наступающим летом из Лондона в многопроездную и всепосещаемую Швейцарию.

Возникающие вопросы следующие:

- 1) возможность поселиться в Париже, не подвергаясь высылке;
- 2) возможность нравственного влияния на молодых людей;
- 3) возможность католической пропаганды;
- 4) отношения ваши к духовенству вашего вероисповедания и
- 5) условия материальные.

1) *Возможность поселиться в Париже, не подвергаясь высылке.* Русское правительство, конечно, ничего вам сделать не может, но с таким мошенником, как Наполеон*, меняющий свою политику три раза в год, не имеющий никакой предсчитанной системы и способный на всякие мерзости, с таким мазуриком ни за что ручаться нельзя. Если вы теперь переселитесь в Париж, я полагаю, что вам будет необходимо иметь рекомендательные письма к архиепископу Дарбуа**, необходимо будет с ним сойтись и видеться часто, тем более что религиозные мнения ваши во многом сходятся. Дарбуа в настоящее время человек *необходимый* для Бонапарта в предстоящей этому последнему яркой борьбе с ультрамонтами.

2) *Возможность нравственного влияния на молодых людей.* Нет сомнения, что где бы вы ни находились, ваша чистая и высокая натура везде будет иметь влияние на людей, даже пожилых и окупавшихся в грязи мирской, а тем более еще на молодых людей, коих натуры чище, свежее и, следовательно, гораздо восприимчивее. Хоть я не признаю истины католицизма, хоть я православный, но все-таки предпочитаю видеть людей католиками, чем неверующими нигилистами, а, к несчастью, огромное большинство нынешней русской молодежи не верует в Бога. Это горький плод николаевского безумного стремления учредить какую-то церковь официальную и предписывать веру точно так же, как он предписывал брить подбородки, запрещал дворянам ношение бород и преследовал иноверцев. Это также плод изучения немецкой мнимофилософии вообще и *Гегеля в особенности*. Гегелево учение — это онанизм ума человеческого. В этом отношении влияние ваше может быть в высшей степени благотворным.

3) *Возможность католической пропаганды.* Вы не хотите пропагандировать, пишете вы мне, но вы забываете, что для натур сильных, как ваша, пропаганда есть

* Наполеон III.

** Шарль Дарбуа (1813–1871) с 1863 года архиепископ Парижа, сторонник галликанизма, противник догмата о папской непогрешимости, казнен во время Парижской коммуны.

действие невольное и что вы будете пропагандистом бессознательным и тем более еще влиятельным. Но вот что выйдет: или вы будете пропагандировать с точки зрения нынешнего римского двора* (в чем весьма сомневаюсь) и тогда встретите сильный отпор в русских людях, и пропаганда останется совершенно безуспешною, потому что нет страны, где бы ультрамонтанские мнения внушали такое отвращение, как в России. Или (как я и полагаю) вы будете проводить те здоровые идеи, которые вы мне сообщали при нашем свидании в Дублине**, то есть: вред поземельного владения для папской власти, несообразность для человеческого существа папской непогрешимости и необходимости подчинения пап соборам. Но лишь только вы это выскажете, на вас поднимется буря среди католического духовенства, и в борьбе с этою бурей, вы потратите много драгоценного времени.

4) *Отношения ваши к духовенству.* Таким образом, вы, вероятно, будете вовлечены в самый яр борьбы, которая вскоре завяжется между католиками разумными и католиками безумными, и эти последние будут стремиться искушать вас и разорвать на части. Я, конечно, не враг борьбы, я для нее рожден, а не «для жизни мирной, для деревенской тишины»***, *je suis ne pour les luttes*****, но именно потому, что я знаю, что такое борьбы, я никого к ним не призываю и призывать не буду; перед теми же, которые добровольно идут на борьбу, преклоняюсь с уважением...

5) *Условия материальные.* Хотя вы их презираете, но напрасно. Ваш идеал: «независимость в бедности». Это возможно, но влияние в бедности решительно невозможно. Вы в Дублине имеете положение обеспеченное, какое в Париже найти будет трудно: там на каждое место по несколько кандидатов. Если же вы будете жить в каком-нибудь монашеском доме, то будете состоять в полной зависимости от начальника дома, и тогда где же эта независимость, столь необходимая?..

Советы давать в деле столь огромно-важном, как переселение из одной страны в другую, я решительно отказываюсь. Но так как умы самые ясные в делах, до них лично относящихся, могут иногда упустить из виду обстоятельства, легко бросающиеся в глаза человеку постороннему, то почел долгом высказать вам то, что, по моему разумению, pro и contra в этом важном деле.

Вспоминаю, что позабыл ответить на запрос вашего последнего письма: кто Евгения Тур? Это графиня Елисавета Васильевна Сальяс, дочь бывшего подольского (Моск[овской] губернии) уездного предводителя Василия Александровича Сухово-Кобылина, вышедшая за французского графа de Sailhas de Tournemire. Она женщина умная, отличнейших свойств душевных, но несколько экзальтированная.

Напишите мне, пожалуйста, что делает лорд Вудгауз, как на него смотрят в Ирландии, также как вы думаете о новой Irish National Association***** и какую будущность вы для нее ожидаете?

Огарев имел несчастье лишиться (от крупа) двух детей из трех, которых имел. Жена его теперь в Монпелье*****, где и Герцен, проездом из Женевы в Лондон. Вес-

* Т. е. позиции ультрамонтанов, сторонников папы Пия IX.

** Осенью 1864 года.

*** Цитирует строки из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина (I. LV).

**** Я рожден для борьбы — *фр.*

***** Ирландская национальная ассоциация, католическая организация, созданная 29 ноября 1864 года деятелями правого крыла ирландского католического движения.

***** Город на юге Франции.

ною они все, вероятно, поселятся в Женеве, а я еще не знаю, в каком именно городе Швейцарии поселюсь.

Вам искренно преданный Петр Долгоруков.

III. Письмо В. С. Печерина П. В. Долгорукову.

47 Lower Dominick Street

Dublin

20 января 1865

Почтеннейший князь Петр Владимирович.

Не нахожу слов благодарить Вас за внимание, Вами оказанное моему письму, и за полезные советы, которые вы мне даете. Мне хочется еще более уяснить вам причины, побуждающие меня переселиться в Париж.

Во-первых, я хотел бы, по крайней мере, в последние лета моей жизни сделать что-нибудь для моих соотечественников и таким образом заплатить священный долг родине. Но это не главная причина. Главная причина — вот она! Мною владеет чрезвычайный страх — страх — сделаться старою женщиною. От этого страха я бежал из России, от этого страха я оставил редемптористов, и этот страх заставляет меня оставить Дублин. А ведь, кажется, ни в каком уголке земли я не мог бы жить спокойнее, независимее, комфортабельнее, как здесь. Но ведь это безвыходная жизнь. Что сегодня, то и завтра, жизнь без ума и без борьбы. Мне не с кем поменяться мыслями. Мой внутренний мир в совершенном разладе со всем, меня окружающим. Я никак не могу примириться с мыслию умереть здесь. Сколько раз я молил Бога дать мне эту спокойную, уединенную жизнь! Два раза я сделал отчаянную попытку совершенно удалиться от жизненной борьбы — запереться в Grande Chartreuse и у траппистов, но не удалось! У меня есть несколько листиков журнала, написанного мною по-французски в монастыре в Лимерике. Вы лучше меня поймете из следующих отрывков.

29 Août. 1854

Les événements se pressent sur la scène du monde. O pauvreté! o dénuement! o abandon! o martyre! Tous ces mots expriment les désirs ardents d'une insatiable charité. Jusqu'ici je n'ai fait qu'étreindre des ombres: quand embrasserai — je la réalité?*

Mars 1856

Mon Dieu! me donnerez vous ce que je désire si ardemment? un tombeau de soldat? a soldier's grave?

Insatiable désir de quelque chose au-dessus de cette monotone et morne existence. Une vie de dévouement et d'abnégation perpétuelle. Je ne connais qu'une seule perfection — c'est l'amour passionné des pauvres. Combattre pour la vérité et la justice et mourir dans la lutte**.

* События теснятся на арене мира. О нищета! о нужда! о самопожертвование! о мученичество! Все эти слова выражают страстное желание ненасытной любви к ближнему. До сих пор я обнимал только тени: когда же обниму я действительность? — *фр.*

** Мой Бог! Дашь ли ты мне то, что я так горячо желаю? могилу солдата? могилу солдата? Ненасытное желание чего-то, стоящего выше этого монотонного и угрюмого существования. Жизнь вечного самоотвержения и отречения. Я знаю только одно-единственное совершенство — это страстная любовь к бедным. Сражаться за истину и справедливость и умереть в борьбе! — *фр.*

Avril 1856

La charité nous presse. Quand viendra l'heure des fatigues surhumaines, l'heure du sacrifice et de la consommation?*

13 Août. 1856

Ni la lecture, ni la méditation, ni la parole ne peuvent me satisfaire. Je y a quelque chose qui brûle en moi et qui demande une explosion. Je mène une vie oisive. Pourquoi tant de choses accessoires, pourquoi ne pourrais je pas me concentrer tout entier dans un seul amour exclusif**.

30 Août. 1856

Ma prière de tous les jours.

O mon Dieu! Accordez-moi le grâce de mourir hors du couvent sur le champ de bataille au milieu des soldats***.

22 Dec. 1856

St. Léonard de Port Mourice**** dit "qu'il ne faut pas se contenter de médiocrité en vertu et qu'il faut aspirer à de grandes choses".

En bien! j'aspire à tout ce qu'il y a de plus grand. Il me faut une vie de fatigues surhumaines, de hasards, de périls. Je ne veux pas mourir dans mon lit. Je n'ai qu'un seul désir — c'est de mourir sur le champ de bataille*****.

2 Mars 1857

La vraie gloire n'est que le rayonnement, la fleur, la couronne de la charité. L'apogée de la gloire c'est de mourir pour ses amis. Chaque jour s'accroît en moi le désir de la fin, de la consommation. J'éprouve une sorte d'impatience d'arriver à la fin et tout ce qui me retarde dans mon monde me paraît un obstacle importun*****.

Откуда же эти странные мысли у человека, живущего в монастыре и, по-видимому, отрекшегося от всякого участия в мирских делах? Предчувствие ли это какое? Тень грядущих событий? Не знаю; но когда одна и та же нота постоянно звучит в продолжение 20 лет и более, то это, мне кажется, не может быть делом случая. Я верю, что есть неизбежные судьбины, от которых человеку никак не можно обо-

* Милосердие торопит нас. Когда придет час сверхчеловеческих тягот, час жертвы и конца? — *фр.*

** Ни чтение, ни медитация, ни проповедь не могут удовлетворить меня. Есть что-то, что горит во мне и требует взрыва. Я веду праздную жизнь. Зачем столько посторонних вещей, почему не могу я сосредоточиться всецело в одной, только одной любви — *фр.*

*** Моя ежедневная молитва. О, мой Бог! Даруй мне милость умереть вне монастыря, на поле битвы, среди солдат! — *фр.*

**** Францисканский монах, католический святой, миссионер, писатель (1676–1751), в 1867 г. канонизирован.

***** Св. Леонард из Порты Морис говорит, «что нельзя довольствоваться посредственностью в добродетели и что должно желать великих дел».

Хорошо. Я желаю всего самого великого. Мне нужна жизнь сверхчеловеческих трудностей, гибельных опасностей. Я не хочу умереть в своей постели. У меня одно единственное желание — умереть на поле сражения — *фр.*

***** Истинная слава не что иное, как сияние, цвет, венец милосердия. Высшая слава — это умереть ради своих друзей. С каждым днем возрастает во мне желание конца, смерти. Я испытываю какое-то нетерпение перед наступлением конца, и все, что задерживает меня в моем мире, кажется мне несносным препятствием.

рониться и к которым он увлекается непобедимую силою. Вот, может быть, тайна моего желания поехать в Париж.

Я совершенно принимаю все ваши замечания и ничего против них сказать не могу. Касательно материального вопроса я надеюсь будущим летом иметь средства прожить в Париже целый год без всякого постороннего пособия. А в продолжение года ведь можно осмотреться и, если дела идут плохо, возвратиться в Ирландию. Хотя, сказать правду, *возвращаться назад* вовсе не в моем характере. Прочитавши ваше письмо, я понимаю, что для меня переселение в Париж есть очень важный шаг — решительный и, может быть, последний шаг моей жизни. Но, впрочем, я имею еще шесть месяцев времени обдумать это.

Лорд Вудгауз покамест очень популярен здесь. Он человек с здравым смыслом и не любит звонких фраз. Он не делает больших обещаний, а, напротив, советует ирландцам искать упрочения их благосостояния в их собственной деятельности скорее, чем в пособии правительства.

Irish National Association кончится тем же, чем все оканчивается в Ирландии, т[о] е[сть] ничем. Уже протестантские журналы читают ей отходную. В провинциях не показывается ни малейшего энтузиазма. В соседней епархии, которая подходит почти к самым воротам Дублина, ни епископ, ни духовенство не приняли никакого участия в этой ассоциации. Могучий влиянием своим епископ Запада D[octo]r M'Hale* остаётся совсем в стороне. Единодушие — невозможная вещь в Ирландии. Это общество — исключительно дело духовенства и их приверженцев. А где же умственные представители страны? Где члены парламента, адвокаты, судьи? Ни один из них не примкнул. Все, что называется *intelligence du pays*** , все это на стороне Англии, на стороне правительства. Духовенство имеет за собою только массы простого народа, а что же с ними сделаешь? Надобно другого О'Коннеля, чтоб двигать ими. Духовенство очевидно не способно к политической деятельности, потому что оно слишком отстало от века. Лучшим тому доказательством служит *la fameuse Encyclique****, о которой *удобнее молчать*.

Если увидите Огарева, пожалуйста, заявите ему мое сердечное участие в его горестной потере.

Еще раз благодарю вас за добрый совет и, дружески пожимая вам руку, пребываю вам искренно преданный В. Печерин.

IV. Письмо П. В. Долгорукова В. С. Печерину.

7. Parsons Green. Fulham. Middlesex.

25 января 1865

«Когда одна и та же нота постоянно звучит в продолжение двадцати лет и более, то это, мне кажется, не может быть делом случая. Я верю, что есть неизбежные судьбины, от которых человеку никак не можно оборониться и к которым он увлекается непобедимую силою».

Вы совершенно правы, любезный друг Владимир Сергеевич, есть неизбежные судьбины... Итак, следуйте вашей, ступайте в Париж. В вас кипит такая жажда дея-

* МакХейл (MacHale) Джон (1791–1881), архиепископ Тьюэма с 1834 года, противник ультрамонтанов и Ирландской Национальной Ассоциации.

** Интеллектуальная элита страны — *фр.*

*** Известная энциклика — *фр.*

тельности полезной, что вам не подобает (а, может быть, и приходится невозможным) не искать утolenия этой благородной жажды, одного из самых высоких даров, ниспосланных человеку творцом небесным...

Приедете вы в Париж в самый разгар борьбы между католиками, достойными этого имени, и идолопоклонниками папистами: поприще для вас обширное. Но кто знает? Может быть, судьба увлечет вас в Италию. Там, в Риме, и, вероятно, в недалеком времени, произойдет преобразование католицизма, и вера в бога будет восстановлена на желанных обломках готского идолопоклонства... Идите и ратуйте: пером, словом и живым примером... Вероятно, провидение берегло вас для дела, итак — совершайте ваше дело...

Огареву я передал ваши слова: он очень вас благодарит и собирается к вам писать. Голос с январских номеров можете мне не возвращать, а только лишь один День, который, к сожалению, не могу вам часто посылать.

Дружески жму вам руку

Долгоруков.

РГАЛИ. Ф. 327. Оп. 1. Ед. хр. 12 (автографы писем В. С. Печерина).

ИРЛИ (ПД). Ф. 384. Ед. хр. 8 (автографы писем П. В. Долгорукова).

Опубликовано в: Местергази Е. Г. Теоретические аспекты изучения биографии писателя (В. С. Печерин). М. 2007. С. 137-159.

Приложение № 6

Материал, помещенный И. С. Аксаковым в № 29 «Дня» от 2 сентября 1865 года.

«Мы получили на днях из-за границы письмо, которым хотим поделиться с читателями. Они будут нам благодарны за это, мы знаем; оно, без сомнения, произведет на них то же самое впечатление, что и на нас. Это письмо прислано нам из Дублина от человека, который известен нам только по имени, по слухам, по тем воспоминаниям — добрым воспоминаниям — которые оставила в сослуживцах и учениках его профессорская деятельность. Владимир Печерин принадлежал к той плеяде молодых блистательных профессоров, которая в 1835–40 году так высоко подняла в русском обществе значение Московского университета. В одно время с покойным Крюковым приехал в Москву и Печерин: Крюков занял кафедру римской, Печерин — греческой словесности. В короткое время своего профессорства он успел внушить и слушателям, и товарищам чувства самой живой симпатии. Строгий ученый, он соединял с замечательной эрудицией по части классической древней литературы живое поэтическое дарование и нежную, хотя постоянно тревожную душу, болезненно чутко отзывавшуюся на все общественные задачи своего времени, на всякую боль тогдашней русской действительности. Какова была эта действительность, пусть припомнят сами читатели. Направление мыслей его было атеистическое, общее почти всем его товарищам. В 1838 году* поехал он за границу, не вернулся к сроку, и вскоре затем узнали в Москве — сначала, что он увлекся крайними теориями европейских революционеров, а потом, что он поступил в римско-католический монашеский орден редemptористов. Усилия приятелей вырвать Печерина из хитрых сетей, в которые была уловлена его изнывавшая душа,

* Ошибка — в 1836 году.

всюду искавшая себе примирения, вечно томившаяся по истине, не увенчались успехом. «Я принес в жертву Богу самое дорогое свое сокровище — волю», — сказал он тогда одному из ближайших своих старых друзей, и с страстью предал он себя в безусловное повиновение воле своего хитрого и умного монастырского приора! «Пленить ум в послушание веры» имело нечто пленительное для человека, которого кичливость ума и гордость знания не только не привели к успокоению, но едва было не привели в нравственную пропасть, на самом уже краю которой удержало его смутное религиозное чувство. Это-то чувство и подметил в московском атеисте зоркий глаз католического священника. Истина и ее мир явились Печерину в виде латинской вероисповедной доктрины, и он стал ее жарким адептом. Известно, что римско-католические монахи, особенно иезуиты, владеют необыкновенным искусством уловить и осетить душу; взявши однажды ее в свои руки, они посредством глубоко рассчитанной духовной дисциплины выделывают ее как какую-нибудь овчину, смягчат как лайку, выворачивают как перчатку, шарят в ней как в своем собственном кармане, дают направление, какое им нужно и какое свойственнее ее природе, а сама душа при всем этом не только не реагирует, но испытывает какое-то сладострастное наслаждение — самоуничужения, смирения, послушания! Мы слышали, мы даже читали в одной книге, напечатанной за границей, рассказ, в котором Печерин представлялся нам совершенно такой, погибшей жертвой римского прозелитизма. Уже более 25 лет прошло со времени его обращения в латинство, и самому ему, по наведенным нами справкам, теперь уже 57 или 58 год. Одно только невольно обращало на себя внимание: несмотря на то, что наших русских ренегатов за границую довольно, имя Печерина не смешивалось с их именами; он был и остался каким-то одиночным явлением, которое не запятнано было, сколько нам известно, никаким враждебным действием против России и вызывало к себе не презрение, а чувство искреннего соболезнования во всех, кто знал Печерина прежде. В какой степени правы были эти последние, пусть судят теперь сами читатели: вот письмо, о котором мы упомянули в начале.

Дублин, 1-го сентября 1865 г.

Милостивый государь.

Благородный дух вашего журнала давно привлекает мое внимание, хотя, к сожалению, я не всегда имею случай читать его. Сверх того, там часто встречается дорогое мне имя Ф. В. Ч[иж]ова. Неизбежная чужбина — *ineluctable fatum** — отделяет меня от родины, но прилагаемое стихотворение покажет вам, что я не забыл ни русского языка, ни русских дум. Я сам не могу себе объяснить, для чего я посылаю вам эти стихи. Это какое-то темное чувство или просто желание переслать на родину хоть один мимолетный умирающий звук.

Примите уверение в том искреннем уважении, с которым пребываю, милостивый государь, вашим покорным слугою

Владимир Печерин.

Г[осподин]у Аксакову, издателю журнала газеты «День».

В письмо вложена визитная карточка: Rev[eren]d Vladimir Petcherine. 47 Lower Dominick Street. Dublin.

Вот стихи.

* Неизбежная судьба (*фр. и лат.*).

Non! sa chaleur n'est pas toute glacée!
De souvenir je le sens tressaillir...
Demoutier*.

Не погиб я средь крушенья!
Не пришел еще мой час!
И средь бурного волненья
Мой светильник не погас!
И подчас, как молнии, блещут
Мысли юности моей,
И в груди моей трепещут
Вдохновенья прежних дней.
Чудится — плывут в эфире
Звуки песней удалых
И волшебница на лире
Мне поет о снах златых.

Рано, рано с утренней зарею
Вышел я из хижины родной,
И зеленый лес передо мною
Расцветал весеннею красой.
На ветвях алмазами сверкали
Капли крупные росы ночной.
Дикие цветы благоухали
В пышном лоне зелени густой...

На сосне, сосне высокой
Птичка дивная сидит,
И ее живое око
Прямо в небеса глядит.
Встрепенулась и запела,
И весь лес безмолвен стал;
Птичка пела, пела, пела,
А я слушал и молчал.
Заливалась, разливалась,
Будто соловей, она,
И мне песнь ее казалась
Тайной грустию полна.
Райская была то птица,
И о рае песнь вела,
И туда меня певица
И манила, и звала.
«Вечным солнцем там сияет
Правды незакатный свет!
Там любовь не умирает
И разлуки вовсе нет!

* Нет! его пыл совсем не остыл!
Я чувствую, как его пробирает дрожь от воспоминания...
Демутье.

О, дух жаждою томимый!
Там тебя блаженство ждет!
Там струей неутомимой
Истины поток течет.
Там под небом вечно чистым
Будешь птичкою парить,
Как пчела из роз душистых
Сладкий мед ты будешь пить.
Что тебе страна родная
Меж туманов и снегов?
Там — свобода золотая!
Жизнь эфирная духов!»
Птичка пела, пела, пела,
А я слушал и — мечтал;
Быстро жизнь моя летела,
Дни прошли — и я не знал.
И красуется, как прежде, в пышной
Зелени густой могучий лес;
Но певички дивной уж не слышно,
И навеки след ее исчез.
Время хладною рукой сорвало
Юности венки с главы моей,
Все померкло, сердце перестало
Верить сладким песням вешних дней...
Бесприютным сиротою
Я у хижины родной
Постучался в дверь клюкою,
Мне ответил глас чужой:
«Кто ты, странник? Из какого края?
Где твой Бог? И где твоя семья?
Или, может быть, судьбина злая
На изгнание обрекла тебя?
Есть народная святыня!
Есть заветный кров родной!
И семейство, как твердыня,
Нас хранит в године злой.
Неужель на белом свете
Некому тебя обнять,
Приютить, пригреть на сердце
И тебе «люблю» сказать?»

Странник.

Ах! поверь: и мне не чужды были
Ласки матери родной!
И друзья мне счастье сулили,
И звезда светила предо мной!

Но я слышал глас Красы незримой,
Этот глас меня очаровал.
Я отца и мать и край родимый —
Все на жертву ей отдал!
Где ты? Где? Краса небесная!
Где? В какой стране тебя найду?
За горами ль за высокими?
За морями ль за широкими?
Всюду за тобой пойду!
Предо мной везде она мелькала
И манила за собой;
Я за ней. Она вдруг исчезала,
Будто призрак в тьме ночной.
И теперь бездомным сиротою
По миру один брожу,
Сладкого везде ищу покою. —
И нигде не нахожу...

Miltown park. Авг[уст] 1865.

Мы не знаем, найдется ли в России человек, которому глубокая скорбь этих искренних, сердечных, ароматических стихов не выворотила бы всего сердца! Это брат наш скорбит и страдает, это родная нам душа бьется как птица в клетке, изнывает, гибнет и стонет! Он наш, наш, наш, даже под латинским фраком! Он имеет полное право на наше участие и сострадание! Неужели нет для него возврата? Ужели поздно, поздно?.. Ужели это скорбь бессильная, не способная уже ни вырваться из-под привычного гнета, ни откликнуться живым делом раскаяния на призыв горячей всепрощающей любви? Русь простит заблуждения, которых повод так чист и возвышен, она оценит страстную, бескорыстную жажду истины, она с любовью раскроет и примет в объятия своего заблудшего сына! Да, «есть народная святыня», которая осенит святым миром усталое тревожное сердце, есть кров родной, есть обширная родная русская семья, которая приютит и приласкает его израненную, больную, русскую душу ... Но не во имя только кровной связи с родиной зовем мы сюда Печерина. Не там он искал и ищет истины и покоя, где бы мог обрести и истину, и покой. Он менее всего знает истину православия, прежде вовсе ему, благодаря системе нашего воспитания, незнакомой, а впоследствии заслоненной от него латинскою ложью. Пусть он познает ее — здесь, среди родного народа, возросшего под ее воздействием, и она освободит из рабского плена его ум и волю и даст его, жаждающей веры, душе истинное благо веры, мир и свободу Христа.

Сколько благородных умов, сколько душ чистых и прекрасных, сколько сил богатых уже истеряла и продолжает терять Россия! Что за причина той безмерной тоски, которая или гонит вон из нее далеко ее даровитейших сынов, или поражает преждевременною смертью самые яркие ее таланты, или побуждает их растрачивать в постыдном мелочном мотовстве свои лучшие духовные силы? Оттого ли, что истина у нас под спудом, и трудно пробиваться к ней сквозь толстый слой формализма и лжи; оттого ли, что в России нет свободы исканию истины и нет довольно простора для жизни духа?.. А как бы нужны нам были такие безумцы, которые способны безрасчетно, сполна принести себя в жертву святой истине и всецело отдаться ее

служению! Как не достает нам людей, не мысли отвлеченной, не праздного слова, но убеждения и подвига!.. Пусть, однако, горький опыт поучит русских, оставивших русскую землю, что не найти русскому себе удовлетворения и покоя в мирозерцании Запада и что дома оставлено ими неисчерпаемое, неразработанное и почти не початое еще сокровище народного духа!..

Да простит нам отец Печерин, что мы напечатали его стихи. Мы, может быть, оскорбили его скромность, но нам дорого было оправдать его в общественном мнении России! Мы верим, что голос его дойдет до сердца многих и что с многих концов ее понесутся к нему братские призывы! Мы верим, что истина скажется душе, так страстно взыскавшей истины, и что не погиб он для нас безвозвратно... Бог да направит тебя в обратный путь — к нам, наш бедный брат!»

Приложение № 7

Третье посещение Ф. В. Чижевым В. С. Печерина в Виттеме в июле 1844 года.

Навестить В. С. Печерина в последний раз Ф. В. Чижев задумал еще в январе 1844 года, когда составлял маршрут путешествия по Европе, и даже определил время: в августе проездом из Парижа в Вену*. 31 мая в письме Н. В. Гоголю Ф. В. Чижев подтвердил свое намерение в августе «поехать в один городок близ Ахена, чтоб повидаться с Печериным»**. Подробности этой встречи он изложил в дневниковой записи от 24 июля и в письме А. В. Никитенко от 9 сентября. «Я нашел Печерина, — писал он в дневнике, — покойнее и добрее, чем прежде; но зато нет прежней рабской покорности. Мы встретились друзьями, много толковали. Между прочим, полдня занимал нас разговор по случаю вопроса Печерина, есть ли надежда на соединение церковей нашей и католической. Я сказал ему свое мнение, что между нами есть одно существенное различие, то, что наша церковь во всем остается неизменною и что, следовательно, при всякой мысли о соединении она должна непременно удержать свой характер. Иными словами, что соединение возможно только в подчинении себя ей, не иначе. Во всем разговоре Печерин был очень умерен, говоря о нашей церкви; я возражал на его слова с тою же умеренностью, несколько, впрочем, неподдельною. Время очень, очень изменяет. Мне совестно, зачем я ему три года тому назад говорил так резко. Вообще, что я мог заметить, что Печерин в таком состоянии, что его, кажется, можно было бы сделать и нашим, но вопрос, что было бы в этом толку? Его убеждения не имеют глубоких основ, или, по крайней мере, эти основы чересчур общи и много объемисты, до того, что в них исчезают все частности. Это, впрочем, не происходит от обширности его взгляда, а от какой-то странной сильной слабости воли: он не может не быть руководим; теперь он счастлив, что нашел самую заботливую няньку, это его высочайшее наслаждение не думать о завтрашнем дне, потому что всякая дума требует воли, а повинование требует только лишений и ничего положительного.

Выходил ко мне их настоятель, молодой человек лет 35 или 36, не больше, вдруг его не прочтешь, это не Печерин и не тот брат, что был с ним два года тому назад и что теперь в Филадельфии.

* ОРРГБ. Ф. 332 (Ф. В. Чижев). Картон 2. Ед. хр. 1. Л. 70 об. Дневниковая запись от 12 января 1844.

** «Русская старина». Т. 63. Кн. 8. 1899. С. 363.

Я дал слово Печерину приехать из Дюссельдорфа; но завтра напишу, что не могу; в самом деле, гораздо лучше на письме все высказать, нежели что на словах часто я лщусь сказать — это честолюбие тебе нашептывает и пр[очее]. Например, сегодня мы разбирали, есть ли существенная разница между религиями нашими, остановились на принятии Папы, но я тут не в состоянии был сказать, что это дичь, дичь, потому что ни на чем не основана. Печерин сказал было мне, что худо, когда главою церкви власть светская; я ему представил доказательства, что у нас царь не глава церкви, а глава духовных, как подданных, как граждан только. Потом стороною я доказал ему, как дурно, что в Италии духовенство имеет и светскую власть, он полусогласился. Когда зашла речь об англиканской церкви, я ему сказал, что англиканское духовенство очень искало соединения с нашею церковью, но наши ответили, что наша церковь принимает одних ей покорных, не зная и не допуская никаких условий. Это ему очень понравилось.

Очень было для меня важно то, что Печерин говорил, будто бы всегда, еще в 12 лет, он чувствовал исключительную привязанность к Франции и нелюбовь к России, потом, что он всегда охотнее следовал обрядам католической, нежели нашей церкви. Все это, разумеется, дичь. Каждый из нас найдет такие минуты и больше минут жизни, когда, по-видимому, он не любил России; Печерин теперь ищет в этом полного успокоения совести, стараясь все объяснить мистически невидимыми судьбами Божиими. Я ему не возражал по двум причинам: во-первых, потому что неповоротлив на возражения, а потом и из жалости: он нашел себе приют хоть и дряхлый, полуразвалившийся, но все подчас он его прикрывает от нравственных непогод; отнявши у него этот приют, надобно заменить другим, а чем заменишь? Для возврата к нам нужен характер, а где же он возьмет его? На днях к нему приедет брат его, офицер Печерин; очень бы я желал узнать подробности их встречи^{*}. В более общих выражениях Ф. В. Чижов изложил свои впечатления в письме А. В. Никитенко: «В нынешнюю поездку мою на север, — сообщал он, — я был у Печерина, провел день тихо, спокойно и ладно. Он сблизился со своим бытием; в сближении его я больше вижу, что он нашел приют огромному самолюбию, нежели точно покорился сердцем и умом религии. Религия для него пристань, а раз ее нашедши, нашедши после долгих бедствий и терзаний, с нею уже трудно расстаться, тем больше, что точно это пристань самая верная и истинно успокаивающая, а не только дающая приют тем, кто входит в нее с полною покорностью сердца. Жаль мне, что у Печерина почти не осталось воспоминаний о прошедшей жизни сердца, но винить его не смею; может быть, ни с его стороны, ни с нашей не было никакого истинно сердечного соединения, все было, может быть, условное, все и уничтожилось с оставлением условий. Наш разговор ограничивался тем, что наиболее занимало нас обоих, именно религию и ее формами, с полным соблюдением внешних форм, налагаемых образованностью, и с полным спокойствием, купленным ценою истинного убеждения, я сказал ему и его собратам, что мы теперь не о том должны заботиться, чтоб соединиться богослужением, а о том, чтоб быть братьями внутри нас, тогда объяснится для нас и различие богослужений, тогда откроется, быть может, и необходимость его, то есть необходимость историческая, потому что безусловного на земле нет, все под условием времени и места. Вот вам донесение

^{*} ОРРГБ. Ф. 332 (Ф. В. Чижов). Картон 2. Ед. хр. 1. Л. 131 об.–132 об.

о Печерине; мало, но только и было, больше сказать нечего»*. Об этой же встрече с В. С. Печериным Ф. В. Чижов упомянул в 1847 году в ответах на вопросы III Отделения, заданных ему при аресте: «...я в 1844 г[оду], — писал он, — отправился в Париж. Здесь, намереваясь отдаться моим главным занятиям по истории искусств, я непременно хотел тоже познакомиться со всеми главными представителями польских партий и мнений...Здесь я должен упомянуть о поездке моей в Бельгию и о том, как при встрече в монастыре с Печериным меня уговаривали всеми средствами быть католиком и иезуитом...»**.

Дневниковые записи Ф. В. Чижова публикуются впервые.

Приложение № 8

«Руфь»

Идиллия, извлеченная из Священного Писания.
Почтеннейшей Родительнице моей
с глубочайшим почтением
посвящает
всепокорный сын
Владимир
Печерин

Сама священная Природа начертала
У нас во глубине сердец наш долг святой,
Долг — нежно тех любить, что жизнь нам даровали.
Как сладко исполнять закон любви такой!
Возрите на дитя — ему смерть угрожает —
В объятьях матери оно все забывает;
Там в буре юноша колебляся страстей
В ней друга своего в несчастье обретает;
Сей старец, близок что к могиле уж своей,
В душе отраду зрит, об ней коль вспоминает.
Благий Зиждитель нам сей даровал удел,
И сердце уж давно закон сей предписало.
Священной сей любви еще он повелел,
Чтобы она одна Природу украшала;
И сердцу милых брак число чтоб умножал,
И чувствования тем наши возвышал.
Усердье Руфи Бог столь щедро награждая,
В ней образец любви святой сей показал.
В те древни времена, где седина святая,
Судья Израиля где некий упасал,
Творец по своему небесну попущенью
Виновного привел Иуду ко паденью.

* «Русская старина». Т. 119. Кн. 9. 1904. С. 681.

** «Исторический вестник». Т. 11. Кн. 2. 1883. С. 245.

Ноемия, супруг ея, два сына их
Из Вифлеемских стен там гладом все изгнанны,
В Моавии проведать идут часть дней своих.
Лишились скоро, ах! отца сыны несчастны!
Утешась, каждый уж к жене своей летит.
Смерть поразила их! Ноемия грустит;
Без мужа, без детей, в стране сей чужеземной
Глаза к родине обращает там своей;
И нежным голосом своей печали томной
Речет вдовам своих умерших сыновей:
«О, Орфа! О, ты Руфь! Я с счастьем простилась;
Я в Иудею уж иду, где я родилась.
Бог брака вашего ах! не благословил:
Господня власть! Я вас от клятвы отрешаю;
Когда бы ваш удел меня счастливей был!
Блаженством вашим я себя лишь утешаю.
Простите, помните, что вам я была мать».
Стремится их она к груди своей прижать.
И вот ее в слезах уж Орфа оставляет.
Лишь остается Руфь одна. «С тобой иду!
С Ноемиею пусть всегда Руфь пребывает.
В тебе я мать свою везде, всегда найду,
В твоей земле свою родину обретаю,
Где ты умрешь, пусть жизнь я там же окончаю.
В могиле Руфь твоей сокрыта хочет быть.
Пусть Руфь опорой твоею пребывает,
Мы вместе все снося, возможем все сносить!»
Речет...Ноемия ее увещевает
Себя не отягчать так старостью своей.
Но Руфь, хотя всегда была покорна ей,
Не хочет в первый раз еще повиноваться.
Ноемии она там руку вдруг берет
И просит на ее чтоб руку опиралась,
И улыбается, и от сих стран идет
В страну, в коей всегда Израиль обитает.
Народа своего беды Бог награждает.
Ноемия в полях обильны жатвы зрит.
О ней взывает вдруг, колена преклоняя,
«Рука Господня нас уж боле не тягчит!
Пусть благодарность здесь явится вся живая!
Вот слезы радости, впервые что я лью!
О дочь! Се Вифлеем; гробницу зри сию:
Здесь нежная Рахиль под камнем почивает.
И в прахе все чело в молчании почтим
Творца моих отцов, что всеми управляет.
Беседовал здесь он с служителем своим».
С почтеньем землю Руфь Израиля лобзает...

О их приходе слух все далее возрастает:
Едва узнал о том весь сей пространный град,
Как он к Ноемии навстречу поспешает.
Не могут старцы всё ее никак узнать:
Ноемия ли то? «Увы! нет, — отвечает, —
То имя красоту одну явит собой.
Скончались и супруг, и дети, ах! мои,
О! не Ноемией — несчастною зовите!»
Народ Израилев в тогдашни времена
Златые пожинал колосья на полях.
На жатву Руфь идет. Чуть локоны завиты
Аврора расплела, уже в полях она
Вооза древнего, от всех всегда почтенна,
Чью Иудейская вся мудрость чтит страна.
Без гордости он бодр и полон снисхожденья,
В себе защитника несчастных всех явит:
Уж восемьдесят лет, как все добро творит.
В его поля идет Руфь вместе со жнецами,
И чужеземка тем себя счастливой чтит,
Что колос соберет, который жнец презрит.
Но вот Вооз идет к ней быстрыми шагами:
«О дочь моя, — сказал, — ты жни возле снопов:
Все бедны право здесь на жатву ту имеют.
Иди за мной туда, где пальмы зеленеют,
Иди там разделить обед моих жнецов:
Полей сих господин тебе повелевает,
Нам Бог всем вообще свой хлеб ниспосылает».
Лобзает руку Руфь его посем в слезах.
На сельский старец пир ведет уготовленный;
Жнецы красой ея, любезностью прельщенны,
Дают ей место средь их круга на снопах,
Ей блюд простых они часть уделяют;
А Руфь, богатая дарами дружбы сей,
Ноемии беды и скудость вспоминает,
В слезах хранит свой хлеб для матери своей,
Потом встает, чтобы на жатву возвратиться.
Ко стражу же своих речет Вооз полей:
«Роняй всегда классы златые возле ней;
Но более всего старайся ты сокрыться.
Не зря тебя, подумает, что жнет сама,
Однако ж будет жать по нашим попеченьям,
От многого избавь ея благодаренья;
Пусть тайна наша будет тем сохранена».
Служитель ревностный спешит повиноваться.
Везде возле себя лежащий класс Руфь зрит.
Она несет дары сии под кров сокрыть,
В коем Ноемия печалию терзалась.

Входя, она поет: «Бог наш благословен!
Вооза сердце он подвигнул к сожаленью:
Мне жатвы уделил там старец сей почтен,
Всем служит там она ко наслажденью».
Плоды трудов своих показывает ей.
Так, дочь! Бог нас ведет рукой своей, —
Ноемия речет, — ты в том не сомневайся:
Вооз от нашего ведь рода произшел;
А наш закон... слова тебе не изъяснятся:
В полях Вооза ты узнаешь свой удел.
Вопросит он тебя, чего ты порожденья,
Скажи: Ноемия тебе то изъяснит;
А сына пред тобой вдова ее стоит.
Тогда узнаешь все мои расположенья!
Довольно: ты должна уверенной пребыть
Премудрый что Вооз всегда невинность чтит,
И что счастливой зреть тебя всегда желаю.
Руфь обещает ей исполнить все сие.
Смыкает скоро сон там вежди уж ее.
Еще светило дня на трон свой не вступало,
Как Руфь уже в полях. Усталые жнецы
На классах спали там, и восток загорался,
Но ни один из них еще не пробуждался.
Румяная заря убралась вся в цветы:
Вот узнает уж Руфь Вооза меж жнецами.
Спокойствие вкушал он тихо, мирно спя,
И древнюю главу покоил над снопами.
«Опора бедных всех! — вскричала тут она, —
О, старец! Пусть тебя Господь Бог сохраняет,
Для славы он своей пусть дни твои продлит!
Какой блаженный мир в лице твоём сияет!
Как сердце у тебя — чело добро явит;
Ты спишь и, кажется, о бедных помышляешь:
Во сне счастливых ли ты зреть воображаешь?
Ах! представляется ль тебе любовь моя?
Сей сон, поверь, сей сон есть истинна сама».
Тут старец вдруг от слов столь сладких пробудился.
«Прости! — сказала Руфь, — молилась за тебя
И глас души моей в молитве сей излился,
Внушила оную признательность моя.
Льзя ль благодетеля не чтить руки священной?
И чувство чистое то можно ль укротить?
Нет, мать сказала мне, тебя могу любить.
Ноемии во мне зри старец дочь почтенный.
Вооз от нашего ли рода произшел?
Ноемия то мне и сердце, ах! вещают».
Творец! Блаженный день! Вооз ей отвечает.

Ты ль, Руфь, пришла из дальних тех земель
За матерью своей, забыв край драгоценный?
Так — родственник я ваш; и наш закон святой
Велит по муже чтоб твоим я муж был твой.
Могу ль последовать обычаю священну?
Боюсь, чтоб возраст мой тебя не устранил.
Еще могу любить, то чувствую с тобою;
Но можно ль нравиться с моей седой главою!
Рассей, прошу, тот страх, меня что обступил.
Хотя Мойсей меня в блаженстве уверяет,
Но коль Вооз один — блаженства он не знает.
«Почто во глубину не зришь души моей?
Нашел бы, что закон мне матери любезной
Мне становится все со дня сего милей...»
И пурпур с словом вдруг уж на щеках прелестной.
Вооз у ног ея!... «Даю, — речет, — даю
Обет любви я здесь: и самый брак священный
Сделает меня с тобой стократ блаженным.
На празднике я сем любви, ах! не узрю;
Но дружба превратит его там в день прекрасный.
О, Бог Иаковлев! Властитель дней моих!
Роптать не буду я, хоть грянет рок ужасный;
Желаю времени, надежды сладкой, лишь
Блаженство Руфи зреть, ее я оставляя».
Руфь к матери своей ведет тогда его;
И каждый молится от сердца своего;
И брак священнейший их там соединяет.
Иуда славится; благославляет вся
Бог, счастьем дарит Вооза саповита.
Прекрасна, как Рахиль, как Лия плодovitа,
Имела сына Руфь; драгое то дитя,
Благих даров Творца залог всегда священный:
Давида праотец! Ноемия тогда
Не оставляет вот его уж никогда;
Смотря, как на груди там спит оно смягченной,
Речет: «Ноемией меня уж можно звать».
Так вы — любезная Родительница! Так
Ноемии имеете Вы добродетель
И благочестие. Вы ближним благодетель,
Вы строги с кротостью, Господень чтите страх...
Лишь не имеете Вы милой Руфи дщерью. —
Во мне ее всегда найдете Вы, во мне.
Подобно ей я полон к вам любви, почтения:
Ее я образцом беру всегда себе!

Приложение № 9

Письма В. С. Печерина родителям 1822–1823 годов.

I. Письмо от 14 августа 1822 года.

Любезнейшие родители!

Имею честь поздравить вас с праздником Успения Пресвятыя Богородицы. Желаю вам всех возможных благ. С тех пор как я вас оставил, грусть не переставала угнетать меня. Я никогда еще не знал разлуки с вами! Маменька! Когда вы уехали отсюда, как все казалось мне унылым! Вы оставили меня у хороших людей; но они мне чужие: я их не знаю. Как скучно жить в чужом доме! Все кажется пусто, уединенно; а в родительском доме все мило сердцу, все его оживляет, все его веселит.

Со мною здесь очень хорошо обходятся, но что мне может заменить ваши нежные попечения!

Я не думал, чтоб так дорого мне стоила самая невыгодная квартира. Вообразите себе: моя комната расположена так, что всяк, кто ни идет к сыну директора, переходит через нее, пересматривает мои книги, бумаги; часто мешают мне разговорами, смехом; директор раз по десять на день сам ко мне приходит; все делается в моей комнате. Это несносно; я всегда в какой-то принужденности, я не могу ничем свободно заниматься. Я узнал это на другой день, когда перешел к директору. Но я вам не говорил этого, потому что деньги были заплачены, и это бы было тщетно. Никто тому не виноват; этого не можно было вперед знать. Но остальных денег, любезные родители, не присылайте, ибо мне невозможно остаться долго на этой квартире; если бы я не жалел потерять заплаченных денег, то бы верно ее оставил еще прежде трех месяцев.

Но величайшая ошибка, которую мы сделали, есть определение меня в здешнюю гимназию. Теперь я узнал ее в настоящем ее виде. В ней преподают только начала всех наук, но ни одной не учат совершенно; она только есть приготовление к университету. Мне должно будет пройти в ней 5 классов, то есть потерять 5 лет затем, чтобы узнать поверхность только всех наук. Вместо того, что есть ли бы я имел учителей дома, я бы узнал в полгода или, положим, в год все, чему здесь должно учиться пять лет, и поехал бы в университет, чтобы узнать совершенно какую-нибудь часть наук. Курс продолжается там только 3 года. Я бы выиграл лучшее время. Чтобы вам доказать, как здесь учат, я вам приведу в пример то, что мне сказал учитель математики Абрамов: «То, что вы узнали от меня в неделю, тому здесь учат год». Для чего же терять бесполезно столько времени?

[Господин] Кессман с удивлением услышал, что вы хотите поместить меня в гимназию. Он никогда не был на это согласен. Он хотел было к нам писать, чтоб это отсоветовать; болезнь его воспрепятствовала в том ему. Избирайте, любезнейшие родители, из обоих, что вам угодно. Вы, может быть, подумаете, что дорого будет стоить нанять на полгода или на год учителей; но гораздо дороже станет вам нанимать в продолжение 5 лет квартиру; и эти деньги будут истрачены по-пустому. Но еще дороже потеря времени.

Тетушка Прасковья Петровна* приехала сюда. Я был у нее, она все больна. Бабушке** стало лучше. Яшка продал во время косовицы 30 коп сена.

* Родная сестра матери В. С. Печерина.

** Марфа Семеновна Симоновская, в девичестве Мандрыка.

Пишите ко мне, любезнейшие родители. Маменька! Хорошо ли вы доехали; какова у вас квартира? Правда ли это, что здесь говорят, что нашему полку велено опять идти в Липцы?

Здесьшний губернатор отставлен; он выехал вчера из города в 6 часов поутру. Он просился только на полгода, но его отставили навсегда.

Скоро ли увижу вас, любезные родители? Вы хотели было приехать в сентябре; приезжайте; с какою радостью увижу вас! Одно мне блаженство, быть с вами.

Напишите мне, что вам угодно будет сделать в рассуждении меня. Адресуйте ко мне письма на имя г[осподина] Собко: это гораздо лучше будет.

Прощайте, любезнейшие родители! Прошу вашего благословения. Будьте здоровы, будьте счастливы! Всегда вы будете видеть во мне вам покорного, вас сердечно любящего сына

Владимира Печерина.

P. S. Я не пишу к г[осподину] Корчесу, мне нет теперь времени, но я всегда об нем помню.

Не прислали ли мне книг откуда-нибудь; есть ли бы их по какому случаю сюда доставить.

II. Письмо от 30 августа 1822 года.

Любезнейшие родители!

Я получил ваши два письма скоро одно после другого; последнее от 24 августа получил я сегодня, будучи у Собки. Вижу из одного, любезная маменька, что вы слишком уж много беспокоитесь обо мне. Это трогает меня. Будьте спокойны! Я, слава Богу! здоров; мне уже здесь не скучно. Целую неделю я занят; в праздники бываю у г[осподина] Собки, у г[осподина] Кессмана или у г[осподина] Лермантова: и так время проходит довольно приятно. Учителя здесь очень хорошие; они мне все знакомы и отличают меня от других учеников. Но образ учения здесь нехорош: всему учат слишком медленно, кратко, дают только самое поверхностное понятие о науках.

Не можно винить г[осподина] Сверчевского; он не мог совершенно узнать гимназии; чтобы хорошо ее узнать, надобно самому в ней учиться, слушая, как преподают в ней науки. Г[осподин] Сверчевский получил орден Св[ятой] Анны с печатною грамотою (я сам ее читал) за то, «что во время сражения он ободрил солдат и первый бросился на штыки».

Вы хотите, папенька, определить меня в пансион. Боже сохрани! Он хуже еще гимназии; а особливо теперь он приходит в упадок; мало смотрят за тем, чтобы ученики что знали; и учителя в нем самые худые. Но есть ли вам угодно будет сделать так, как я вам предлагал в первом моем письме; то есть можно здесь же, в Киеве, нанять учителей на год; что, может быть, меньше будет стоить, нежели в пансионе, где за год 800 руб[лей]. Таким образом, я узнаю все, что нужно для вступления в университет. Непременно должно в оном быть, чтобы узнать что-нибудь совершенно. Маменька видела директорского сына; по нем можно судить о всех студентах вообще. Харьков недалеко; недорого будет стоить съездить и поместить меня туда. Там преподают науки во всем их пространстве; там лучшие профессора. Здесь терять только время.

Г[осподин] Кессман свидетельствует вам свое почтение. Он учит здесь во многих домах; лучшие фамилии желают иметь его у себя.

Новостей у нас нет; новый губернатор еще не назначен.

Заочно разделяю с вами, папенька, радость, которую вы будете иметь увидеть у себя преславного генерала Шевандина.

Итак, вы приедете, маменька, в сентябре. О, есть ли бы еще и папенька приехал с вами! Как бы я рад был! Между тем прошу вас, будьте спокойны! Ибо я совершенно здоров и спокоен.

Пребываю с глубочайшим почтением и детскою любовью,

Любезные родители,
ваш покорнейший сын
Владимир Печерин.

30 августа

1822

Киев

Р. С. Зиновий смотрит хорошо за всем; платье мое в порядке, белье всегда чистое. Одна только комната невыгодна: у них очень мало комнат.

III. Письмо от 12 ноября 1822 года.

Любезные родители!

Долго ожидал я от вас писем; с нетерпением желал узнать, как вы доехали, любезная маменька, и о сию пору не получил никакого известия. Это меня беспокоит, потому что, уезжая отсюда, вы обещали, приехавши, сейчас ко мне писать.

Скоро после вашего отъезда нанял я себе греческого учителя, который вместе может быть и латинским. В рассуждении цены он сказал, что «она будет соразмеряема успехам». Я думаю, что он возьмет по 3 рубля за урок, что составит в месяц 36 руб[лей]. Это не так дорого, если сравнить с тем, чтобы стоило нанимать двух учителей вместо того, как теперь только один и нужен будет. Я надеюсь сделать с ним скоро большие успехи. Деньги можете прислать, когда вам можно будет. Дешевле не можно было нанять; он сам говорит, что ему много стоит ходить ко мне в дурную осеннюю погоду.

Я иду к Собке отнестъ письмо; говорят, что Параскевия Ивановна очень больна.

Через три дня после вашего отъезда выпал было у нас снег и стало чрезвычайно холодно, и я очень беспокоился, чтобы дурная погода не застала вас на дороге.

Пишите ко мне, любезные родители; это одно может мне сделать удовольствие; я с нетерпением желаю узнать, как вы доехали домой, любезная маменька.

Прощайте, любезные родители! Имею честь пребывать с глубочайшим почтением и сыновнею любовью

Ваш всепокорнейший сын
Владимир Печерин.

Г[осподин] Кессман и г[осподин] Сверчевский свидетельствуют вам свое почтение.

Все семейство г[осподина] директора свидетельствует вам свое почтение.

IV. Письмо от 26 ноября 1822 года.

Любезные родители!

Я получил ваше письмо через унтер-офицера и очень удивился, видя, что вы говорите о деньгах; наконец я узнал, что письмо с оными лежало у Собки почти две недели; между тем я много беспокоился, не получая от вас писем; теперь я радуюсь, любезная маменька, что вы доехали благополучно и что вы совершенно здоровы.

Я получил 50 руб[лей]. Греческий учитель возьмет гораздо меньше, нежели как я означил в первом моем письме (которое, я думаю, вы уже получили); этими деньгами, может быть, можно будет заплатить за два месяца; я употребил *для себя* только несколько из оных на сапоги и на бумагу.

Благодарю вас за присылку чулок, платков и пр[очего]; я все получил исправно.

У нас царствует туманная осень; зимы не скоро должно ожидать.

Я ничего не слышал об Кобище; мне не от кого об этом узнать.

Как я радуюсь, любезные родители, что вы приедете зимою ко мне! Какое восхищение для меня увидеть вас! Приезжайте к Рождеству; тогда мне можно будет поехать с вами за Днепр.

Как бы я желал, чтобы нашего полку новые квартиры были вблизи Москвы; я непременно весною должен ехать в университет, чтобы не терять времени.

Прощайте, любезные родители! Единственные мои радости, удовольствия будут всегда в том, чтобы к вам писать; всякая свободная минута будет вам посвящена.

Имею честь пребывать с глубочайшим почтением и сыновнею любовью,

Любезные родители,
ваш покорнейший сын
В. Печерин.

NB. Вся фамилия г[осподина] директора свидетельствует вам свое почтение.

Г[осподин] Кессман свидетельствует вам свое почтение.

Есть ли будет оказия, не можно ли будет прислать мне 6 книг «*Писем об мифологии*», которые теперь у Александры Ивановны: я думаю, она уже их прочла.

V. Письмо от 5 января 1823 года.

Любезные Родители!

Имею честь поздравить вас с праздниками; желаю вам провести оные в совершенном здоровьи и благополучии. С каким нетерпением ожидал я вашего приезда! Но из последнего вашего письма с жалостью увидел, что вы не можете приехать. Я удивляюсь, что вы пишете, что у вас совсем дороги нет; у нас здесь снег большой и дорога прекрасная. О! есть ли только можно, приезжайте, любезные родители! С каким восхищением увидел бы я вас! Приезжайте, папенька! Вот уж скоро год, как я вас не видел. Я бы очень желал, любезные родители, чтоб вы приехали в конце этого месяца.

Я, слава Богу, здоров; продолжаю прилежно свое учение. Я переменил своего греческого учителя и возьму другого; этот дорого берет, за месяц — 36 рубл[ей]! Мне непременно весною должно ехать в университет.

Прощайте, любезные родители! С глубочайшим почтением и сыновнею нежностью пребываю

Ваш покорнейший сын
В. Печерин.

P. S. Я посылаю вам при сем письмо от Прасковьи Петровны; она прислала ко мне его еще пред Рождеством; но я, надеясь, что вы приедете, о сию пору вам его не отсылал.

Когда будете ехать сюда, маменька, то, пожалуйста, не забудьте взять с собою шесть книг моих, о которых я вам прежде еще писал.

Календарь стоит 3 руб[ля] 50 коп[еек], а с пересылкою будет стоить 4 руб[ля]. Мне не можно вам его, папенька, прислать, потому что у меня теперь мало денег. Посудите: должно было заплатить 12 руб[лей] за пару сапог; я греческому учителю мог

дать только 25 рубл[ей], а он требует еще 16 руб[лей]; беспрестанно выходят деньги на бумагу, карандаши и проч[ее]. Ежели к концу этого месяца приедете, то, может быть, можно будет купить календарь дешевле.

VI. Письмо от 3 февраля 1823 года.

Любезнейшие родители!

С величайшею радостью получил я почти вместе ваши оба письма и деньги; ваши десять рублей, любезный папенька, употреблю я на покупку книг. Чтоб не терять времени, я найму немедля греческого учителя; он возьмет гораздо дешевле прежнего.

Здесь была Татьяна Петровна*; она говорила, что бабушка весьма желает вашего приезда, любезные родители, потому что там дела в весьма худом положении. Минич сделан был опекуном и хотел даже совсем лишиться бабушку имения.

Я весьма жалею, что худая погода лишает меня радости увидеть вас, любезные родители. Есть ли я к вам не так часто пишу, то не я тому виною, а то, что часто у директора совсем ничего не посылают на почту. Не беспокойтесь обо мне: я, слава Богу, здоров, мне здесь довольно приятно; продолжаю прилежно учение свое в гимназии; сверх того, еще сам от себя научился итальянскому языку, который открывает мне новые удовольствия в чтении стихотворцев.

Поспешая отвечать на ваше письмо, я не успел, папенька, приготовить писем на разных языках; но пришло их по следующей почте.

В рассуждении греческого письма к г[осподину] Балдакову: еще не можно требовать от меня, чтобы я, учившись только месяц сему языку и у худого учителя, мог сочинять на оном; самые знающие могут только понимать книги, а не сочинять. Да, впрочем, и г[осподин] Балдаков знает только новый, а не древний греческий язык. Вместо того чтоб писать по-гречески, я напишу ему по-итальянски.

Посылаю вам, папенька, при сем календарь. Он стоит 3 руб[ля].

Прощайте, любезнейшие родители! Будьте здоровы, благополучны! Вот искренние желания вашего сына, исполненного к вам глубочайшим почтением и нежнейшею детскою любовью.

В. Печерин.

Я получил книги и платок.

ОРРГБ. Ф. 332 (Ф. В. Чижов). Картон 45. Ед. хр. 4. ЛЛ. 1–14 об.

Публикуются впервые.

Приложение № 10

Статья «Разве?», помещенная в газете «Современная летопись» от 8 мая 1863 года.

«Нет ничего ненавистнее гонений за мнения. Эта аксиома, против которой спорить могут лишь грубое невежество и бессмысленная злоба, начинает повторяться теперь в нашей журналистике по поводу мер, ожидаемых публикой, вследствие злодейского покушения 4-го апреля.

У нас не установилось еще точное значение многих выражений, чему причину должно искать в том, что у нас обсуждение дел общественных еще новость. Отсю-

* Родная сестра матери В. С. Печерина.

да — лжетолкование выражений, происходящее, впрочем, не только по неведению, но и вследствие расчета отвести глаза кому следует и от чего следует.

Гонения за мнения! Где тот безумец, который захочет преследовать юношу, переходящего ту эпоху жизни, когда так увлекательны для неопытного ума разные, хотя и нелепые, но, по-видимому, благодетельные теории утопистов всякого рода, за то, что он считает, например, Луи Блана мудрецом и восхищается его произведениями? Какая беда в том, что человек пишет и печатает на свой риск, лично от себя и, не будучи ни в чем солидарен с официальными сферами, рассуждения, клонящиеся хотя бы к тому, что общество должно быть преобразовано радикальным образом?

Но от такого гонения совершенно отличаются те меры, которых осуществления так боятся теперь многие. Меры эти не гонения и притом не за мнения, а необходимые правительственные распоряжения против действий, прокрававшихся в сферы административную, законодательную и судебную, отравляющих происходящие в них отправления, наклоняя их к тому, чтобы самые чистые и высокие начинания обратиться во вред обществу, которое должно быть ограждено этими отправлениями.

Маски сняты теперь, и везде во всеуслышание говорят, что мы именно находимся в таком положении. Перечислим вкратце неопровержимые доказательства тому.

Разве по крестьянскому вопросу Положения 19-го февраля 1861 г[ода] для всех случаев и деятелей имеют силу твердо стоящего, произвольному толкованию или дополнению не подлежащего закона? Разве не было и нет у нас таких деятелей по этому вопросу, которые проводили и применяли дело не столько как меру высшей справедливости и установления возможной гармонии между заинтересованными сторонами, сколько как средство унижать дворянство, разорять помещиков, колебать собственность, восстанавливать два сословия одно против другого, производить беспорядки, питать в народе разные ложные надежды, способствовать искусственной демократизации страны и ускорению в ней социалистических учений?

Разве по делу об отмене откупной системы не было попыток устроить привилегированный “status in statu”* в административном мире; пренебрежения к интересам заводчиков и складчиков, внезапно подвергавшихся убыткам; косвенного содействия усилению в народе пьянства и разврата; прямых уклонений от принятия против того каких бы то ни было мер, несмотря на громкие требования общественного мнения и на настояния разных ведомств?

Разве для народного образования не составлялись проекты чудовищных уставов, могущих только деморализовать, развратить и так сказать оболванить молодые поколения, и не старались, когда зло подобных начинаний и полная несовместимость их со всемирными началами педагогики и просвещения были обличены, впускать понемногу тот же яд в новые учреждения, более согласные с этими началами, но обреченные такою примесью на неизлечимую болезнь? Разве не распространялись под видом привилегированных учебников вредные для юношества и просто развращающие его книги? Разве не были у многих на лучшем счету те заведения, где детям вбивали в голову всякий высокопарный вздор, распространяли материалистические учения по поводу потрошения кошек, ворон и пескарей; толковали ребятам, что родители их люди отсталые и потому недостойные их уважения; читали им историю французской революции, сокращенную из Мишле; с иронией спрашивали, например, у ребенка, служившего перед экзаменом моле-

* Государство в государстве — *лат.*

бен и в наказание за то сбитого нарочно при испытании: «ну, помог вам Никола Чудотворец?» Требовали от мальчиков знания того, как образуется зародыш, между тем как они забывали «Отче наш»? Мало разве было и других столь же нелепых или возмутительных явлений по этой части, начиная с предположений переделать академию и университеты в какие-то «веселые острова» для сочинения новых языков для небывалых наций?

Разве не было попыток колебать не только школьную, но и военную дисциплину в ее главных основах? Разве не парализовалась под видом гуманности необходимая деятельность полиции в городах и не было забот о том, чтобы помещика в его собственной усадьбе посадить гостем? Разве при внезапном прекращении залога имений в опекунские советы не было злорадства относительно того, что ненавистная иным господам поземельная собственность лишится кредита в самое нужное для нее время? Разве не прерывались нити важных следствий именно тогда, когда они принимали самый сердечный оборот, и Россия до сих пор не знает, какие руки рассыпали по ней золотые грамоты, жгли Симбирск и все Поволжье? Разве сотрудники социалистических и нигилистических журналов не пользовались особенным покровительством некоторых влиятельных лиц? Разве многие официальные органы не делали намеков на то, что последователи Пугачева безвреднее для верховной власти, чем дворяне, судящие о дурных действиях петербургских чиновников? Разве в этих органах не рекомендуются для семинарских библиотек Молешотт* и Добролюбов и не распространяются разные вредные для государства и общества теории, о которых говорено выше? Разве субсидии не выдавали тем изданиям, посвященным апологии нигилизма во всех его проявлениях? Разве авторы некоторых негодованием публики встреченных сочинений и оскорбительных для России корреспонденций иностранных газет не живут на счет бюджета? Разве разные либеральные деятели не отличались тем, что следовали, например, в Калуге или Туле совершенно другой системе, нежели в Варшаве? Разве не пробовали возрастить семена демократизма, кроющиеся в земских учреждениях, и когда это не удалось сразу и вышло вопреки ожиданиям, не стали ли иные прогрессисты проповедовать о вреде этих учреждений и о необходимости закрыть их? Разве не видим мы ежедневно людей, толкующих о своей честности, потому что не берут взятки, в которых они, впрочем, по большей части не нуждаются, и не сознающих в том, что говорить и действовать по их системе, основанной на правиле «чем хуже, тем лучше», бесчестнее, чем всякие взятки, точно так же как, способствуя распространению неудовольствия, с одной стороны, и противообщественных настроений, с другой, стараться выставлять анархистами тех, которые смеют протестовать против очевидного зла? Разве...но мы долго бы еще не кончили со своими «разве».

Пусть попробуют доказать, что все, о чем мы говорили, не существует. Пусть докажут, что всего этого требуют прогресс и выгода России, а не интересы тех или других личностей или мнение немногих тысяч людей среди народа в несколько десятков миллионов, которые под страхом самоубийства ничего общего не могут иметь с теориями, разрабатываемыми в двух десятках газет и журналов, издающихся для удовольствия разных «истов», безмерно плодящихся от их чтения, и других влия-

* Якоб Молешотт (Jacob Moleschott, 1822–1893) — известный физиолог и философ, представитель вульгарного материализма.

ний того же рода, между тем как противоядие против такого зла с трудом находит дорогу на свет Божий.

Если все упомянутое нами зло общественное, то можно ли назвать «гонением за мнения», если правительство, представляющее общество и его интересы, прежде всего прекратит всякую возможность в сферах, подлежащих его ведению, уже не просто фантазировать о прелестях этого зла, а обращать его более или менее прямо в дело и распространять его самым верным путем? Путь этот должен быть прекращен, а для этого нужно избавиться от тех людей, которые его пролагают и расчищают и из которых главные, конечно, известны. Власть нельзя будет обвинить тут в деспотизме; она исполнит только свой долг, то есть лишит вредных людей способов делать зло, пользуясь обширными средствами и скрываясь коварно под ее чтимым добрыми гражданами щитом. Тем, которые подпадут такой справедливой невзгоде, не удастся разыграть роль «мучеников за гонения». Они останутся свободными проповедовать их на досуге, но без посторонней, сильной помощи и без средств содействовать, на доставление которых не могут же они заявлять право. Тогда увидят, так ли сильны стремления России к тем прелестным теориям, сочувствие к которым ей теперь навязывается. Этого больше всего боятся преимущественно петербургские алармисты, то есть господа, пекущиеся будто бы об опасности грозящей тому, что они называют прогрессом, но еще более того олицетворяющие собою поговорку: «на воре шапка горит».

Тула.

И. Ч.

Приложение № 11

Письмо В. С. Печерина родителям от 23 марта 1836 года.

«Дражайшие Родители!

Приношу Вам чувствительную благодарность мою за Ваше приятнейшее письмо и радуюсь, что Вы пользуетесь совершенным здоровьем. Через несколько дней наступит праздник Светлого Христова Воскресения, с которым я поздравляю Вас от всего сердца и желаю Вам провести оный со всем возможным удовольствием. Я говею на этой неделе и буду приобщаться в чистый четверг.

У нас с 1-го марта началась весна: снег стаял в одну минуту, река прошла и теперь бывает градусов до 16 тепла. Мои окна на самый Тверской бульвар, и так я всегда буду иметь перед глазами зелень и толпы гуляющих.

Рукопись моих путешествий я отдал издателю «Московского Наблюдателя»: он напечатал уже некоторые отрывки из них в 19-м номере «Московского Наблюдателя» (декабрь, 1835, первая книжка), который только на прошедшей неделе вышел. Эти отрывки напечатаны под заглавием: «*Отрывки из путешествий Доктора Фусгенгэра*»; в конце статьи подписана только первая буква моей фамилии: П.... Другие отрывки будут помещаемы в номерах нынешнего года.

На праздниках я побываю у сестрицы* и у тетушки Елизаветы Ивановны**. До сих пор, ей Богу, времени не было. Между тем я постараюсь написать в Пе-

* Кузина Вера Федоровна Печерина (1800–1852), родная сестра Федора Федоровича Печерина, в 1835 году вышедшая замуж за сенатора (с 1829) московских департаментов Николая Яковлевича Трегубова (1756–1845).

** Елизавета Ивановна Ильина.

тербург и узнать там что-нибудь касательно продажи имения покойного дядюшки*.

Я посылаю также свои статьи в Петербург в «Энциклопедический Словарь». Одна из них уже была напечатана в 3-м томе: «Археология» под буквами В. П. А потом еще четыре статьи, которые будут напечатаны в 5-м томе. Из этого Вы можете видеть, что кроме моих занятий по университету я имею много своего дела.

Прошу Вас принять на себя труд засвидетельствовать мое почтение всем нашим родственникам, а также и господину Курляндцеву, и, пожелав Вам совершенного здоровья, с глубочайшим почтением имею честь быть вашим покорным сыном

В. Печерин».

ОРРГБ. Ф. 332 (Ф. В. Чижов). Картон 45. Ед. хр. 5. ЛЛ. 7–7 об.

Публикуется впервые.

Приложение № 12

Подтверждением тому служат письма В. С. Печерина Ф. В. Чижову из Берлина. «Да сохранил тебя Матерь божия от тех ужасных конвульсий, которыми душа моя терзается ежеминутно с утра до вечера, — писал он другу 13(25) февраля 1835 года. — Мне не суждено было любить обыкновенным образом. Это не тихое пламя, которое освещает, согревает и питает душу: нет! это адский, мрачный огонь, все разрушающий, пожирающий все силы моего духа. Боже мой! я поставил на карту не только себя, но и другую, слабую женскую душу — я зашел слишком далеко, и отступить уже невозможно, это дело чести, дело совести. Мой идеал осуществлен — я создал для себя свою любовницу как поэт, как Бог! Она предалась мне всею душою, на мне покоятся все надежды ее будущего. Я сделался ее провидением, и я люблю ее, как любят в первый раз! Что значит моя прежняя молочная, детская привязанность в сравнении с этою вулканическою страстью! Ах! как хорошо я теперь знаю, что страсть и страдание одно и то же! Мне запало в душу одно слово, которое прежде не имело для меня никакого значения, которого не мог произнести без смеха: это слово теперь принимает в глазах моих ужасно важное значение — это слово — как выговорить его? — это слово есть — женитьба. И при этом слове целая гидра предрасудков подымается против меня. Нет души человеческой, которая могла и хотела бы понять меня, помочь мне советом и делом! Кто поймет меня и ее? Разве один Бог, который видит внутренность сердец. Я безумно счастлив и неописанно несчастен: не знаю, чего больше, нектару или яду в этой заколдованной чаше любви? Я живу только в те минуты, когда вижу ее: все остальное время — пытка, колесование или какое хочешь другое мучение»**.

Однако в следующем, к сожалению, не датированном, письме настроение В. С. Печерина кардинально меняется — «Слава Богу! — утверждал он, — теперь буря

* Федор Пантелеймонович Печерин (1773–1835), родной брат отца В. С. Печерина, автор «Записок о моих предках и о себе, на память детям в 1816 году сделанных» («Русская старина». 1891. Т. 72. Кн. 12. С. 587–618), скончавшийся в Москве и похороненный на Ваганьковском кладбище.

** ОРРГБ. Ф. 332 (Ф. В. Чижов). Картон 45. Ед. хр. 10. Л. 3–Зоб.; Опубликовано: Местергази Е. Г. Теоретические аспекты изучения биографии писателя (В. С. Печерин). М., 2007. С. 114–115.

улеглась; вулкан перегорел и погас, и в сердце моем спокойно и пусто. Меня иногда мороз по коже подирает, когда я подумаю, над какую пропасть я стоял; я краснею сам перед собою, когда вспоминаю, до какой степени был унижен. Это целый роман, который можно издать под заглавием: *Les égarements d'un coeur sensible**. Леди Морган** хорошо сказала: «Много ли мужчин, которые не принуждены краснеть, вспоминая о своей первой страсти?». Теперь я ищу развлечения и времяпрепровождения в банке (т. е. в карточном), в чтении Фукидида и английских романов. ... Нет ничего скучнее, — продолжал он, — как женщина, которая все еще вас любит, между тем как вы перестали ее любить. В четыре месяца я прожил целую жизнь супружества и очень хорошо понимаю, каково это состояние, если жена ваша не одарена высокими талантами. Как скоро проходит упоение чувств, этот розовый пар первых недель любви! Судьба дала мне прекрасный урок, которого я никогда не забуду. Теперь, по крайней мере, я смогу сильнее за себя ручаться, что никогда не женюсь. Дайте мне одну из трех Граций, дайте мне Гури Магометова рая — все-таки она наскучит мне через два, три месяца. Неверность супругов меня теперь не удивляет: это в порядке вещей. Но для женщины должно быть мучительно видеть равнодушие в мужчине, который за месяц перед тем весь зависел от одного движения густых ее ресниц. Сколько тайн сердца раскрылось предо мною! Все покровы, наброшенные жеманною сентиментальностью, истлели в прах перед моею опытностью, и я вижу женщину во всей ее наготе. И все это следствие скуки, пресыщения жизнью»***.

Приложение № 13

Психологическое состояние В. С. Печерина в Москве.

В. С. Печерин был отправлен в Москву вопреки его желаниям. В Москве он чувствовал себя откровенно плохо и неуютно. Он оказался оторванным сразу и от ставшей ему близкой и необходимой европейской жизни, и от петербургских друзей. Он никак не может привыкнуть к новым обстоятельствам, новому распорядку, атмосфере московского быта, ощущает себя одиноким, брошенным, забытым, ненужным, тем более что даже самые близкие друзья, те же А. В. Никитенко и Ф. В. Чижов, не пишут ему. За все время пребывания в Москве он не получил от них ни одного письма: «... от чего ты до сих пор ко мне не пишешь?»****, — спрашивал он Ф. В. Чигова в декабре 1835 года. «Побрани Чигова, — одновременно просил он М. С. Куторгу. — Что он за скотина, ни строчки не написал»*****. «Если бы не было крайней необходимости, я не написал бы тебе ни строчки, — уверял он Ф. В. Чигова в письме от 20 марта 1836 года. — Не знаю, как тебя назвать. Иноземцев называет тебя свиньею. Как не отвечать даже на письмо, которое Крубера тебе привез! ... Соберись, наконец, с силами и напиши хоть пять строчек. Наконец становится скучно не иметь ни слова из Петербурга»*****.

* Заблуждения чувствительного сердца — фр.

** Урожденная Сидни Оуэнсон (Sydney Owenson) (1783–1859), английская писательница, автор любовных романов.

*** Там же. Л. 6; Опубликовано: Местергази Е. Г. Указ. соч. С. 114–119.

**** Там же. Л. 9. Опубликовано: Местергази Е. Г. Указ. соч. С. 191–192.

***** ОРНБ. Ф. 896 (И. Т. Яковлев). Ед. хр. 9. Л. 10б.

***** ОРРГБ. Ф. 332 (В. С. Печерин). Картон 45. Ед. хр. 10. Л. 13. Опубликовано: Местергази Е. Г. Указ. соч. С. 123–124.

Постепенно В. С. Печериным овладела глубокая тоска. «Скука смертная! — писал он Ф. В. Чижову 11 октября 1835 года. — Москва несносна в высшей степени: действительно, это большая деревня, в которой живет несколько богатых помещиков... даже одеться лень, я вечно хожу в старом сюртуке, да Москва лучше и не стоит»*. «Я задыхаюсь в Москве, — делился он своими чувствами с М. С. Куторгой. — О, вы, счастливицы, живущие в Петербурге!»**. Для него Петербург по-прежнему оставался желанной целью, центром интеллектуальной жизни, куда, как ему казалось, долетали «теплые западные ветры». «...никто не амальгируется с Москвою»***, — сообщал он Ф. В. Чижову в марте 1836 года, имея в виду и себя, и своих коллег — Д. Л. Крюкова, П. Г. Редкина, Ф. И. Иноземцева. Свое тогдашнее состояние В. С. Печерин подробно описал в письме к С. Г. Строганову.

Именно тогда в его воспаленном сознании мысль покинуть Россию и уехать за границу из невнятной, расплывчатой идеи превратилась в навязчивую, все подавляющую и всеобъемлющую страсть. Эта идея овладела им полностью, стала маниакальной. «Освежиться, освежиться, хоть бы на две недели! больше ничего не хочу. ... Вверяю тебе священнейшие интересы моей души: ей Богу, меня в Берлин призывает не одна жажда рассеяния. О блаженное время, когда мы опять сядем вместе в Прусский Дилижанс!»****, — писал он М. С. Куторге в ноябре 1835 года. «Если откажут, — развивал он эту же мысль в другом письме, — то это будет для меня un coup de foudre*****. Я теперь и день, и ночь думаю об этой поездке, и деньги для нее почти уже готовы у меня»*****. «Это тоже, что Катона: Delenda Carthagen*****! Это я повторяю и утром, и вечером, и ночью»*****. В. С. Печерин пытался добиться отъезда всеми доступными ему способами. С одной стороны, он просил М. С. Куторгу, которого попечитель Петербургского учебного округа М. А. Дондуков-Корсаков намеревался отправить в Берлин, уговорить того послать с ним и его тоже. «...я с нетерпением буду ждать от тебя известия о том, что тебе он скажет на твою просьбу о поездке в Берлин, — писал он другу. — Пожалуйста, когда будешь об этом говорить, не забудь сказать и обо мне: скажи, что я поеду с тобою и что так же, как и ты, имею весьма важные побуждения ехать в Берлин. Напиши мне обо всем подробно. ...Обделай хорошенько это дело...»*****. «... не говорил ли ты с Князем Дондуковым-Корсаковым о нашей общей поездке в Берлин, — интересовался он в другом письме. — Я со своей стороны спрошу об этом Строганова перед его отъездом в Петербург (в конце Декабря). Что препятствия никакого не будет, в этом, кажется, и сомневаться нельзя, тем более что на такой небольшой срок не нужно просить позволения у Государя. ... Предоставляю свою участь моему испытанному в бедах благоразумию и знанию дела»*****.

* Там же. Л. 7. Опубликовано: Местергази Е. Г. Указ. соч.

** ОРНБ. Ф. 896 (И. Т. Яковлев). Ед. хр. 8. Л. 1–1об.

*** ОРРГБ. Ф. 332 (В. С. Печерин). Картон 45. Ед. хр. 10. Л. 13об.

**** Опубликовано: Местергази Е. Г. Указ. соч.

***** ОРНБ. Ф. 896 (И. Т. Яковлев). Ед. хр. 8. Л. 1–1об.

***** Неожиданным потрясением — фр.

***** Там же. Л. 3 об.

***** Карфаген должен быть разрушен — лат.

***** Там же. Ед. хр. 9. Л. 1об.

***** Там же. Ед. хр. 8. Л. 1–1об.

***** Там же. Л. 3–3 об.

С другой стороны, он действовал через С. Г. Строганова. В конце концов, не получив помощи от М. С. Куторги, В. С. Печерин пошел официальным путем — подал прошение и получил разрешение на выезд.

Приложение № 14

Mémoires d'un fou.

I-er fragment.

Juin 1854.

Je sui un petit être chétif de corps et d'âme. Je suis un chien mort. Je suis une mèche fumante qu'on veut bien ne pas éteindre.

Je n'ai plus de confiance en aucun home; je crois en Jésus Christ seul.

J'attends la mort, et je la salue de loin.

L'ambition, l'avarice, l'envie, la jalousie s'agitent ici aussi bien que dans le monde: on veut réussir, on veut se faire un nom, on aime les préséances aux banquets, on veut primer, on veut dominer.

Le Père Galleman dit: "Ce vice (l'orgueil) est dans les religieux d'une autre manière que dans les séculiers. Dans ceux ci l'objet et la matière de leur orgueil est la fortune et les biens extérieurs, en quoi ils désirent d'exceller; mais l'orgueil est dans les religieux comme dans les anges rebelles; il s'attache à leur excellence personnelle et aux biens intérieurs". Cela est-il exact? Et une belle église, une belle maison, un beau jardin, belle musique, beaux sermons ne sont-ils pas quelquefois l'objet et la matière de l'orgueil des religieux!

On s'irrite à la moindre parole qu'on entend dire contre nous; on est hors de soi même si un sermon, une mission n'a pas réussi comme nous nous y attendions. On veut réussir à tout prix, on veut emporter d'assaut.

St. Paul au Chap. IX ep. I-er aux Corinthiens énumère longuement et avec force les droits des prédicateurs aux contributions des peuples; mais il finit par dire: "je n'ai usé d'aucun de ces droits, pour ne pas mettre obstacle à l'évangile du Christ". Il a travaillé de ses propres mains plutôt que de recevoir des secours des fidèles. J'aime mieux mourir que d'être privé de cette gloire (la gloire du plus parfait désintéressement).

St. Alphonse paraît avoir partagé ses sentiments quand il dit dans les Constitutions: "Nunquam sese rerum suarum studiosos aut pecuniae cupidos exhibeant, et in erogatione pecuniae id sedulo current, ut exiqui emolumenti potius quam bonae existimationis vel levissimam jacturam faciant".

Je ne puis concevoir aucune solide perfection là où il y a ces deux choses: l'amour du succès et l'amour de l'argent.

La fortune et la gloire fuient ceux qui courent après elles. Rien ne me serre plus le coeur que d'entendre dire: il faut attirer les grandes et les riches. C'est ainsi qu'on jette la semence des futures révolutions.

Le désintéressement a un certain charme qui captive les coeurs mieux que les discours les plus éloquents. C'est pas là qu'on fait les grandes réformes. Une basse cupidité ne pourra jamais établir un ascendant durable. Le monde a été sauvé parce qu'un Dieu est mort un sur la croix; parce qu'il s'est trouvé douze homes qui ont dit: "ecce nos reliquimus omnia"; parce qu'un grand apôtre a préféré de travailler de ses mains plutôt que de recevoir de l'argent. Le monde a été réformé parce que S. François d'Assise après à la lettre la parole évangélique: "Nolite possidere argentum neque aurum: gratis accepistis gratis et date".

Elevons nous à la considération des choses éternelles ou plutôt considérons le néant des choses d'ici bas. La mort est proche. Le Seigneur a déjà frappé à ma porte. "Pulsat Dominus cum jam per aegritudinis molestias mortem vicinam esse demonstrat". Bientôt ce corps sera étendu raide et froid sur cette couche de paille. Bientôt ce visage aura le calme imperturbable de la mort. On m'enterrera quelque part et il ne sera plus question de moi, et aucune bouche humaine ne prononcera plus mon nom. Laissons à d'autres le souci de faire des projets pour l'avenir: je n'ai d'autre chose en vue que la mort. O mort! la seule idée de la mort me cause des ravissements ineffables! O mort! o liberté! Alors plus de soucis! plus de travaux! Je n'ai jamais envisagé la mort sous un aspect si riant.

Et mes péchés? et la pénitence ou est-elle? Oh! mon Dieu! acceptez pour ma pénitence, recevez comme une expiation de mes innombrables péchés-quoi? me voici au bout de ma carrière et je n'ai jamais rien obtenu de ce que j'ai désiré le plus ardemment dans ce monde. Je traîne après moi, comme dit Bossuet, la longue chaîne de mes espérances déçues. "Ego enim jam delibor et tempus resolutionis meae instat". Un frisson de joie parcourt tout mon corps à cette pensée.

Перевод

Записки сумасшедшего.

1-й фрагмент.

Июнь 1854.

Я маленькое существо, жалкое телом и душой. Я мертвый пес. Я дымящийся фитиль, который не хотят погасить.

Я больше не верю ни одному человеку, я верую лишь в Иисуса Христа.

Я жду смерти и приветствую ее издалека.

Честолюбие, скупость, зависть, ревность существуют здесь, как и в мире: хотят добиться успеха, сделать себе имя, любят присутствовать на банкетах, хотят первенствовать, господствовать.

Отец Галлеман говорит: «Этот порок (гордость) присутствует у монахов в ином виде, нежели у людей светских. У последних предметом и сущностью их гордости являются богатство и внешние блага, в коих желают они превосходствовать; но гордость у монахов — это как гордость взбунтовавшихся ангелов, она связана с их личным превосходством и с внутренними благами». Верно ли это? И не являются ли иногда прекрасная церковь, красивый дом, сад, великолепная музыка, прекрасные проповеди предметом и сущностью гордости монахов?

Мы гневаемся при малейшем слове, направленном против нас; мы выходим из себя, даже если проповедь, поручение не получились, как мы того ждали. Мы хотим добиться успеха любой ценой, взять штурмом.

Св. Павел в IX главе I-го Послания к Коринфянам долго и настойчиво перечисляет права проповедников на получение податей от народов; но в конечном итоге он говорит: «Я не воспользовался ни одним из этих прав, дабы не воздвигнуть препятствия Евангелию Христа». Он трудился собственными руками и отказывался получать помощь от верующих. Я бы предпочел умереть, чем лишиться этой славы (слава самого совершенного бескорыстия).

Кажется, Св. Альфонс разделял его чувства, когда он говорил в «Основных Законоположениях»: «Чтобы они никогда не становились привязанными к своим вещам или жаждали денег, и пеклись о распределении денег на милостыню, чтобы, заботясь более о милостыне, чем о славе, они творили хотя бы самые малые пожертвования».

Я не могу почувствовать никакого действительного совершенства там, где существуют две вещи: любовь к успеху и любовь к деньгам.

Удача и слава ускользают от тех, кто к ним стремится. Ничто так не сжимает мне сердце, когда я слышу: надо привлекать великих и богатых. Именно так бросают семена будущих революций.

Бескорыстие имеет некое очарование, которое пленяет сердца сильнее, чем самые красноречивые речи. Вот таким образом совершаются великие реформы. Низкая алчность не сможет никогда иметь длительное влияние. Мир был спасен, потому что Господь умер один на кресте, потому что нашлось двенадцать человек, которые сказали: «и вот мы оставляем всё»; потому что один великий апостол предпочел трудиться своими руками, нежели получать деньги. Мир был реформирован, поскольку Св. Франциск Ассизский добавил в своем послании слово евангельское: «не владейте ни серебром, ни золотом: полученное даром, даром и отдайте».

Перейдем к рассмотрению вечных вещей или, скорее, порассуждаем о низменной тщетности вещей. Смерть близка. Господь уже постучал в мою дверь. «Господь наказует, когда показывает близость смерти посредством муки болезней». Скоро это тело, окоченевшее и холодное, будет лежать на соломенной подстилке. Скоро на этом лице появится невозмутимое спокойствие смерти. Похоронят меня где-нибудь и не будут больше вспоминать обо мне, и никто больше не произнесет моего имени. Оставим другим заботу строить планы на будущее: я же имею в виду только смерть. О смерть! Только сама мысль о смерти приводит меня в невыразимый экстаз! О, смерть! О, свобода! И тогда — никаких забот! Не надо больше работать! Я никогда не рассматривал смерть с такой забавной стороны.

А мои грехи? и покаяние — где же оно? О! Боже мой! Согласитесь с моим рассказанием, примите как искупление многочисленных грехов моих — что? Вот я в конце своей карьеры, и никогда я ничего не получил того, что я так страстно желал в этом мире. Я тащу за собой, как говорил Боссюэ, длинный шлейф моих обманутых надежд. Ибо я теперь уже выбран, и время разложения вполне приближается. От этой мысли все мое тело охватывает радостная дрожь.

Mémoires d'un fou.

29 août. 1854.

J'ai une âme paresseuse. Il m'en coûte de penser. Il me faut une grande secousse pour me faire sortir de ma léthargie. L'action, l'action, l'action — voilà ce que je demande. Et je ne trouve point d'action à ma convenance. Il me semble que je serais plus propre à servir les malades dans les hôpitaux, qu'à faire de beaux discours. Je hais la rhétorique. L'éloquence évangélique où-est-elle? Où est la parole simple et douce et onctueuse de Jésus Christ?

O mon Dieu! Pénétrez — moi de la pensée de la mort. Aimer et mourir — que ce soit ma devise désormais. La vie est courte — aimons autant que nous pouvons. Aimer — voici toute mon activité. Qu'aucun respect humain ne m'empêche plus d'aimer. J'ai assez vécu esclave des hommes. Le moment de la liberté approche. Celui qui est prêt à mourir est déjà libre. Mais n'est-on pas esclave quand on désire tant d'être aimé? Etre aimé! O douce parole! je donnerais toute la gloire du monde pour la moindre marque d'amour. Renoncer même à être aimé et s'ensevelir dans la solitude de son coeur — je n'en suis pas encore là. J'ai encore le désir vulgaire d'être aimé. Mais ne peut-il pas être ennobli par l'exemple de Jésus Christ? Il pleure de ce que Jérusalem n'a pas correspondu à son amour. O cher Jésus

donnez moi une de vos larmes, donnez moi une petite étincelle de votre divin amour! L'Irlande a été pour moi une révélation d'amour. Dès que j'ai mis le pied sur le sol irlandais, mon coeur a compris ce qu'il lui fallait — les pieds nus et les haillons de Jésus et le coeur aimant de Jésus — voici ce que j'ai anticipé dans mes rêves. Jusques dans le sein de l'erreur moscovite j'ai pressenti, j'ai aimé, j'ai embrassé la pauvreté évangélique. Mon rêve sera-t-il jamais entièrement réalisé? Aimer et mourir — au moins personne ne m'empêchera d'aimer de toutes les puissances de mon âme.

Entrons dans la vie de Jésus. Voyez comme tout le monde l'approche aisément. Il est serré de toutes part, il n'a plus de place sur le rivage, il doit s'enfuir dans la barque de St. Pierre. Comme il est tout pour le peuple! Il renvoie la mère — la personne la plus noble et la plus chérie — et ses proches parents: "ma mère, mes frères et mes soeurs sont ceux qui écoutent ma parole et qui la font!" Oh! comme je sens dans mon coeur la puissance de cette parole. Qui mon peuple, vous êtes tout pour moi: vous êtes mon père et ma mère, mes frères et mes soeurs; vous êtes ma patrie, vous êtes toutes mes affections, vous êtes mon amour et ma vie.

Ma poitrine est trop étroite, ma voix est trop faible pour exprimer tout ce que je sens, quand je pense à l'amour de Jésus pour son peuple. Il n'a de paroles dures que pour les sommités sociales: les scribes, les pharisiens, les docteurs de la loi, qui veulent dominer sur le peuple, qui lui imposent des fardeaux insupportables qu'eux-mêmes ne voudraient pas toucher du bout de leur doigt. "Vae vobis divitibus!" Il est plus facile pour un chameau de passer par le trou d'une aiguille que pour un riche d'entrer dans le royaume des cieux.

Comme il pardonne facilement la femme adultère et comme il confond les superbes pharisiens. C'est que d'un côté il voyait amour et repentir et de l'autre une rigueur hypocrite. Madeleine lave de ses larmes les pieds de Jésus et verse sur sa tête un parfum délicieux — et pour cet acte d'amour tout lui est pardonné. Beaucoup de péchés lui sont pardonnés parce qu'elle a aimé beaucoup. Va et ne péché plus! O Jésus! pourvu qu'on vous aime et qu'on ait le ferme propos de ne plus vous offenser — vous pardonnez tous. O mon Dieu! y a-t-il dans mon coeur assez d'amour pour effacer les innombrables péchés de ma vie passée! O Jésus donnez moi les larmes brûlantes de Madeleine! Mais j'ai un fort pressentiment qu'avant la fin de ma carrière vous m'accorderez la grâce de souffrir beaucoup pour vous peut-être même de laver dans mon sang les souillures de ma vie. Les événements se pressent sur la scène du monde. O pauvreté! o dénuement! o abandon! o martyre! Tous ces mots expriment les désirs ardents d'une insatiable charité. Jusqu'ici je n'ai fait qu'étreindre des ombres: quand embrasserai — je la réalité?

Comme Jésus aimait les enfants! "Sinite parvoulos venire ad me". Comme il aimait la jeunesse. Il vit le jeune homme et il l'aimé. Mais c'était une âme grossière qui ne voulait point correspondre à l'invitation amoureuse de Jésus: "vade et vende omnia quae habes". Il s'en alla tout triste, parce qu'il était très riche.

Désormais je veux vivre selon l'évangile. J'ai été trop longtemps esclave des hommes.

Перевод

Записки сумасшедшего.

29 августа 1854.

Я ленив душой. Мне тяжело думать. Мне необходим сильный толчок, чтобы вывести меня из моей летаргии. Дело, дело, дело — вот, что я прошу. И не нахожу я никакого дела по вкусу. Мне кажется, что я сумел бы лучше помогать страждущим в больницах, чем произносить прекрасные речи. Я ненавижу риторiku. Где оно —

евангельское красноречие? Где простое, тихое и душеспасительное слово Иисуса Христа?

О, Господи! Пронзите меня мыслью о смерти. Любить и умереть — пусть отныне это станет моим девизом. Жизнь коротка — давайте будем любить так, как мы можем. Любить — вот все мое дело. Да не помешает мне больше любить боязнь людского мнения. Я уже достаточно пожил рабом людей. Момент свободы приближается. Тот, кто готов умереть — уже свободен. Но не становимся ли мы рабами, когда страстно желаем быть любимыми? Быть любимым! О, какие сладкие слова! Я отдал бы всю славу мира за малейшее проявление любви. Даже отказаться от того, чтобы быть любимым, и погрузиться в уединение своего сердца — я еще к этому не готов. У меня есть еще простое желание быть любимым. Но не может ли это желание стать возвышенным благодаря примеру Иисуса Христа? Он плачет из-за того, что Иерусалим не ответил на его любовь. О, дорогой Иисус, дайте мне одну из ваших слезинок, дайте мне маленькую искру вашей божественной любви! Ирландия была для меня откровением любви. Как только я ступил на землю Ирландии, сердце мое поняло, что ему было нужно — голые ноги и рубище Христа, и сердце, любящее Христа — вот, что я предвосхищал в своих мечтах. В глубине московского заблуждения я представлял, любил, постигал евангельскую бедность. Осуществится ли когда-нибудь полностью моя мечта? Любить и умереть — ни один человек не сможет помешать мне любить всеми силами души моей.

Углубимся в жизнь Иисуса. Посмотрите, как все с ловкостью приближают его. Он сжат со всех сторон, у него больше нет места на берегу, он должен убежать на лодке Св. Петра. Как же он является всем для народа! Он отправляет назад свою мать — человека самого благородного и любимого — и своих близких родственников: «моя мать, мои братья и сестры — это те, кто слушает слово мое и выполняет его!» О! Как я чувствую в сердце моем силу этого слова. Народ мой, вы все для меня: вы мой отец и мать, мои братья и сестры; вы моя отчизна, мои привязанности, вы моя любовь и моя жизнь.

Грудь моя слишком узка, голос мой слишком слаб, чтобы высказать все, что я чувствую, когда я думаю о любви Иисуса к своему народу. Он жестко говорит только с социальной верхушкой: писцы, фарисеи, книжники, которые хотят господствовать над народом, которые налагают на него невыносимое бремя, до коего они не хотели бы дотронуться кончиком своего пальца. «Творя истину в благодати!» Легче верблюду пролезть в игольное ушко, чем богачу войти в царство небесное.

Как легко прощает он неверную жену и как стыдит он высокомерных ханжей. Это значит, что, с одной стороны, он видел любовь и раскаяние, а с другой стороны — лицемерную жестокость. Магдалина обмывает своими слезами ноги Иисуса и поливает его голову восхитительным благовонием — и за это проявление любви все ей прощается. Множество ее грехов было ей прощено, поскольку она сильно любила. — «Иди и не греши больше!» О, Иисус! Лишь бы вас любили и имели твердое намерение больше не обижать вас — вы прощаете всех. О, Господь мой! есть ли в моем сердце достаточно любви, чтобы загладить бесчисленные грехи моей прошлой жизни! О, Иисус! Дайте мне горячие слезы Магдалины! Но у меня сильное предчувствие, что до конца моей карьеры вы даруете мне милость большого страдания за вас, может быть, даже омыть моей кровью грязь моей жизни. В мире события сменяют друг друга. О, бедность! О, лишения! О, забвение! О, мучение! Все эти

слова выражают горячее желание ненасытного милосердия. До сих пор я только уничтожал тени, когда же охватчу я реальность?

Как Иисус любил детей! Позвольте детям приходиться ко мне. Как любил он молодежь. Он увидел юношу и полюбил его. Но это была грубая душа, которая не хотела вовсе отвечать на приглашение любви Иисуса: иди и продай все, что имеешь. Он ушел совершенно грустный, потому что он был очень богат.

Отныне я хочу жить по евангелию. Слишком долго я был рабом людей.

Mémoires d'une fou.

29 août. 1854.

O mon Jésus! je vous aime: vous êtes l'unique amour de mon coeur. Comme l'époux rêve à son épouse absente et lui écrit des lettres d'amour, ainsi moi je soulage mes ennuis en écrivant à mon Jésus. Oh! comme je voudrais aller quelque part bien loin, bien loin, où aucune créature humaine ne pourrait plus me trouver. Là je serais plus près de Jésus, là je pourrait converser plus librement avec lui. Jésus lui même aimait le désert et s'y retirait après avoir travaillé pour le salut des hommes. Quelquefois je suis poussé intérieurement à aller visiter Jésus dans la Chapelle: mais il y a du monde là — la vue des hommes me retient et refroidit mon amour. L'amour de Jésus pour la solitude était extraordinaire il aimait à prier tout seule "solus orare". Comme je voudrais pénétrer dans l'intérieur du coeur de Jésus et l'étudier à loisir! O mon Dieu, je vous remercie de ce jour de solitude et de recueillement. Parlez moi maintenant et instruisez moi. Mon âme a bien besoin d'être éclairée et réchauffée. Mon âme est comme une terre desséchée qui demande une goutte de pluie. Qui m'instruira si ce n'est vous? Je me débats entre des phantasmes — je suis à l'étroit — il me faut l'air libre de la vérité. Oh! qui pourrait dire et écrire toute la vérité? La vérité ne se trouve que dans la charité. "Veritatem facientes in charitate ἁληθεύοντες ἐν ἀγάπῃ". Les grandes lumières de l'intelligence jaillissent des profondeurs de la charité. "Frangere esurienti panem tuum egenos et vagos indue in domum tuam cum videris nudum cooperi eum et carnem tuam ne despexeris: tunc erumpet sicut aorora lux tua". A quoi sert d'orner nos autels s'il y a à notre porte une pauvre créature qui n'a pas de quoi couvrir sa nudité et que la honte empêche d'aller entendre la sainte messe et d'approcher de la sainte table le dimanche? L'essence de la religion c'est l'amour des pauvres. "Religio munda et immaculata apud Deum et patrem hace est. Visitare pupillos et viduas in tribulatione eorum et immaculatum se custodire ab hoc saeculo". Aimer les pauvres et se garder pour des souillures de ce monde c'est à dire être pauvre soi-même voici la vraie religion.

Les ordres actifs ont été établis pour le service des pauvres mais peu à peu ce qui n'était qu'un moyen est devenu fin principale: les ordres sont devenus eux-mêmes leur propre fin, et les pauvres ont été sacrifiés. La conservation, la réputation de l'ordre — voilà la fin principale, tout le reste n'est que secondaire. L'amour de la Congrégation a remplacé l'amour des pauvres. On ne croit plus que prêter aux pauvres c'est prêter à Jésus Christ, et prêter avec grande usure. On courtise les riches, parce qu'on en a besoin, et on en a besoin parce qu'on ne croit plus à la providence. Comment comprend-t-on ces paroles: "Qui petit a te, da ei; et violenti mutuari a te ne avertaris". On me dira que ce n'est pas un commandement, ce n'est qu'un conseil: mais ne sommes-nous pas en religion pour pratiquer les conseils évangéliques? Quand j'ai vu cette pauvre créature demi nue devant la porte, je me suis rappelé les paroles de Souverain juste: "nudus eram et non cooperuistis me". Nous lisons de St. Augustin: "Tanta benignitate fuit in paupers ut cum non esset alia facultas sacra vasa frangeret ad eorum inopiam sustentandam". Ces temps héroïques ne revien-

dront-ils jamais? Ils reviendront, car la main de Dieu est dans toutes ces révolutions qui agitent le monde: il brise la vieille société pour la rebâtir sur les bases de la charité. Quand on aura été bien humilié, quand on aura bien souffert, quand on aura été mêlé dans la même boue avec les pauvres, on apprendra alors à être charitable.

J'épanche mon coeur devant vous; o mon bon Jésus! Je vous écris toutes mes peines. Je n'ai pas encore trouvé le lieu de mon repos. Le trouverai-je dans cette vie? Les saints ont trouvé leur centre et ils s'y sont reposés et ils s'y sont perfectionnés. Moi je marche à tâtons; comme la colombe de l'arche je ne trouvé aucun lien pour me reposer: je n'ai pas encore commencé, parce que je ne sais par où commencer. Quand mettrez vous mes pieds sur un rocher solide? J'attends encore votre révélation: "quid me vis facere? Cunctis diebus quibus nunc milito expecto donec veniat immutatio mea".

Ma tendre mère, très sainte vierge Marie, rappelez-vous que vous êtes ma mère et qu'on n'a jamais oui dire qu'on ait invoqué votre secours en vain. Je suis couvert de péchés; je suis dans la détresse; je n'ai personne au monde pour m'aider. Vous êtes le refuge des pécheurs, vous êtes la consolatrice des affligés, vous êtes la dame du Bon Conseil pour ceux qui se sont égarés hors de la voie: tendre mère, prenez-moi par la main et guidez moi. "Ostende mihi viam bonam". J'erre à l'aventure dans le désert de ce monde. Il fait nuit obscure: douce étoile du matin, quand vous levez-vous? Je vous attends — j'attends votre lumière.

Mon cher ange gardien, ami fidèle tant de fois négligé et oublié, l'amour éternel m'a confié à votre garde; éclairez-moi, gardez-moi, dirigez-moi. Pardonnez-moi mes ingratitude, et ne dédaignez pas de m'instruire par vos saintes inspirations.

Поэзия

риторика

чепуха!

Цензор В. Печерин.

в лето от Р. X. 1870-е странствования же нашего в 63-е

Перевод

Записки сумасшедшего.

29 августа 1854.

О, мой Иисус! Я вас люблю: вы единственная любовь моего сердца. Как супруг мечтает о своей отсутствующей супруге и пишет ей любовные письма, так и я облегчаю печаль мою, когда пишу моему Иисусу. О! Как бы я хотел уехать куда-нибудь очень далеко, очень далеко, где меня не могло бы больше найти ни одно человеческое существо. Там я был бы ближе к Иисусу, там я смог бы более свободно с ним разговаривать. Сам Иисус любил пустыню и удалился туда, потрудившись для спасения людей. Иногда я чувствую внутри себя желание пойти к Иисусу в Часовню: но там народ — вид людей меня останавливает и охлаждает мою любовь. Любовь Иисуса к уединению была необычайной, он любил молиться совсем один «в одиночестве молить». Как бы мне хотелось проникнуть в глубину сердца Иисуса и изучать на досуге. О, Бог мой, я благодарю вас за этот день уединения и сосредоточения моих мыслей. Говорите со мной теперь, учите меня. Моей душе необходимо, что бы ее просвещали и обогревали. Моя душа, как высохшая земля, которая просит каплю дождя. Кто научит меня, если не вы? Я сражаюсь в мире призраков — я в стесненном состоянии — мне нужен чистый воздух правды. О! Кто сумел бы сказать и написать всю правду? Правду можно найти лишь в милосердии. Истина заключается только в любви. Великий свет разума открывает глубины милосердия. «Преломи хлеб свой для голодного; нуждающегося и скитальца

введи в дом свой; когда увидишь нагого, одень его подобно тому, как и ты относишься к своей плоти: тогда просияет, словно заря, свет твой». К чему украшать нашу церковь, если у нашей двери стоит бедное создание, которому нечем прикрыть свою наготу и которому стыд мешает пойти послушать святую проповедь и причаститься по воскресеньям. Смысл религии — это любовь к бедным. «Религия чистая и незапятнанная Бога и отца такова: Навещать сирот и вдов в терзаниях сердца и невинных оберегать от века сего». Любить бедных и остерегаться грязи этого мира, это значит быть бедным самому — вот истинная религия.

Активные ордена были созданы ради служения бедным, но постепенно то, что было лишь средством, стало основной целью: ордена стали сами их собственной целью, а бедные были принесены в жертву. Сохранить орден, его репутацию — вот основная цель, все остальное только вторично. Любовь к Конгрегации заменила любовь к бедным. Уже больше не считают, что подавать бедным — это значит подавать Иисусу Христу и подавать с лихвою. Угождают богатым, потому что нуждаются в них и не верят больше в Провидение. Как можно понять эти слова: «Кто просит у тебя, дай ему, и тех, кто к тебе благосклонен, в ответ не отвергни». Мне могут сказать, что это не заповедь, а лишь совет: но разве мы религиозны для того, чтобы исполнять евангельские советы? Когда я увидел у двери это жалкое полураздетое создание, я вспомнил слова Бога судьи: я буду наг, а ты не оденешь меня. Мы читаем у Св[ятого] Августина: «Такова благодать нищих, что когда появляется необходимость, разбивает священные сосуды для поддержания их бедности».

Вернутся ли когда-нибудь эти героические времена? Они вернуться, ибо во всех революциях, которые сотрясают мир, есть рука Бога: она разрушает старое общество, чтобы преобразовать его на основах милосердия. Когда нас сильно унижат, когда мы будем очень страдать, когда мы будем месить одну и ту же грязь вместе с бедными, вот тогда мы научимся быть милосердными.

Я открываю перед вами свое сердце; о, мой добрый Иисус! Я вам пишу о всех моих горестях. Я еще не нашел место для покоя. Найду ли я его в этой жизни? Святые нашли свой центр и отдохали и совершенствовались там. Я иду словно во тьме, как церковный голубь, я не нахожу никакого места для отдыха. Я еще не начал, поскольку не знаю с чего начать. Когда поставите вы мои ноги на твердую скалу? Я жду еще вашего откровения: «Что ты мне захочешь сделать? Все дни мои в борьбе, ожидаю, пока не придет преображение мое».

Моя нежная мать, Пресвятая Богородица Мария, вспомните, что вы моя мать и что никогда не говорили, что напрасно зывали к вашей помощи. Я весь в грехах; я в печали; нет никого в этом мире, кто бы пришел мне на помощь. Вы — убежище грешников, вы — утешительница скорбящих, вы — дама Доброго Совета для тех, кто сбился с пути: нежная мать, возьмите меня за руку и ведите меня. «Укажи мне верный путь». Я иду, куда глаза глядят по пустыне этого мира. Ночь темна: добрая утренняя звезда — когда вы взойдете? Я жду вас — я жду вашего света.

Мой милый ангел-хранитель, верный друг, которым столько раз пренебрегали и забывали, вечная любовь доверила меня вашей защите, учите меня, защищайте меня, направляйте меня. Простите мне мою неблагодарность и не отказывайтесь просвещать меня вашими святыми наставлениями.

ОРРГБ. Ф. 332 (Ф. В. Чижов). Картон 45. Ед. Хр. 2. ЛЛ. 1–6.
Публикуется впервые.

Приложение № 15

Статья из «Московских Ведомостей», № 157 от 18 июля 1869 года.

«С живейшим сочувствием даем мы место нижеследующему сообщению, автор коего, г[осподин] Hatherly или Гаферлей, как он пишет по-русски, англичанин по своей национальности и наш единоведец, находится теперь в Москве по делу истинно святому. Да благословит Бог его начинание и да встретит оно в средоточии православия усердную поддержку!

Мое прибытие в Россию имеет целью получить утверждение святейшего Синода и содействие добрых христиан для устройства православного храма в одном из центральных промышленных округов Англии, в Вольвергамптоне, близ Бирмингама, где я мог бы проповедовать и преподавать моим соотечественникам Божественную истину, признаваемую нашею святою православною кафолическою церковью. Вопрос этот касается двух предметов: 1) здания и 2) проповедника.

1) Здание, которое прежде служило методическою часовней, было предложено мне для покупки не так давно, когда я хотел нанять комнату для еженедельных молитвенных собраний, и во всех отношениях оно удовлетворительнее потому, что обширнее, лучше устроено, находится в лучшей местности и, кроме того, обеспечено от употребления для светских целей, чему всегда могут подвергаться комнаты, нанимаемые в домах. Община предполагаемого храма в некоторых размерах уже существует, ибо прошение, поданное мною в святейший Синод, подписано 21 лицом, и все они обещали свое ревностное содействие к достижению целей означенного православного храма, когда он будет учрежден. Легко можно бы достать и большее число подписей, но я предпочел немногих искренних лиц толпе людей сомнительных. Все эти лица, за исключением двух или трех, узнали то, что им известно о православии, чрез меня и мой пример.

Цена следующая: за землю, часовню и дом — всего 700 фунтов стерлингов, весьма небольшая сумма за полную поземельную собственность в Англии. Изменения, которые потребуются для приспособления часовни к православному богослужению и для устройства в доме семейного помещения, будут стоить еще 200 фунт[ов] стерл[ингов]. Затем останется приобрести необходимые принадлежности для православного храма, которые, по всей вероятности, как обыкновенно бывает в Англии, могут быть доставлены разными друзьями: один возьмется доставить облачение, другой богослужebные книги, третий священные сосуды для евхаристии и проч[ее]. Это, как я сказал, часто делается, когда в Англии строится протестантская церковь, и русские друзья удобно могли бы последовать этому примеру в настоящем, совсем особенном случае.

2) Теперь я должен сказать несколько слов о себе самом, предполагаемом проповеднике, хотя эта часть моего объяснения гораздо менее приятна, чем описание здания. В русском журнале *Духовная Беседа* за 1858 год была напечатана подробная записка, составленная мною по запросу Святейшего Синода, в коей я изложил причины, побудившие меня оставить протестантство и избрать православие в предпочтении римской церкви. Не стану повторять богословские пункты, разбираемые в этой записке, потому что желающие знать их могут сами прочесть ее, и упомяну только об одном из факторов, приведенных в этой записке. Когда в моей юности я предполагал сделаться протестантским пастором в одно время с моим зятем, то хотя я пользовался расположением вождя так называемой Высокой Церкви, док-

тора Пьюзея, и мог иметь надежду на повышение, я предпочел пожертвовать всем для истины, и между тем как мой зять, будучи пастором протестантской церкви, занимает видное место, я был принужден оставаться в неизвестности. Теперь я решился выйти из этой неизвестности, к чему меня многое побуждает: во-первых, моя совесть, которая не позволяет мне более молчать о том, что я знаю и ценю так высоко; во-вторых, мысль о соединении церквей, которая хотя, по-видимому, не имеет опоры, может при должном направлении повести к усилению влияния нашей православной церкви в Англии, и, в-третьих, прямое приглашение 20 лиц, подписавших вышеупомянутое прошение. Если вспомнить, что само христианство некогда ограничивалось двенадцатью лицами, то нам не должно отчаиваться или пренебрегать усилиями двадцати человек. Для сведения друзей я вкратце расскажу некоторые обстоятельства, не упомянутые в *Духовной Беседе*. Я родился в 1827 году. Будучи в школе, в 1837 году, я прочел в одной классной книге рассказ о русской церкви, ее истории, ее учении, дисциплине и проч. По картинам я познакомился с одеждой священнослужителей, епископов и монахов, с церквями и их устройством, но более всего с удивительною историею Св[ятого] Сергия и Троицкой Лавры. Это раннее чтение глубоко запало мне в душу, и до сих пор, 32 года спустя, я еще свято храню сию книгу. Постепенно, становясь старше, я приобретал более сведений и совершенно проникся православием, хотя никогда не видал ни одного русского или грека. Это заставило меня отказаться в 1851 году от протестантского посвящения, хотя, как уже сказано, я пользовался приязнью доктора Пьюзея и до сих пор сохраняю его письмо, свидетельствующее о том. Это же побудило меня в 1853 году принять сторону восточных христиан, и между тем как мои соотечественники горячились на защиту неверных турок, я старался брошюрами, корреспонденциями в газетах, публичными речами и другими средствами остановить поток общественного мнения. Но общественное мнение было слишком сильно, и последовала война. Тогда, так как я не мог более говорить, я решился действовать и еще до окончания войны присоединился к святой православной церкви и тем дал лучшее доказательство, что все, что я прежде говорил или писал против турок, было делом религиозного убеждения. По окончании войны в 1856 году я старался различными путями просветить моих соотечественников относительно нашей церкви и с этой целью издал несколько книг, в особенности *Литургии Св[ятого] Иоанна Златоустаго* и *Св[ятого] Василия*, а также полный сборник церковных песнопений с греческою и русскою музыкой. Но эти усилия, как не приятны они, не удовлетворяют меня. Я желаю обращаться прямо к сердцам людей, а не к одним их мыслям. И хотя я не дерзал действовать иначе как частным образом, Господь Бог уже благословил плодами мои труды. В прошедшем мае месяце один англичанин, которого я учил, был принят в нашу церковь, и еще семь человек ожидают только устройства нашего небольшого храма, чтоб объявить себя верующими. Следует ли пренебрегать ныне малыми вещами? Боже сохрани! Россия имеет теперь удобный случай доказать, что она любит даже своих врагов, как то заповедал Иисус Христос, и враги эти, когда они будут православными, станут ее друзьями, так что ее любовь наверное найдет ответ. И за каждую чашу воды, которую она, таким образом, даст скромному ученику ее церкви, она получит в последний великий день благое воздаяние.

Сие сотворили есте *Мене* ради. *Стефан Георгиевич Гаферлей* (Hatherly) живущий в Вульвергамптоне, близ Бэрмингама. 22-го (10-го) июля 1869 года».

Приложение № 16

Еще в ноябре 1828 года 19-ть лучших выпускников Петербургского (С. Куторга, М. Куторга, В. Лапшин, П. Колмыков, А. Чивилев), Московского (И. О. Шиховской, П. Я. Корнух-Троцкий, Г. И. Сокольский, П. Г. Редкин, Н. И. Пирогов), Казанского (Н. Скандовский, Д. Крюков), Харьковского (П. Котельников, Ф. Иноземцев, А. М. Филомафитский), Виленского (А. Валицкий, И. Ивановский, А. Мухлинский) и Дерптского (М. Лунин) университетов были собраны в Дерпте, где проходили обучение в течение 4-х лет вместо 3-х планировавшихся. Продление сроков пребывания в Дерпте было вызвано нежеланием властей отправить воспитанников Профессорского института за границу в 1831 году в связи с революционными событиями в Европе: «...ныне, — утверждал Николай I в мае 1831-го, — не время посылать в чужие края даже под надзором. Оставить в Дерпте»*. Однако через год, в октябре 1832-го, император утвердил доклад министра народного просвещения К. А. Ливена о направлении всех воспитанников в Берлин в тамошний университет**. В прочие учебные центры — не только других стран (Англии, Франции, Швейцарии), но и собственно германские (Геттинген, Тюбинген, Дрезден, Галле, Лейпциг, Гейдельберг, Иену, Вюрцбург), «сделавшиеся с некоторого времени театром всякого рода неустойств и где молодые люди почерпают понятия, противные религии, и правила разрушительные»***, было решено не посылать.

В феврале 1833 года К. А. Ливен представил императору записку о дозволении помимо собственно студентов Профессорского института послать в Берлин еще несколько человек: «...явились теперь трое молодых людей с отличными способностями и похвальною нравственностью, — сообщал он Николаю I, — кои просят сделать им милость доставлением возможности также пробывать в Берлине два года, обязуясь по истечении сего срока посвятить себя служению в наших высших учебных заведениях. Два из них получили степень кандидата, Порошин по политическим наукам в Дерптском университете, а Печерин по части филологии в С.Петербургском университете, а третий Генних ... Всех сих молодых людей я неоднократно видел и, сверх того, получил также от людей, на коих можно полагаться, отличные о них засвидетельствования...»****. Столь высокие «засвидетельствования» В. С. Печерину представили, несомненно, Ф. Б. Грефе и С. С. Уваров. 17-го февраля Николай I одобрил предложение министра****, а уже 20-го все трое дали следующее обязательство: «Мы, нижеподписавшиеся, чувствуя в полной мере оказанное нам благодеяние Правительством, доставившим средства на содержание себя в течение двух лет в Берлине для окончательного образования в тамошнем университете, по истечении сего срока обязуемся немедленно возвратиться в Россию и прослужить не менее двенадцати лет по учебной части в высших учебных заведениях по распоряжению Министерства Народного Просвещения»*****.

24 февраля К. А. Ливен обратился к попечителю Петербургского учебного округа К. М. Бороздину с просьбой распорядиться об увольнении В. С. Пече-

* РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 669. Л. 18, 22.

** Там же. Л. 42 – 43 об.

*** Там же. Л. 5.

**** Там же. Л. 93 об. – 94 об.

***** Там же. Л. 92.

***** Там же. Л. 97.

рина «от занимаемых им ныне должностей»*, что тот и исполнил**. 27 февраля В. С. Печерин получил 2650 руб. ассигнациями на проезд до Берлина и годовое там пребывание***, а 4 марта заграничный паспорт за № 2412****. 7-го марта он покинул Петербург.

Материалы публикуются впервые.

Приложение № 17

Об отношениях воспитанников Профессорского института с Ф. Кранихфельдом.

Ф. Кранихфельд, слишком широко и буквально восприняв инструкции С. С. Уварова, попытался установить всеобъемлющий контроль над обучением и частной жизнью воспитанников Профессорского института, чем вызвал их активное недовольство. Для начала он намеревался «всех мне доверенных молодых людей пристроить к благонадежным и знакомым мне семействам»; однако «по недостатку времени» сделать этого не сумел, почему «большая часть живет в семействах, мне неизвестных, — доносил он в 1833 году С. С. Уварову, — но о которых вообще ничего худого не известно». Далее он попытался заставить русских студентов не позднее 10 часов вечера ложиться спать, «ибо если они 2-мя, 3-мя и 4-мя часами сну предадутся позже, то, не выспавшись хорошо, должны будут усталые приходить на лекции и не будут в состоянии выполнить предобеденных дел своих с должною бодростью»****. С этой целью он начал «тайно выведывать у хозяев наших квартир о часе ежедневного возвращения домой, о времени отхождения ко сну и пр[очее], чем поставил нас, — жаловался один из воспитанников — Крюков — С. С. Уварову в письме от 30 декабря 1833 года, — в весьма неприятное и жалкое положение... г[осподи]н профессор, не имея к тому никакого повода, требовал от моих хозяев, чтобы они не давали мне особенного ключа от внешних дверей, которые в Берлине обыкновенно запираются в десять часов»*****; «...я чувствую себя, — продолжал Крюков, — глубоко оскорбленным поведением со мною г[осподин]а профессора Кранихфельда, неприличным ни моему возрасту, ни званию, приобретенному мною в одном из отечественных университетов»*****. Об этой истории годы спустя в «Дневнике старого врача» вспоминал Н. И. Пирогов*****. Ф. Кранихфельд запрещал им также «обедать в ресторациях людей низшего класса»*****, заставлял их в обязательном порядке посещать его лекции по гигиене*****, которые, по признанию Н. И. Пирогова, «даже для того времени, когда еще сильно господствовали в умах разные философские бредни, считались допотопными»*****. Наконец, ему пришла

* Там же. Л. 101.

** Там же. Л. 106.

*** Там же. Л. 96, 103, 105.

**** Там же. Л. 109.

***** Там же. Д. 675. Л. 59.

***** Там же. Л. 87 – 87 об.

***** Там же. Л. 87 об.

***** Пирогов Н. И. Собр. соч. Т. 8. М. 1962. С. 275.

***** РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 675. Л. 62.

***** Там же. Л. 88.

***** Пирогов Н. И. Указ. соч. С. 275.

в голову мысль, что если русские студенты «не могут быть собраны в одно заведение, то их взаимный друг за другом надзор был бы весьма действителен... я им объявил мою мысль, — писал он С. С. Уварову, — а именно: чтобы мною избранные из среды их два воспитанника надзирали над прочими, и они обязались уведомлять меня о всем том, что против данной инструкции прочими воспитанниками учинено будет. В следующий месяц очерредовались бы двое других и так по порядку доставалось бы каждому из них брать на себя сию обязанность. Всем, особенно же старшими, была принята мысль сия с одобрением, хотя многие объявили охотное желание быть надзираемы другими, нежели брать сию обязанность на себя; но вообще мысль взаимного надзора была ими одобрена. После некоторых рассуждений и совещаний они, наконец, согласились на взаимный друг над другом надзор; и что всегда один из них мне будет давать знать обо всем, что противу закона учинено будет; на всякий же случай они хотели выбрать из среды себя одного, который бы каждые две недели мне сообщал подробности их внутренней жизни»*. Однако, несмотря на уверения Ф. Кранихфельда, студенты не хотели шпионить друг за другом, как и еженедельно, по воскресеньям, посещать его домашние вечерние собрания. Одно из них, самое первое, прекрасно описал Н. И. Пирогов: «Первым делом Кранихфельда было приглашение нас к нему на чай. Мы нашли у него за чайным обществом, кроме жены, трех или четырех дам и еще двух или трех пожилых господ. Тут из разговоров мы узнали, что Кранихфельд придерживается гомеопатии ... Поговорив, напившись чаю,... мы принялись, по предложению Кранихфельда, за пение псалмов; нам роздали какие-то брошюрки, одна из дам села за фортепиано, и все начали подпевать, кто как умел. Это занятие, с некоторыми паузами, продолжалось без малого часа два и стало нам прискучивать, но делать было нечего, — пришлось оставаться до конца. Наконец, мы распростились, с твердым намерением не приходить более на чай к Кранихфельду»**. Ф. Кранихфельд же, наоборот, считал подобные встречи весьма полезными для русских воспитанников и потому даже просил С. С. Уварова вменить их студентам в обязанность***, но министр счел это требование чрезмерным****.

В январе 1834 года С. С. Уваров был вынужден признать, что полученные им от Ф. Кранихфельда и некоторых студентов донесения «ясно показывают возникшее между первым и последними несогласие»****. Будучи этим явно раздосадован, он, тем не менее, принял сторону студентов. Возможно, в том действительно не последнюю роль сыграло письмо В. С. Печерина Ф. Б. Грефе, текст которого, к сожалению, обнаружить не удалось. Однако доподлинно известно, что в официальной переписке с Ф. Кранихфельдом, касаясь данного конфликта и защищая воспитанников Профессорского института, министр, не выделяя никого персонально, упомянул только одну фамилию — В. С. Печерина. 16 января 1834 года он писал (а в сущности выговаривал) Ф. Кранихфельду: «...мне весьма трудно также знать, не были ли Вы увлечены похвальным, впрочем, усердием в исполнении Вашей обязанности и не требовали более, сколько надлежало, от сих молодых людей, большую часть которых я знаю с хорошей стороны; также имели ли Вы в виду, что сии молодые

* РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 675. Л. 59 – 59 об.

** Пирогов Н. И. Указ. соч. С. 274.

*** РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 675. Л. 3 об.

**** Там же. Л. 77 об.

***** Там же. Д. 669. Л. 150 об.

люди уже пользовались *здесь* совершенною свободою и что некоторые из них, как-то г[осподи]н Печерин, исправляли должность учителя в наших заведениях* . Тогда же С. С. Уваров принял решение отказаться от услуг Ф. Кранихфельда. 24 января 1834 года он попросил А. П. Мансурова «в столь затруднительных обстоятельствах» принять на себя миссию наблюдения за студентами** . 8 февраля А. П. Мансуров дал согласие*** , а 21-го С. С. Уваров, получив одобрение императора, уведомил Ф. Кранихфельда о его увольнении**** .
Материалы публикуются впервые.

Приложение № 18

Письмо В. С. Печерина Ф. В. Чижову от 18 июля 1837 года.

«Твое последнее письмо было от 23 ноября 1836 — теперь 18 июля — семь месяцев! O quando ego te adspiciam?*****

Где та башня, на которой
Нам пробьет свиданья час?
И какие звезды будут
С высоты глядеть на нас?
Мореходец дерзновенный,
Наудачу я пустил
Мой челнок на сине море
Без компаса и ветрил.
Но и в ведро и в ненастье
Неразлучная всегда
Путеводная сияет
Мне бессмертия звезда!

Не знаю, получил ли ты мое письмо от 2-го июня, оно было франкировано, там также была речь о звездах и, между прочим, и о деньгах.

Принимая в уважение, 1) что в вышеупомянутом письме от 23 ноября 1836 значится следующее: «имеешь право, если он пришлет деньги, получить от меня 100 руб[лей] и еще кое-какие мелочи из Анциклопедического Лексикона», 2) что в письме из Одессы от 5 февраля 1836 сказано: «мы послали уже деньги г[осподину] Чижову» и, сверх того, соображая настоящие потребности и нужды, происшедшие преимущественно от непреложной надежды на получение вышеозначенной суммы, мы определили обратиться письменно со вторичною просьбою о высылке оных денег, прося вышеозначенного г[осподина] Чижова адресовать вексель на Париж на имя г[осподина] Печерина, а письмо с векселем отправить к г[осподину] Артеру по нижеприложенному адресу. Далее определяем письмо сие не франкировать по той причине, что франкированные письма иногда теряются и вообще об оных меньшее прилагается попечение, нежели о тех, кои имеют быть заплачены при получении.

* Там же. Д. 675. Л. 97 — 97 об.

** Там же. Д. 669. Л. 150 — 150 об.

*** Там же. Л. 153 — 153 об.

**** Там же. Л. 157.

***** О, когда я тебя вновь увижу — лат. Неточная цитата из Горация. Верно: o rus, quando ego te aspiciam.

On écrit des bêtises, faute de pouvoir écrire mieux. On jette des phrases banales, faute de pouvoir dire ce qu'on pense, ce qu'on sent, ce qu'on souffre. O martyr!*

Не знаю, какими молитвами тебя умолять, чтобы ты написал ко мне несколько строчек. Не забудь, что ты один... Я не окончу фразы, потому что боюсь сказать сентиментальную пошлость. Если ты получил франкированное письмо, подумай серьезно о том, что я тебе писал. Тут вопрос очень простой: *быть или не быть?* To be or not to be?**.

Или нам суждено умереть, оставивши после себя неразгаданную загадку нашей жизни? Quis? Quid? Ubi? Quibus auxiliis? Cur? Quomodo? Quando?***. Спроси Жебара, как он об этом думает.

Солнце жизни закатилось для нас навсегда, невозвратно. Взошла бледная луна, и тихое сияние ее призывает нас мыслить и действовать. Должно решиться однажды навсегда сказать «Катона гордое прости» всем радостям жизни. Аще кто возлюбит мир сей паче мене, несть достоин мене****.

Saluez de ma part seux qui ne m'ont pas encore oublié pour qui le coq n'a pas chanté trois fois*****.

Adresse: Mr. Henri Arter, maître de musique à Zurich pour remettre à mr. le professeur.

Печерин».

ОРРГБ. Ф. 332 (Ф. В. Чижов). Картон 45. Ед. хр. 10. ЛЛ. 15–16.

Опубликовано: Местергази Е. Г. Теоретические аспекты изучения биографии писателя (В.С. Печерин). М. 2007. С. 125–127.

Приложение № 19

Письмо В. С. Печерина Ф. В. Чижову от 26 июня 1840 года.

«Снова слышу: голос милый
Песнь знакомую поет,
И, как Лазарь из могилы,
Тень минувшего встает».

Voilà l'effet que m'a fait ta chère lettre. Pardonne-moi, si je t'écris encore une fois en français: je m'y suis trop habitué.

Tu as vieilli, mon bon ami! ton écriture même a changé: elle est devenue plus calme, plus rangée; mais le cœur reste toujours jeune le cœur seul est impérissable!

Le ton de ma lettre t'as paru étrange, dis-tu? Eh! mon ami, ne sais-tu donc pas que dans ces quatre années j'ai fait un cours d'études bien plus solide qu'on ne le fait dans les universités et sous un maître bien plus dur et bien plus sévère que ne le sont vos élégants

* Пишут глупости потому, что не могут писать лучше. И бросают банальные фразы из-за того, что не могут сказать, что думают, что чувствуют, что переживают. О, мучение! — фр.

** Быть или не быть — англ.

*** Кто? Что? Где? С чьей помощью? Для чего? Каким образом? Когда? — лат.

**** Сравни: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня». Евангелие от Матфея, X. 37–38.

***** Передайте привет всем тем, кто меня еще помнит, для кого петух не пропел трижды — фр.

professeurs? Et toi-même n'as tu pas encore reconnu le néant du monde, de ses plaisirs empoisonnés, de ses frivoles amours, de ses petites ambitions politiques ou littéraires? La science ne t-a-t-elle pas dit son dernier mot? N'a-t-elle pas porté témoignage contre elle-même en se déclarant nulle et insuffisante à nous donner le bonheur et la paix de l'âme? Eh! crois moi, mon ami! Dans une note d'orgue accompagné de plain chant, dans la fumée de l'encens qui s'élève vers le ciel en traversant un rayon du soleil, dans une adorable image de la Vierge il y a plus de vérité, plus de philosophie, plus de poésie que dans tout ce fatras de systèmes politiques, philosophiques, littéraires qui changent maintenant tous les jours comme un journal de modes et qui finissent toujours par tomber dans le domaine du ridicule. L'histoire des dix dernières années nous a donné de graves et salutaires leçons. Hommes et systèmes tout a croulé; les entreprises les plus éclatantes ont fait une honteuse faillite; et des quatre coins du monde il me semble entendre une voix solennelle qui nous crie: L'homme n'est rien; Dieu seul est grand! Et de tous les points du globe s'élèvent des voix gémissantes qui redemandent à graves cris le bien qu'on leur a ravi, le trésor inappréciable de la religion, que des charlatans décorés du nom de philosophes ont tenté d'enlever par surprise à l'humanité souffrante. Nous sommes à la veille d'une grande transformation de l'opinion publique. Les symptômes en sont évidents même dans les productions les plus légères de la littérature. Le siècle devient sérieux; les plaisanteries voltairiennes ne sont plus admises dans la bonne société: on les laisse aux mieux gentillâtres de province, aux cabarets et aux corps de gardes. Oui, le moment approche où l'Eglise s'élèvera triomphante sur les ruines des systèmes soi-disant philosophiques: les flots du monde se briseront impuissants contre le rochers de Pierre. Mais tu ne vois pas encore où j'en veux venir... je garde encore silence sur mes résolutions ultérieures, jusqu'à ce que j'ai reçu une lettre de mon cousin.

Tu es souffrant, mon pauvre ami! Mais, égoïste que je suis, je n'ai pu m'empêcher de me réjouir de ton voyage prochain en Italie...Car...ne me serait-il pas permis de te voir, de t'embrasser encore une fois avant que les portes de l'éternelle solitude ne se ferment pour toujours sur moi? Combien de choses n'aurais-je pas à te dire, qui ne se laissent pas écrire? En allant en Italie, fais en sorte de passer par la Belgique, viens à Liège (*текст поврежден — С. Ч.*) c'est là que commence le chemin de fer; (*текст поврежден — С. Ч.*) là aussi que je voudrais fixer le lieu de notre rendez vous par des raisons que tu sauras (*текст поврежден — С. Ч.*).

Ta lettre ne m'a rien appris sur les choses qu'il m'importait le plus de savoir... Oh ma mère! ma mère! C'est là un crime qui demande toute une vie d'expiation... Ecris moi au plus vite et fixe moi la date de ton départ. Pour que notre correspondance soit plus rapide, j'aime mieux te donner l'adresse ci-dessous.

Wladimir.

Monsieur Fourdrin aîné professeur Pont des Jésuites № 68 à Liège Belgique (pour remettre chez veuve Joiris).

Перевод

Вот действие, которое произвело на меня твое любезное письмо. Извини, что снова пишу тебе по-французски. Я очень к этому привык.

Ты постарел, мой добрый друг! Твой почерк даже изменился: он сделался более спокойным, более аккуратным; но сердце остается всегда молодым, только сердце не увядает.

Тон моего письма показался тебе странным, говоришь ты? Но, видишь ли, мой друг, что за четыре года я прошел курс обучения гораздо более солидный, нежели учеба в университетах, и под руководством наставника гораздо более жесткого и строгого, коими не являются наши обходительные профессора? А ты сам, не признал ли ты еще ничтожность мира, его отравленных удовольствий, его пустой любви, мелких политических или литературных амбиций? И не сказала ли тебе наука свое последнее слово? Не дала ли она тебе свидетельство против самой себя, заявляя, что она бесполезна и недостаточна, чтобы дать нам счастье и мир в душе. О, верь мне, друг мой! В звучании органа, которое сопровождается ровным пением, в дымке фимиама, которая поднимается в небо, пересекая луч солнца, в восхитительном образе Богородицы есть больше правды, больше философии, больше поэзии, чем во всей этой груде политических, философских, литературных систем, которые меняются теперь каждый день как журнал мод и которые, в конечном счете, всегда становятся посмешищем. История последних десяти лет дала нам серьезные и спасительные уроки. Люди, системы, все обрушилось, самые блестящие предприятия претерпели позорный крах; и мне кажется, что я слышу с четырех сторон света торжественный голос, обращенный к нам: Человек ничто; один Бог велик! И со всех концов земли раздаются жалобные голоса, которые снова просят, громко крича, блага, которого их лишили, неопределимого сокровища религии, которое шарлатаны, названные философами, попытались отнять у страдающего человечества. Мы находимся в преддверии большого изменения общественного мнения. Симптомы этого видны даже в самых несерьезных литературных произведениях. Век становится серьезным; вольтеровские шутки не приняты более в приличном обществе; их оставляют старым провинциальным дворянчикам, завсегдашним кабакам и гвардейцам. Да, приближается момент, когда Церковь триумфально возвысится над обломками так называемых философских систем: мировой поток бессильно разобьется о скалы Петра. Ты еще не понимаешь, к чему я клоню ... я пока молчу о моих последующих решениях, пока не получу письма от моего кузена.

Ты болен, мой бедный друг! Но каким бы эгоистом я бы не был, я очень рад твоему будущему путешествию в Италию, поскольку мне, вероятно, будет позволено увидеть тебя, обнять тебя еще раз до того, как не закроются навсегда за мной двери вечного уединения. Как много я смог бы тебе сказать, чего не напишешь. Направляясь в Италию, устрой так, чтобы проехать через Бельгию, приезжай в Льеж, именно там начинается последний путь, именно там я хотел бы назначить место нашей встречи по причинам, которые ты узнаешь...

В твоём письме нет ничего о тех вещах, о которых мне очень надо было узнать. О, моя мать, моя мать! Именно это является преступлением, на искупление которого потребуется целая жизнь. Напиши мне как можно быстрее и сообщи дату своего отъезда. Для быстроты нашей переписки я хочу тебе дать этот адрес.

Владимир.

Г-н Фурдрэн-старший, профессор Pont des Jésuites № 68 Льеж, Бельгия (для передачи вдове Жоарис)».

ОРРГБ. Ф. 332 (Ф. В. Чижев). Картон 15. Ед. хр. 10. ЛЛ. 19–20.

Опубликовано: Местергази Е. Г. Теоретические аспекты изучения биографии писателя (В. С. Печерин). М. 2007. С. 129–131.

Приложение № 20

Письма В. С. Печерина Ф. В. Чижев 1836 года из Лугано.

I. Первое письмо отправлено из Лугано и датировано 28 октября (9 ноября).

“Mon cher Théodore. Si vous voulez me sauver d'un grand malheur, au nom de dieu, envoyez moi par le premier courrier 500 Rbls, si vous pouvez, si non, au moins 300 Rbls; quoique j'avoue que 500 me sont tout à fait indispensable. Je vous envoie ci-joint une quittance sur mon père où j'ai laissé une place vide pour mettre la somme que vous voudrez bien m'envoyer. Vous pouvez être sûr que mon père ne se refusera pas à payer cette dette, surtout quand je lui écrirai que je suis réduit à l'extrémité. Faites vous donner par Mr. Stiglitz une lettre de change en francs de France sur un bon banquier de Paris (c'est plus sûr), à l'ordre de Wladimir Petsherin. Au nom de dieu secouez moi. Mais cela vous est entièrement impossible — ce que je ne pense pas — au moins répondez moi par le premier courrier, le même jour s'il se peut. Du reste, cette affaire doit pour le moment, rester entre nous deux: vous enverrez tout de suite ma quittance à mon père, sans dire un mot à personne de la lettre que vous avez reçu de moi. Adressez votre réponse à Mr. Petcherin à Lugano (en Suisse) dans la maison de Mr. Compagnola. Je vous donnerai plus tard des explications plus détaillées, quand j'aurai l'esprit plus tranquille. Adieu! J'attends tout de votre amitié.

Votre Waldemar.

Il me paraît qu'on me dit encore quelque chose pour les articles du dictionnaire encyclopédique: vous en disposerez comme vous voudrez”.

РГАДА. Ф. 1278 (Строгановы). Оп. 1. Ед. хр. 216. Л. 4.

Публикуется впервые.

Перевод

«Мой дорогой Федор. Если вы хотите спасти меня от большого несчастья, то, бога ради, пошлите мне первой почтой 500 руб[лей], если сможете, если нет, то хотя бы 300 руб[лей], хотя я должен признаться, что мне совершенно необходимо иметь 500 рублей. С этим письмом я вам посылаю расписку на моего отца, где я оставил пустое место, чтобы поставить сумму, которую вы сможете мне отправить. Будьте уверены, что мой отец не откажется выплатить этот долг, особенно когда я ему напишу, что дошел до крайности. Передайте через г[осподи] на Штиглица* переводной вексель во французских франках на хорошего банкира в Париже (так надежнее) на Владимира Печерина. Бога ради, помогите мне. Но если это совершенно невозможно, чего я не думаю, по крайней мере, ответьте мне первой почтой в тот же день, если это возможно. Впрочем, это дело должно остаться между нами: отправьте тотчас расписку моему отцу, ничего никому не говоря о письме, полученному от меня. Напишите ответ на имя г[осподи]на Печерина в Лугано (Швейцария) в дом г[осподи]на Компаньола. Позднее, когда на душе у меня будет покой, я дам вам подробные объяснения. Прощайте! Я надеюсь на вашу дружбу.

Ваш Вальдемар».

* Александр Людвигович Штиглиц (1814–1884), барон, действительный тайный советник, известный петербургский банкир.

II. Второе письмо отправлено оттуда же 4 (16) ноября.

“Il y a huit jours que je vous ai écrit, mon cher Théodore. Je vous écris encore une fois aujourd’hui. Ma triste position m’oblige de prendre cette précaution, supposant le cas possible que ma lettre de 9 Nov. soit perdue, au moins celui –ci vous parviendra et vous apprendra la crise où je me trouve. Voilà le contenu de ma lettre du 9 Nov.: “Je suis au désespoir, j’ai besoin d’argent: il ne m’en reste que pour 2 jours tout au plus, j’ai besoin de 500 Rbls ou au moins 300, mais plutôt 500, car j’ai une petite dette. J’ai été obligé d’engager ma montre, ma pauvre montre. Je vous ai envoyé dans ma lettre du 9 Nov. ma quittance sur mon père: il faut l’envoyer à Odessa à Mr. Le Colonel un tel (le nom et le prénom se trouve dans la quittance). La lettre de change doit être en francs de France sur un banquier de Paris pour Mr. Petscherin. Si vous avez reçu ma première lettre et si l’argent est déjà envoyé, je vous en remercie d’avance et vous n’avez plus besoin de répondre à celle-ci, car je partirai tout de suite après avoir reçu l’argent. Si vous n’avez pas encore envoyé – envoyez tout de suite, mon cher, le même jour s’il se peut. Vous pourrez toujours en trouver. Faites votre possible. Faites l’impossible, car pour l’amitié comme pour la providence, rien n’est impossible. Adressez à Mr. Pecerin à Lugano (en Suisse) dans la maison de Mr. Compagnola.

Nous nous verrons peut-être dans les circonstances plus favorables. Je vous écrirai plus en détail quand j’aurai l’esprit libre de ses misères. Adieu! J’attends avec impatience votre lettre.

Votre Waldemar”.

РГАДА. Ф. 1278 (Строгановы). Оп. 1. Ед. хр. 216. Л. 4 об.
Публикуется впервые.

Перевод

«Вот уже прошла неделя, как я вам написал, дорогой мой Федор. Сегодня пишу вам снова. Мое печальное положение обязывает меня принять меры предосторожности, предполагая, что могло случиться, что мое письмо от 9 ноября потерялось, и тогда это письмо дойдет до вас и поведает вам, что я нахожусь в критическом положении. Вот содержание моего письма от 9 ноября: «Я в отчаянии, мне нужны деньги: мне их хватит всего на 2 дня, мне нужно 500 руб[лей] или, по крайней мере, 300, но лучше 500, так как у меня небольшой долг. Я был вынужден заложить мои часы, мои бедные часы. В письме от 9 ноября я вам отправил расписку на моего отца: надо ее отправить в Одессу на некоего г[осподи]на полковника (фамилия и имя отца есть в расписке). Переводной вексель должен быть во французских франках на парижского банкира для г[осподи]на Печерина. Если вы получили мое первое письмо и деньги уже отправлены, я вас заранее благодарю за это, и нет нужды отвечать на это письмо, поскольку, как я только получу деньги, я сразу же уеду. Если же вы еще не отправили – отправьте немедленно, дорогой мой, в тот же день, если это возможно. Вы же сможете всегда достать денег. Сделайте все возможное. Сделайте и невозможное, ибо как для дружбы, так и для Провидения нет ничего невозможного.

Пишите на имя г[осподи]на Печерина в Лугано (Швейцария) в дом г[осподи]на Компаньола. Позднее, когда душа моя освободится от невзгод, я вам напишу более подробно. Прощайте! Я с нетерпением жду вашего письма.

Ваш Вальдемар».

III Третье письмо написано в Лугано 9 (21) декабря.

“Cher Théodore! Je ne sais si tu as reçu mes deux lettres datées du 9 et du 16 Novembre (nouveau style). En attendant, j’ai atteint le plus haut degré de la misère et j’en ai goûté toute la poésie. Mon cher! Il me faut absolument 500 Rbls.: il faut remuer le ciel et la terre pour me les faire parvenir. Je t’ai envoyé (dans ma lettre du 9 Nov.) une quittance sur mon père. Si tu ne l’as pas reçu, je t’en enverrai une autre. Sois sûr que mon père te payera cette somme surtout si tu lui écris que tu m’as secouru dans une grande adversité. Mon cher ami! Le malheur a aussi des consolations sublimes. Ma triste position m’a fait connaître les hommes — et je les ai trouvé — grâce à la providence beaucoup meilleurs, que nous ne le croyons, nous qui avons calomnié si souvent l’humanité dans notre vie indolente et oisive, au sein d’une société dépravée. J’ai trouvé des êtres généreux qui m’ont prodigué tous les secours possibles à moi, un étranger, qu’ils ne connaissaient que depuis deux mois. Avec une noble confiance, ils m’ont proposé de l’argent, sans que je le leur ai demandé. Et qui sont ces hommes? Sont ce des gens riches et heureux? Non! Ce sont des malheureux...

Ainsi, si tu n’a pas reçu mes deux lettres, hâte toi, mon cher, de m’envoyer de l’argent. Il faut adresser: à Mr. Pecerin à Lugano (en Suisse). Dans le cas que tu aie déjà envoyé l’argent, tu feras toujours bien de me répondre à cette lettre. Adieu! J’attends tout de ton amitié.

Ton ami”.

ОР РГБ.Ф. 332 (Ф. В. Чижов) Картон 45. Ед. хр. 10. Л. 11 – 11 об.

Опубликовано: Местергази Е. Г. Теоретические аспекты изучения биографии писателя (В. С. Печерин). М., 2007. С. 122–123.

Перевод

«Дорогой Федор! Я не знаю, получил ли ты от меня два моих письма от 9 и 16 ноября (новый стиль). Ожидая, я дошел до самой высокой степени нищеты и вкусил всю ее поэзию. Дорогой мой! Мне совершенно необходимы 500 руб[лей]: надо перевернуть небо и землю, чтобы я смог их получить. Я тебе послал (в моем письме от 9 ноября) расписку на моего отца. Если ты ее не получил, то я отправлю тебе еще одну. Будь уверен, что мой отец выплатит тебе эту сумму, особенно если ты ему напишешь, что ты мне помог в большой беде. Мой дорогой друг! Несчастье имеет также возвышенные утешения. Мое бедственное положение познакомило меня с людьми — и я нашел их благодаря Провидению гораздо лучшими, чем мы думали, мы, столь часто клеветавшие на человечество в нашей апатичной и праздной жизни, в развращенном обществе. Я нашел благородные существа, которые щедро отдали мне все, что могли, мне, иностранцу, которого они знали лишь два месяца. С благородным доверием они предложили мне денег, и я их об этом не просил. Кто же они — эти люди? Они богаты и счастливы? Нет! Они несчастны...

Итак, если ты не получил два моих письма, поспеши, дорогой мой, послать мне денег. Надо писать на имя г[осподи]на Печерина в Лугано (Швейцария). В случае, если ты уже отправил деньги, будет славно, если ты ответишь на это письмо. Прощай! Я рассчитываю на твою дружбу.

Твой друг».

IV. 15 (27) декабря В. С. Печерин написал Ф. В. Чижову четвертое письмо, на этот раз уже по-русски.

«Наконец я на всех языках буду вопиять к тебе, любезный Чижов! Ты, верно, не получил моих писем из Италии, в противном случае ты не оставил бы меня без ответа. Мои денежные обстоятельства так перепутаны, что мне необходимо нужно 500 рублей. Ты легко можешь достать эту сумму и прислать мне. Я посылаю при этом письмо к моим родителям, которое ты перешлешь к ним в Одессу. Оно послужит вместо расписки. Если ты не получил моих писем из Лугано и не отправил туда денег, то отвечай мне сию же минуту и пришли сколько можешь, хоть 300, хоть 200 рублей, если никак невозможно больше. Возьми вексель у Штиглица на какой-нибудь город Швейцарии и à l'ordre de Mr. Wladimir Petcherine. Мой адрес: Monsieur Pecerin, à Zürich (en Suisse), Gasthof zum Schiffe. Прощай, душенька Чижов! Когда получишь деньги, напиши к тебе больше. Теперь я слишком расстроен.

Твой Печерин»

ОР РГБ. Ф. 332 (Ф. В. Чижов). Картон 45. Ед. хр. 10. Л. 14.

Опубликовано: Местергази Е. Г. Теоретические аспекты изучения биографии писателя (В. С. Печерин). М., 2007. С. 124.

Приложение № 21

Отношение друзей к отъезду В. С. Печерина.

30 декабря 1836 года А. В. Никитенко записал в дневнике: «Был у министра. Он много говорил о Печерине, поступком которого очень огорчен, так как это действительно ставит его в затруднительное положение. Как сказать об этом государю? Кара может сначала пасть на самого министра, потом на все ученое сословие, а наконец, и на систему отправления молодых людей за границу. Ведь у нас довольно одного частного случая, чтобы заподозрить целую систему, и министр боится, чтобы так не было и на этот раз»*.

В не менее сложной ситуации оказался и Ф. В. Чижов. О том, что он получил письма от В. С. Печерина, стало известно С. Г. Строганову. «Ваше Сиятельство! По прибытии моем в С.-Петербург я получил верное и новое известие о состоянии Печерина, которое по долгу совести и присяги спешу немедленно сообщить Вашему Сиятельству. На имя адъюнкта здешнего университета магистра Чижова недавно присланы два письма, одно вслед за другим, собственноручно написанные Печериным, в которых он извещает его как о месте своего пребывания, так и о крайних своих обстоятельствах. Так как в С[анкт Петер]Бурге вовсе не было известно об отношениях Печерина к Московскому университету и о безвестном его отсутствии, то г[осподин] Чижов не обратил никакого внимания на эти письма. Теперь, узнавши от меня, как отсутствие Печерина беспокоит Ваше Сиятельство и нас, его товарищей, г[осподин] Чижов по совету и убеждению моему решился частные письма Печерина прислать в подлиннике к Вашему Сиятельству, что непременно на днях и исполнит. Из самих писем Вы увидите яснее обстоятельства Печерина. При этом случае я имею честь поздравить Ваше Сиятельство с наступлением нового года и пожелать Вам всего того, чего только может желать человек, глубоко Вам преданный и обла-

* Никитенко А. В. Дневник, М. 1955. Т. 1. С. 190.

годетельствованный Вашим Высоким Покровительством. С глубочайшею преданностью и высоким почтением имею честь быть Вашего Сиятельства Милостивейшего Государя покорный Слуга Э. О. Пр[офессора] Императорского Московского Университета Никита Крылов. 1836 года декабрь 26 дня С[анкт Петер]Бург»*.

Ф. В. Чижову пришлось, в сущности, оправдываться и за письма, и за недоносительство на друга. «Ваше Сиятельство, — писал он 28 декабря 1836 года С. Г. Строганову. — Узнав от приехавшего сюда товарища моего Крылова о том, как беспокоит Вас и вообще всех членов Московского университета совершенная неизвестность о положении Печерина, долгом почитаю сообщить все то, что знаю я о нем из писем, недавно мною от него полученных. Для этого я за лучшее почел препроводить при этом копии с его писем, оставив подлинные у нашего Попечителя князя Дондукова-Корсакова. Они были первыми и последними со дня его отъезда по сие время. В первом из них я получил расписку, в которой Печерин просит своего отца заплатить мне деньги, нужные ему для возвращения его в отечество. Вписав в этой расписке сумму, мною ему посланную, 400 рублей, я отправил ее к отцу его. Может быть, он имеет подробнейшие сведения о положении сына и о причинах замедления его за границею, а потому я и прилагаю при этом его адрес: в Одессе, командующему резервною бригадою 14 пехотной дивизии г[осподину] подполковнику Сергею Пантелеевичу Печерину. С глубочайшим почтением и совершенною преданностью честь имею быть Вашего Сиятельства Милостивый Государь Покорный слуга Федор Чижов»**. Возможно, этим неловким положением, в котором он оказался и в котором еще пытался выгородить В. С. Печерина, уверяя С. Г. Строганова в якобы имеющемся у него намерении вернуться «в отечество», но в первую очередь, конечно же, принципиальным неприятием самого поступка друга объясняется резкость тона письма, посланного им В. С. Печерину предположительно 23 ноября 1836 года: «До последнего письма твоего я думал, что посланный мною билет на 450 франков будет лучшим ответом на все твои письма, теперь вижу, что я ошибался. Знаю, что я несколько не обладаю даром убеждения, но не могу не написать того, что диктуют мне чувства бескорыстной, чистой дружбы к тебе. Я ужаснулся, прочтя твои последние строки: ты, по-видимому, вовсе решился оставить Россию. Вольдемар, я не скажу ни слова о привязанности к отечеству, да и смешно бы было говорить об этом человеку, раз решившемуся оставить его, не имея на то никаких сильных причин; но я только спрошу тебя, подумал ли ты сколько-нибудь о последствиях? Если, в самом деле, ты питаешься одною надеждою на звезду твою, послушай, эта надежда хороша, когда она опирается на что-нибудь, а сама по себе не смешна в тебе потому только, что я не в состоянии смеяться тому, где вся твоя будущность на паутинной нити. Вдруг прочесть твое письмо и в нем благодарность за 450 франков, ожидание еще 100 и надежды схватить все звезды на небе, согласишься, что это пахнет Донкишотством. Будь это 40 лет назад, я бы понял, тогда небо Франции было усеяно звездами, и для каждого авантюриста их достало бы по 30 на брата, но теперь ехать в Париж с одною надеждою на звезду...прости меня, Вольдемар, этого я не понимаю. Как я ни ломаю голову, не могу понять, чтобы ты мог найти в Париже. Какое поприще можешь избрать ты, пришлец, чужой, искатель приключений, литературное? Как хочешь, я никак-таки не могу понять, как мне отдать себя на волю случая,

* РГАДА, ф. 1278 (Строгановы). Оп. 1. Ед. хр. 216. Л. 2 об.

** Там же. Л. 3–3 об.

не заготовя на этом поприсе никакой известности. А, кроме литературного, какое можешь избрать ты? Одного боюсь я и боюсь ужасно, чтоб какая-нибудь партия не выбрала бы тебя жертвою. Мир политический закрыт для тебя совершенно, ученый ты бросил ... Что если твои надежды и вера в звезду тебя обманут? Что останется тебе? Едва встретишься с нищею, ты уже бросал оружие, что же будет, если обстоятельства заставят тебя вести с нею войну продолжительную? Может быть, все ты это обдумал и все решился превозмочь, я еще тебе напомним одно. Скажи мне, как ты теперь встретишься с людьми? Признаюсь тебе, на твоём месте я, *обманув сам других*, никак бы не в состоянии был поверить ни одному чувству. Может быть, ты нехорошо понимаешь меня, я хочу тебе напомнить о Строганове, человеке, которого ты уважал, человеке, который имел полное право на твоё уважение ... и что же? Ты его просто обманул, поставил в весьма затруднительное положение. На днях я его ещё видел, и несмотря ни на то, что его подвергал неприятностям, ни на твою невежливость — ты ему не отвечал на два письма его, при которых он послал в Мюнхен и ещё куда-то к посланникам нашим 3.000 рублей, чтоб отдать их тебе, если только ты явишься к ним и вздумаешь ехать сюда — несмотря на все это Строганов и теперь ещё велел сказать тебе, что если ты вздумаешь возвратиться, он употребит все, чтоб поправить твой глупый поступок и в полной надежде поправить его и возвратит тебе твою кафедру.

После всего я тебе должен показать наши отношения: теперь мы стоим в неприятельских лагерях. Все, что мы можем иметь между нами общего, должно относиться только собственно к нам или, лучше, к тому чувству дружбы, которое может идти независимо ни от каких внешних обстоятельств. Но все, что относится к нашему положению в обществе, нам взаимно чуждо. Мне было бы чрезвычайно как приятно знать, как живет мой Вольдемар, что он иногда делает, но не больше. Ты живешь в совершенно другом мире: образ твоих мыслей, порядок вещей, понятия людей, тебя окружающих, совершенно противоположны моим понятиям и всему, меня окружающему, и потому все, что бы ты не писал ко мне, кроме самого тебя, будет мне чуждо. Этого мало. Несмотря ни на мой флегматический темперамент, ни на мою тихую жизнь, ни на мое глубокое уважение к тем правилам, в которых я воспитан и с которыми сроднился душою, переписка с тобою, выходящая из пределов нашей дружбы, может повлечь подозрения, что я разделяю с тобою чувство нелюбви к родине. А признаюсь тебе, я так люблю и родину, и людей, с которыми живу я, что мне бы очень не хотелось произвести в них и тень подозрения. Вот тебе данные, выведи из них результат, который бы не мог вредить привязанному к тебе всем сердцем Чижову»*.

Эти же мысли Ф. В. Чижов повторил в письме от 31 марта 1837 года: «На все твои письма до последнего я уже тебе ответил билетом в 450 франков, которые ты теперь же и получил, — писал он другу. — Последнее такого содержания, в ответ на которое я могу только показать тебе настоящие наши отношения. Ты перешел Рубикон, только что вступил ты на противный берег, мы же стоим в неприятельских лагерях: образ твоих мыслей, порядок вещей, понятия людей, тебя окружающих, все диаметрально противоположно обстоятельствам, в которых нахожусь я. Не принимаю на себя труда исследовать, что лучше; я привык ко всему, меня окружающему с минуты рождения; воспитанный в этих понятиях, сродняясь с этими людьми, деля

* ОРРГБ, ф. 332 (Ф. В. Чижов). Картон 10. Ед. хр. 50. Л. 1–2.

с ними все физическое и нравственное существование, я чувствую, что не могу иначе жить, как живу я. Но, живя с ними и по рассудку, и по сердцу, я должен уважать их мнение и дорожить им; перейдя Рубикон, ты сделался врагом их, вот тебе данные. Результат короток — между нами нет ничего общего, нам не о чем писать друг другу. Этим кончил, было, я письмо мое. Я думал его так и послать тебе, но мною овладело чувство, совершенно похожее на то, когда бы я видел, как бросает священник кусок земли на гроб твой. До этой минуты все как-то думаешь еще, что есть что-нибудь общего, эта земля как бы навсегда уже разлучает. Да, Печерин, смотри на мое письмо как на голос рассудка и теперь выслушай несколько слов* . На этом письмо обрывается, оно никогда не было закончено и отправлено. Общение друзей прервалось на несколько лет.

Письма Ф. В. Чижова публикуются впервые.

Приложение № 22

Письмо В. С. Печерина к С. Г. Строганову от 23 марта 1837 года.

Monsieur le Comte!

La lettre que Vous m'avez fait l'honneur de m'écrire ne m'est parvenue que le 21 de ce mois, probablement par une négligence du maître de poste de Lugano. Je m'empresse d'y réponde.

Je suis profondément touché de l'intérêt que Vous daignez me témoigner, de Vos intentions bienveillantes à mon égard, de Vos offers généreuses...Plût au Ciel que je fusse encore digne de tant de bontés!...Mais, Monsieur le Comte! mon parti est pris, mon sort est irrévocablement fixé: je ne puis plus reculer.

Une fatalité inconcevable pèse sur moi presque dès mon enfance. Je suis l'impulsion irrésistible d'une puissance mystérieuse, qui me pousse vers un but inconnu, que j'entrevois dans un avenir nébuleux, incertain, mais beau, mais brillant de l'éclat de toutes les grandeurs humaines...Voilà le mot de l'énigme!

Je veux m'expliquer franchement sur l'enchaînement des petites circonstances qui ont amené le résultat de ma position actuelle.

Bercé de douces illusions, je m'approchais, en 1835, des frontières de mon pays. Je m'arrêtai tout pensif devant la barrière, je levai les yeux, et je vis audessus cette inscription lugubre:

“Voi ch'intrate, lasciate ogni speranza!”.

Dès lors j'entrevis le le sort qui m'attendait...

Vous m'appelâtes à Moscou... Ah! Monsieur le Comte! Vous m'avez fait bien du mal, sans le vouloir! Quand je vis cette existence brutalement matérielle, quand je vis ces êtres avilis, ces hommes sans coeur, sans croyance, sans Dieu, qui ne vivent que pour amasser l'argent et pour s'engraisser comme des animaux, ces hommes, sur le front des quels on chercherait en vain l'empreinte de leur Createur, quand je vis tout cela, je fus perdu! Je me voyais condamné à passer tout ma vie au milieu de ces hommes; je me disais: Qui sait? Peut-être, le temps, l'habitude t'ameneront au même résultat. Tu seras forcé de le metre au niveau de ces hommes que tu méprises maintenant, et tu te rouleras dans la fange de leur société, et tu seras, comme eux, un bon vieux professeur gorgé d'or, de décorations et d'infâmie!

* Там же. Л. 3–3 об.

Alors un désespoir profond, une nostalgie incurable vinrent s'emparer de mon cœur. L'idée du suicide passait et repassait dans mon cerveau comme un nuage sombre... Il n'y avait que choisir les moyens. Je ne savais ce qui était mieux: ou de me brûler la cervelle, ou de me tuer lentement par le poison corrosif de la pensée...

Je m'enveloppai dans mon désespoir, je me retirai dans la solitude de mon âme et je m'associâi une compagne aussi sombre, aussi morose que je l'étais moi-même... Cette compagne, ce fut la *Haine!* Oui, je jurai une haine éternelle, irréconciliable à tout ce qui m'entourait. J'embrassai ce sentiment comme une épouse chérie. Je vivais seul avec ma haine, comme on vit avec une femme qu'on adore. Ma haine — c'était mon pain quotidien, c'était un nectar délicieux, dont je m'abreuvais à chaque moment. Quand je sortais de ma solitude pour paraître dans ce monde que je détestais, je lui montrais une figure tranquille, riante; je daignais même lui sourire... Ah! Je ne ressemblais pas mal à cet enfant de Lacédémone, qui continuait de garder une figure impassible, tandis que les griffes de l'animal caché sous sa robe lui déchiraient les entrailles.

Je me mis en opposition directe avec l'existence matérielle qui m'entourait; je commençai à mener une vie ascétique; je me nourrissais de pain et d'olives, et la nuit — j'avais des visions.

Tous les soirs, une étoile beaucoup plus brillante que les autres s'arrêtait devant ma fenêtre, en face de mon lit, et ses rayons jouaient sur ma figure. Je reconnus bien vite que c'était la même qui avait présidé à ma naissance. Elle était belle, cette étoile! Son éclat me fascinait et m'invitait à la suivre.

Pendant une de ces nuits solennelles, j'entendis la voix de mon Dieu, cette voix grave et tonnante qui fit vibrer toutes les cordes de mon cœur. Cette voix me cria: "Que fais-tu ici? Ici, il n'y a point d'avenir. Viens! quitte le pays de tes pères! Prends Ma sainte oriflamme! Prends Ma lourde croix et porte-la, s'il le faut jusque sur le Golgotha. Tu succomberas, mais ton nom sera inscrit sur le livre de la vie parmi les noms des plus grands martyrs de l'humanité!"

J'entendis cette voix, et mon parti fut pris.

En attendant, mes opinions se consolidèrent; de fluides et mobiles qu'elles étaient, elles passèrent à l'état de pétrification; elles prirent une forme âpre, rude et puritaine. Ce n'étaient plus de ces principes abstraits qu'on peut discuter froidement pour et contre. C'était une foi vive, une croyance aveugle, inflexible, fanatique, une croyance qui envoie ses fidèles mourir sur le champ de la bataille, sur les bûchers, sur les échafauds...

Bientôt, tout mon catéchisme se réduisit à cette simple expression: *La fin justifie les moyens.* Je me suis dit: *Bisogna esse volpe o leone.* On ne me permet pas d'être lion, eh bien! Soyons renard pour un moment! Trompons mes géôliers! Et malédiction sur ceux qui m'y contraignent.

Voilà mon histoire!... J'ai agi indignement envers Vous, Monsieur le Comte!... Homme noble et généreux! Combien je Vous estime et Vous aime! Je voudrais pouvoir donner ma vie pour Vous; mais... Vous n'êtes qu'un individu, et l'humanité est plus que Vous. J'ai abjuré tous les sentiments, il ne me reste que des principes. Je sers une divinité implacable. J'ai immolé sur son autel tous les liens les plus chers à l'homme: patrie, parents, amis. J'ai eu le courage de renoncer à une position sociale très avantageuse et entourée de tous les charmes d'une douce existence matérielle. Je me suis choisi volontairement une vie de misère, une vie errante, précaire, où l'on a souvent la perspective de mourir de faim...

Vous m'avez parlé de *devoir* et d'honneur, Monsieur le Comte! Mon devoir n'est-il pas d'obéir avant tout à ma conviction? Et mon honneur? — Qu'on le flétrisse si l'on veut! Que m'importe mon honneur, ma réputation, pourvu que mon principe triomphe.

Je porte dans mon coeur un pressentiment profond d'une grande destinée. Je crois à mon avenir, et j'y crois fermement, aveuglement...

Est-ce vanité de jeune homme? Est-ce ambition démesurée? Est-ce folie? Je n'en sais rien. Mon heure n'est pas venue.

La Providence ne trompe jamais. Les semences des grandes idées qu'elle jette dans notre âme sont toujours un gage certain d'une belle moisson de gloire...Gloire! Mot magique! Illusion céleste, pour laquelle je me crucifie! O Providence! Je ne Te demande qu'un jour, un seul jour de gloire, et je Te fais cadeau du reste de ma vie!

Excusez, Monsieur le Comte, l'agitation fiévreuse, le désordre, la démence de cette lettre, et — recevez mes adieux! Regardez cette lettre comme le testament d'un mourant, car je meurs pour tout ce qui m'était cher un jour. Je Vous lègue mon amour pour ces jeunes gens que le Ciel a confiés à Votre protection. Soignez bien ces belles plantes exotiques! Gardez les bien des atteintes de l'aquilon! Conservez-les pour un meilleur avenir.

Que Dieu Vous protège, Monsieur le Comte! Que Sa main toute-puissante Vous soutienne dans Votre pénible carrière! Puisse un succès brillant couronner Vos efforts généreux!

Oubliez que j'aie jamais existé et pardonnez moi! N'ai-je pas assez expié ma faute en déchirant mon pacte avec la vie et le bonheur? J'ai arraché quelques gouttes de sang à mon coeur meurtri et j'ai signé mon pacte définitif avec le diable, et le diable — c'est la *Pensée*.

J'ai l'honneur d'être avec une vénération profonde et un attachement qui durera autant que ma vie. Votre très humble et très obéissant serviteur

Wladimir Petcherin.

РГАДА. Ф. 1278 (Строгановы). Оп. 1. Ед. хр. 216. Л. 7–8.

Опубликовано: «Русский Архив». 1870. Стлб. 2129–2138.

Перевод

Граф!

Письмо, коим Вы меня почтили, дошло до меня лишь 21-го сего месяца, вероятно, по оплошности почтмейстера в Лугано. Спешу на него отвечать.

Я глубоко тронут участием, которое Вы во мне принимаете, Вашими добрыми намерениями относительно меня, Вашими великодушными предложениями... О, если бы я еще был достоин такой заботливости! Но, граф, я решил. Судьба моя определена безвозвратно — вернуться вспять я не могу.

Почти с моего детства надо мною тяготеет непостижимый рок. Повинуюсь необходимому влечению таинственной силы, толкающей меня к неизвестной цели, которая виднеется мне в будущем туманной, сомнительной, но прелестной, но сияющей блеском всех земных величий... Вот объяснение загадки! Объясню откровенно о сцеплении мелких обстоятельств, доведших меня до настоящего моего положения.

Убаюкиваемый сладкими мечтами, я приближался в 1835 году к пределам моей родины. Я остановился в раздумье у ее границы, я поднял глаза и увидел над нею зловещую надпись:

Voi ch'intrate, lasciate ogni speranza!*

* «Входящие, оставьте упования» (ит.). Данте. Божественная комедия. Ад. III. 9. (пер. М. Лозинского). Порядок слов изменен В. С. Печериным.

И я прозрел ожидавшую меня будущность...

Вы призвали меня в Москву... Ах, граф! Сколько зла Вы мне сделали, сами того не желая! Когда я увидел эту грубо-животную жизнь, эти униженные существа, этих людей без верований, без бога, живущих лишь для того, чтобы копить деньги и откармливаться, как животные; этих людей, на челе которых напрасно было бы искать отпечатка их создателя; когда я увидел все это, я погиб! Я видел себя обреченным на то, чтобы провести с этими людьми всю мою жизнь; я говорил себе: кто знает? быть может, время, привычка приведут тебя к тому же результату; ты будешь вынужден спуститься к уровню этих людей, которых ты теперь презираешь; ты будешь валяться в грязи их общества, и ты станешь, как они, благонамеренным старым профессором, насыщенным деньгами, крестиками и всякою мерзостью!

Тогда моим сердцем овладело глубокое отчаяние, неизлечимая тоска. Мысль о самоубийстве, как черное облако, носилась над моим умом... Оставалось только избрать средство. Я не знал, что лучше: застрелиться ли или медленно погибнуть от разъедающего яда мысли...

Я погрузился в мое отчаяние, я замкнулся в одиночество моей души, я избрал себе подругу столь же мрачную, столь же суровую, как я сам... Этою подругою была *ненависть*! Да, я поклялся в ненависти вечной, непримиримой ко всему, меня окружавшему! Я лелеял это чувство, как любимую супругу. Я жил один с моею ненавистью, как живут с обожаемою женщиною. Ненависть — это был мой насущный хлеб, это был божественный нектар, коим я ежеминутно упивался. Когда я выходил из моего одиночества, чтобы явиться в этом ненавистном мне свете, я всегда показывал ему лицо спокойное и веселое; я даже удостаивал его улыбки...^{*} Ах! я походил на того лакедемонского ребенка, который не изменялся в лице в то время, как когти зверя, скрытого под его одеянием, терзали его внутренности^{**}.

Я стал в прямой разрез с вещественною жизнью, меня окружавшею; я начал вести жизнь аскетическую; я питался хлебом и оливками, а ночью у меня были видения.

Всякий вечер звезда, гораздо более блестящая, чем все прочие, останавливалась перед моим окном, насупротив моей кровати, и лучи ее ласкали мое лицо. Я вскоре догадался, что эта та самая звезда, под которой я родился. Она была прекрасна, эта звезда! Ее блеск манил меня, призывал меня ей подчиниться.

В одну из тех торжественных ночей я услышал голос моего Бога, тот строгий грозный голос, который потряс все струны моего сердца. Этот голос прокричал мне: «Что ты тут делаешь? Здесь — нет будущности! Встань! Покинь страну твоих отцов! Возьми мое святое знамя! Возьми мой тяжкий крест и неси его, если нужно, до

* Данные суждения, раскрывающие духовную драму человеческой личности, чрезвычайно близки рассуждениям лермонтовского Печорина в романе «Герой нашего времени» («Княжна Мери»).

** Упомянутый В. С. Печериным эпизод относится ко времени древней Спарты и описан многими античными авторами (Павсанием, Фукидидом, Ксенофонтом и др.). Плутарх сообщает, что в Спарте, согласно законам Ликурга, легендарного древнеспартанского законодателя, за воровство жестоко наказывали. Поэтому «дети старались как можно тщательнее скрыть свое воровство. Так, один из них, рассказывают, украл лисенка и спрятал его у себя под плащом. Зверь распорол ему когтями и зубами живот, но, не желая выдать себя, мальчик крепился, пока не умер на месте» (Плутарх. Избранные жизнеописания. Т. 1. М., 1987. С. 110).

Голгофы*! Ты падешь, но имя твое будет записано в книге живота между именами величайших мучеников человечества!» Я услышал этот голос и решился.

Между тем мои мнения окрепли; из подвижных и текучих они перешли в состояние окаменения. Они приняли форму жесткую, суровую, пуританскую. То уже не были отвлеченные начала, которые можно обсуждать хладнокровно с той и с другой стороны. То была живая вера, слепое, непоколебимое, фанатическое убеждение, которое посылает своих верных умирать на поле битвы, на костре, на плахе...

Вскоре весь мой катехизис свелся к этому простому выражению: *цель оправдывает средства*. Я сказал себе: *Bisogna esse volpe o leone!*** . Мне не позволяют быть львом; хорошо же, станем на время лисицею! Обманем своих тюремщиков! И проклятие тем, кто меня к тому принуждает!

Вот моя история... Относительно Вас, граф, я поступил недостойно. Человек добродетельный! Человек благородный и великодушный! Как я люблю и уважаю Вас! Я готов отдать за Вас жизнь — но... Вы лишь единичное лицо, и человечество имеет более прав, чем Вы! Я отрекся от всяких чувств, у меня остались одни правила. Я служу неумолимому божеству. Я на его алтарь принес в жертву то, что человеку всего дороже — отечество, родных, друзей! Я имел мужество отказаться от общественного положения, весьма выгодного и обставленного всеми прелестями вещественного довольства; я добровольно избрал жизнь лишений, жизнь бродячую, бесприютную, нередко грозящую голодной смертью...

Вы говорите мне, граф, о *долге* и *чести*! Разве не мой долг, прежде всего, повиноваться моим убеждениям? А моя честь? — Пусть ее марают, если хотят! Какое мне дело до моей чести, до моего доброго имени, только бы восторжествовало мое убеждение. Ношу в сердце моем глубокое предчувствие великих судеб. Верю в свою будущность, верю в нее твердо и слепо...

Юношеское ли это тщеславие? Или безмерное честолюбие? Или безумие? — Не знаю. Мой час еще не настал.

Провидение никогда не обманывает. Семена великих идей, бросаемые им в нашу душу, всегда суть верный залог прекрасной жатвы славы... Слава! Волшебное слово! Небесный призрак, для которого я распинаюсь! О Провидение! Прошу у тебя лишь дня, единого дня славы, и дарю тебе остаток моей жизни!

Извините, граф, лихорадочную напряженность, беспорядочность, безумие этого письма и прощайте навеки. Примите это письмо как завещание умирающего, ибо я умираю для всего, что когда-то было мне дорого. Завещаю Вам мою любовь к этим юношам, которых небо поручило Вашему попечению. Берегите эти прекрасные, нежные растения! Защищайте их от аквилона!*** Сохраняйте их для лучшего буду-

* Исторический холм на окраине Иерусалима, где был распят Иисус Христос.

** «Надо быть лисицею или львом» — ит. Изречение принадлежит Никколо Макиавелли. В трактате «Государь» в XVIII главе, озаглавленной «Как князья должны держать свое слово», он писал, что государь вынужден опираться в своей деятельности на закон и силу; «...он должен взять примером лисицу и льва, так как лев беззащитен против сетей, а лисица беззащитна против волков. Следовательно, надо быть лисицей, чтобы распознавать западни, и львом, чтобы устрашать волков». «Пусть князь заботится о победе и сохранении государства, — средства всегда будут считаться достойными...».

*** Сильный северный или северо-восточный ветер. У древних римлян — один из мифических богов, олицетворявший этот ветер. В. С. Печерин употребляет данный образ в индизобразительном смысле, понимая под ним политический режим Николая I.

шего! Да сохранит Вас Бог, граф! Да поддержит Вас на Вашем трудном пути его всемогущая десница. Да увенчает блестящий успех Ваши великодушные усилия!

Забудьте, что я когда-либо существовал, и простите меня! Не довольно ли я заплатился за мой проступок, разорвав свой договор с жизнью и с счастьем? Я извлек из своего измученного сердца несколько капель крови и подписал окончательный договор с дьяволом, и этот дьявол — *мысль*.

Имею честь быть с глубоким уважением и преданностью, которая кончится лишь с моею жизнью, Ваш покорнейший слуга

Владимир Печерин.

Приложение № 23

Инициатива публикации письма принадлежала С. Г. Строганову.
28 сентября он написал П. И. Бартеневу:

«Милостивый государь Петр Иванович.

Напечатанный в 7-м номере «Русского Архива» отрывок из записок В. С. Печерина* возобновил в памяти моей пребывание этого молодого ученого в Московском университете и надежды, которые многие имели тогда на преподавание, начатое так блистательно в 1836-м году и обещающего так много в будущем для классического образования нашего юного поколения. Надежды эти, по несчастью, не оправдались: из двух талантливых профессоров, избранных мною по древней филологии, остался верен своему призванию один Д. Л. Крюков, другой бежал из университета, покинул отечество, колеблемый неверием и сомнениями, сделался отступником отцовской веры и перешел в западный католицизм — это был Печерин. После долгих испытаний он обрек себя на монашескую жизнь и поступил в картезианский орден. Презируя русскую жизнь и все условия гражданского строя в России, бессильный жертвовать своими понятиями для пользы своих соотечественников, он тридцать лет скитался по Европе и, наконец, похоронил себя живым.

Теперь, конечно, многое изменилось в нем, еще более изменилось и в бывшем его отечестве. Эти ли последние перемены отразились на нем или другие причины? ...одним словом, в нем пробудилась любовь к родине, тоска по семейному очагу. В письмах к друзьям своим это чувство часто изливается в заунывых речах и в трогательных стихах, в которых видна грусть, но не достает чего-то для совершенного примирения с своими — раскаяния.

Не полагаете ли Вы, милостивый государь, что для читателей «Русского Архива» будет любопытно продолжение статьи из записок Владимира Сергеевича? Для некоторых молодых оно будет и поучительно: они узнают, как много зависит от первого ложного взгляда на жизнь и как опасно подчинять свои действия позывам эгоизма, своеволия и крайних мнений.

Приложенное здесь на мое имя письмо до сего времени не было никому сообщено и осталось бы надолго еще не оглашенным, если бы это издание не было вызвано напечатанною в «Архиве» статьею.

Считая Печерина умершим для света, это письмо ни в коем случае не может ему вредить, потому что возвращение его в отечество в зависимости от одного слова

* Имелся в виду «Эпизод из петербургской жизни».

раскаяния о прошедшем! Впрочем, вполне подчинюсь мнению Ф. В. Чижова. Если он Вам скажет, что лучше не печатать, пусть так и будет. Но тогда я Вас покорнейше прошу, не оставляя у себя копии, мне оное возвратить.

Примите, Петр Иванович, уверение в моем совершенном уважении граф Сергей Строганов».

РГАДА. Ф. 1278 (Строгановы). Оп. 1. Ед. хр. 216. Л. 9–10;

РГАЛИ. Ф. 46 (П. И. Баргнев). Оп. 1. Д. 562. Л. 489–499.

П. И. Баргнев ответил 1 октября следующей запискою.

«Милостивый Государь Граф Сергей Григорьевич!

Письмо Печерина, благосклонно сообщенное Вами в «Русский Архив», было прочитано мною Ф. В. Чижову. Он мне сказал, что я могу его печатать, и мне остается принести Вашему Сиятельству признательность мою за внимание, коим удостоили Вы мое издание. Письмо Печерина появится в XI-й тетради «Русского Архива» в подлиннике и русском переводе. То, что Вы изволите говорить о тоске по родине, которую чувствует несчастный, самопроизвольный изгнанник, подтверждается письмом его ко мне из Дублина от 5 окт[ября] нов[ого] ст[иля] сего года.

С глубочайшим почтением имею честь быть Вашего Сиятельства покорный слуга Петр Баргнев».

РГАДА. Ф. 1278 (Строгановы). Оп. 1. Ед. хр. 216. Л. 11.

19-го октября П. И. Баргнев сообщил В. С. Печерину в Дублин.

«Милостивый государь Владимир Сергеевич!

В самый день получения письма Вашего от 5 октября н[ового] с[тиля] получено мною от графа С. Г. Строганова для напечатания в «Р[усском] Архиве» письмо Ваше к нему 1837 года. Гр[аф] Строганов уведомлял меня, чтобы в случае нерешимости с моей стороны я спросил Чижова, и если Чижов затруднится, то возвратил бы письмо к нему, графу Строганову, не списывая его для себя. Так как Федор Васильевич сказал мне, что я могу печатать, то письмо и появилось в тетради «Р[усского] Архива», которая на днях дойдет к Вам. Я вполне положился на разрешение Чижова, и мне будет тяжело, если бы, паче чаяния, обнародование письма было бы для Вас неприятно.

Книгопродавческих сношений Москвы с Англиею не существует, и Вы одолжите меня указанием пути (через Лейпциг) для доставления Вам моих изданий, так как по объему их переслать под бандеролью нельзя (у нас в почтамте принимается не свыше 20 листов). На обертках «Р[усского] Архива» публикуются издания оно-го. Мне будет очень приятно Вам их доставить.

С истинным почтением покорный слуга Петр Баргнев».

РГАЛИ. Ф. 372 (В. С. Печерин). Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 1.

ИРЛИ. Ф. 384 (В. С. Печерин). Ед. хр. 6. Л. 1–2.

В. С. Печерин не преминул откликнуться и 8 ноября написал П. И. Баргневу.

«Милостивый государь Петр Иванович.

Чижов сообщил мне о вашем намерении напечатать письмо мое к графу Строганову. На это я никакого возражения не имел и иметь не мог. Это письмо составляет

важную эпоху в моей жизни, а то, что оно доселе сохранилось в России, доказывает, что оно недаром было написано. Но я совершенно забыл о нем и теперь прочитал его в «Р[усском] А[рхиве]» как свежую новость. Это как будто фотограф первой юности: многое изменилось, но главные черты остались те же, по русской поговорке — *каков в колыбельку, таков и в могилку*. В последнем письме к Чижову я переслал письмо графа Строганова ко мне — именно для вас, если вы можете из него сделать какое-либо употребление. Но я теперь нахожусь в совершенном недоумении, никак не могу понять: неужели особа, приславшая вам мое письмо, тот самый Строганов, к кому оно было написано? Заключая из нескольких слов в «*Былом и Думах*» Герцена, я давно считал его умершим. Признаюсь, я очень был бы рад узнать, что он еще в живых.

Из объявления газеты “Athenaeum” вижу, что некто г[осподин] Веретенников дает урок русского языка в Лондоне. Вот этак и мы скоро будем в моде. Вам также приятно будет слышать, что в Оксфорде учреждена кафедра славянских языков. Здесь многие верят в пророчество, что

Славянские ручьи сольются в русском море!

С истинным почтением пребываю ваш покорный слуга Владимир Печерин».

РГАЛИ. Ф. 46 (П. И. Бартенев). Оп. 1. Д. 562. Л. 597–597 об.

Все материалы публикуются впервые.

Приложение № 24

Письмо С. Ф. Пояркова Ф. В. Чижову от 11 ноября 1870 года.

«Ваше Превосходительство Федор Васильевич.

С большим удовольствием препровождаю к Вам всю переписку В. С. Печерина, какая только у меня имелась. Из отметки матери его в семейных святцах видно, что Вл[адимир] Серг[евич] родился 9 июля 1807 года. Нежно любимая им мать его, Пелагея Петровна, урожденная Симоновская (Черниговской губернии) умерла 28 мая 1858 года в Одессе. Там же умер и отец его, Сергей Пантелеич, 18 августа 1866 года, на 89 году от роду. Сергей Пант[елеич] был уроженец Егорьевского уезда Рязанской губернии, где владел небольшим имением почти до последних лет своей жизни. Я вовсе не помню Вл[адимира] Серг[еевича]; знаю о нем по рассказам моей матери, постоянно ставившей мне его в пример как следует учиться. Родителей его я помню хорошо еще из детства, потому что Сергей Пантелеич, будучи бригадным командиром, квартировал в Киеве и бывал у моих родителей в Черниговской губернии, в 35 верстах от Киева. Потом я встретил стариков в Одессе, где прожил 9 лет, и при мне там старики умерли. Еще при жизни старика я от имени его вел переписку с Влад[имиром] Сергеевичем, которую продолжаю до настоящего времени.

Труды Влад[имира] Серг[еевича] помещены еще: в 6 томе «Полярной Звезды» Герцена и в 29 номере газеты «День» Аксакова за 1865 г[од].

Я сделал попытку продолжать печатать в «Дне» выборку из писем Влад[имира] Серг[еевича], но редакция не признала этого удобным и отказала мне под предлогом, что прекращает свое издание с 1866 г[ода].

Посылаю письма Влад[имира] Серг[еевича] в полное Ваше распоряжение и прошу только сохранить их как нашу семейную принадлежность и если можно не отказать мне в печатных оттисках, если письма эти будут напечатаны. Не знаю, как мне приобрести 7-ой номер «Русского Архива», не покупая издания за целый год.

При этом позволяю себе приложить при сем мою фотографическую карточку как дань глубочайшего к Вам уважения и просить Вас не отказать мне в Вашей карточке.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть Вашим покорнейшим слугою

С. Поярков».

ОРРГБ. Ф 332 (В. С. Печерин). Картон 46. Ед. хр. 34. Л. 3–4.
Публикуется впервые.

Приложение № 25

Клятвенное обещание.

«Я, нижеименованный, обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом пред Святым Его Евангелием в том, что хочу и должен ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, своему истинному и природному ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕМУ ВЕЛИКОМУ ГОСУДАРЮ, ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ, САМОДЕРЖЦУ ВСЕРОССИЙСКОМУ, и ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Всероссийского Престола ГОСУДАРЮ Наследнику, ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ Цесаревичу и Великому Князю Александру Николаевичу, верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего, до последней капли крови, и все к Высокому ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Самодержавству, силе и власти принадлежащие права и преимущества, узаконенные и впредь узаконяемые, по крайнему разумению, силе и возможности предостерегать и оборонять, и притом по крайней мере стараться споспешествовать все, что к ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА верной службе и пользе Государственной во всяких случаях касаться может. О ущербе же ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведая, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допускать тщаться, и всякую вверенную тайность крепко хранить буду, и поверенный и положенный на мне чин, как по сей (генеральной, так и по особой) определенной и от времени до времени ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Именем от представленных надо мною Начальников определяемым Инструкциям и Регламентам и Указам, надлежащим образом по совести своей исправлять, и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды, и противно должности своей и присяги не поступать, и таким образом себя вести и поступать, как верному ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА подданному благопристойно есть и надлежит, и как я пред Богом и Судом Его страшным в том всегда ответ дать могу, как сущее мне Господь Бог душевно и телесно да поможет. В заключение же сей моей клятвы целую Слова и Крест Спасителя моего. Аминь».

И далее собственноручно приписано: «по сему клятвенному обещанию присягал исправляющий должность экстраординарного профессора В. Печерин».

Клятва заверена: «К присяге приводил священник Петр Терновский. 1836 г. Апрель. 13 день».

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 4. Ед. хр. 261. Л. 80.
Публикуется впервые.

Приложение № 26

Первое посещение Ф. В. Чижевым В. С. Печерина в Виттеме в октябре 1841 года.

В 1840 году, выйдя в отставку, Ф. В. Чижов отправился за границу, где оставался до 1847-го, живя преимущественно в Италии, Риме. Осенью 1841-го, совершая большое путешествие по Германии, он решил навестить В. С. Печерина, который, как ему было известно по переписке с ним, находился в Льеже, Бельгии. Своих намерений Ф. В. Чижов не скрывал, делясь ими с друзьями, например, А. В. Никитенко*. В начале октября он приехал в Льеж. «Какое-то странное чувство разлилось по всему телу, когда я подъехал к Льежу, — записал Ф. В. Чижов в дневнике от 6 октября 1841 года, — найду ли я тут Печерина, как его найду, особенно как в нравственном отношении. Хорошо если бы не нашел, если бы ему наскучил монастырь, и он бы его бросил. Сейчас отправляюсь искать монастырь редемптористов... Грустно и страшно идти, что найду я в Печерине?»**. Однако он никого не встретил. На следующий день Ф. В. Чижов отыскал Фурдрена, который отвел его к Лекуанту. «... тот мне сказал, — писал Ф. В. Чижов в дневнике, — что надобно спешить, если я хочу застать Печерина еще не произнесшем обет монашеский. В ту же минуту я беру фиакр до железной дороги, плачу 6 франков и отправляюсь в St. Trond, приезжаю, беру провожатого прямо в дом редемптористов. По данным мне наставлениям от Lescoint'a звоню, выходит послушник, я говорю, что хочу видеть père Ottman, и через десять минут ко мне является монах с самой адской физиономией. Приветливость в лице, но сквозь эту приветливость видна вся адская, демонская, монашеская гипокразия. Я ему сказал, что я русский, родственник Печерина, что хочу его видеть. Он отвечал мне, что его больше нет тут, но что он в Виттеме близ Ахена, и дал мне его адрес. Тем было все и кончилось, я его просил дать мне провожатого; он побежал, подлое животное, во всем такое унижение, не христианская скромность и желание оказать добро, а подлое, скверное гипокритство. Приходит, говорит, что сейчас придет мой человек. И начинает: «как теперь Печерин счастлив». Я говорю: дай Бог, хотя я не думаю, чтоб можно было нажать счастье, переменяв фрак на сюртук. «Да, — говорит он, — однако надобно избирать жизнь между людьми, с которыми бы могли жить, теперь он их нашел». Я прервал его и говорю: для меня это все равно, это дело его совести, но что скверно и что должно помешать его счастью, это то, что он не исполнил многие обязательства. — «Все обязательства в отношении к людям уничтожаются обязательствами с Богом». — А какие это обязательства, если нам они не общи всем; кто мне поручится, что ваши хороши, да и откуда вы вздумали, что вы имеете право думать, что вы заключили обязательство и что имеете право пренебрегать контрактами с людьми. По мне тот мерзавец, кто не исполняет честного слова, а по вашим правилам его не существует. — Не могу я передать всего, только я ругал его препорядочно, а он, подлое животное, все принимал как бы похвалы. Такого бесстыдного гипокритства, такой ужаснейшей безнравственности я не встречал во всю жизнь. О! подлейшие животные монахи, когда свет очистится от этих извержений человечества и извержений самых гнусных»***. В этот же день Ф. В. Чижов отправился

* См.: письмо к нему от 3 сентября (22 августа) 1841 года из Дрездена — «Русская старина», т. 100. Кн. 11. 1899. С. 365.

** ОРРГБ. Ф. 332. Картон 1. Ед. хр. 4. Л. 136 об.

*** Там же. Л. 137.

в Виттем, в монастырь, где и увиделся с В. С. Печериным. Встреча произвела на Ф. В. Чижова тяжелое впечатление, что и получило отражение в дневниковой записи от 9 октября: «О свидании с Печериным нечего писать, он всегда был рабом, я бранил его за неблагодарность...»*.

Материалы публикуются впервые.

Приложение № 27

Заметка о переходе В. С. Печерина в католическую веру, появившаяся в июле 1840 года в “Journal Kersten” (“Journal historique et littéraire de Liège”).

“Le Mois de Marie que nous avons vu célébrer à Liège dans l’église des RR. PP. Rédemptoristes avec tant de solennité et qui a été suivi avec un concours si remarquable, continue à porter ses fruits. Le 19 juillet, le prédicateur qui avoit eu consolation de se faire entendre à un auditoire si nombreux, a reçu l’abjuration d’un jeune schismatique grec qui vit parmi nous depuis un certain temps. Il avoit suivi avec une extrême exactitude les conférences du carême données à S. Paul, et déjà la vérité lui apparoissoit sous un jour plus lumineux; mais il étoit réservé à la grâce attachée aux pieux exercices et aux prédications du mois de Marie, de la déterminer à rompre les liens qui le retenoient loin de la véritable Eglise.

Ce jeune homme d’une famille distinguée de Russie, voyage depuis dix ans, étudie, observe, pèse tous les systèmes, toutes les opinions, toutes les croyances qu’il a rencontrées chez une foule de peuples; et il n’a pu trouver la vérité, le repos de la conviction et une règle certaine contre les égaremens de l’esprit humain que dans l’Eglise catholique. Contraste frappant! Tandis que des jeunes gens frivoles et légers, qui ne prennent pas la peine d’étudier à fond la religion dans laquelle ils ont été élevés, conçoivent contre elle des préjugés sans fondement et l’abandonnent sans savoir pourquoi; un jeune homme plein de talent, doué d’une grande force de raison et avide de vérités, vient des extrémités de l’Europe leur donner un exemple bien remarquable, en déposant, après un long et mûr examen, tous les préjugés de secte et toutes les erreurs religieuses, pour courber son esprit devant l’autorité infaillible de l’Eglise romaine! Cette considération a été développée par le R. P. Manvuisse, dans l’exhortation qu’il a adressée à ce jeune néophyte au moment de son abjuration.

Loin de sa patrie qu’il lui sera désormais bien difficile de revoir avec sécurité, depuis qu’il a abjuré le schisme, et privé désormais des espérances qui devoient se réaliser un jour pour lui en parcourant la carrière de l’enseignement public à laquelle il étoit destiné, ce jeune catholique semble vouloir se fixer pour un certain temps encore dans nos pays, en continuant à donner avec les succès qu’il a obtenus jusqu’ici, des leçons de toutes les langues anciennes et modernes qui lui sont familières.

Honneur à ceux qui cherchent sincèrement à s’éclairer dans leurs doutes et leurs incertitudes! Honneur surtout à ceux qui ont assez de courage pour embrasser la vérité quand ils l’ont connue, malgré les intérêts humains les plus puissans! C’est là un genre d’héroïsme qu’on ne peut se défendre d’admirer!”

Перевод

«Месяц Марии, празднование которого проходило с большой торжественностью при большом скоплении людей в церкви RR. PP. Искупителя, продолжает

* ОРРГБ. Ф. 332. Картон 1. Ед. хр. 4. Л. 137 об.

приносить свои плоды. 19 июля проповедник, получивший утешение говорить со столь многочисленной аудиторией, получил отречение от молодого греческого раскольника, который жил некоторое время среди нас. С необыкновенной верностью он участвовал в духовных беседах Великого поста, посвященных Св[ятому] Павлу, и уже ему явилась истина в один светлый день; но только благодать, связанная с благочестивыми занятиями и с проповедями, склонили его порвать связи, удерживающие его вдали от истинной Церкви. Этот юноша, родом из благородной русской семьи, путешествует уже десять лет, изучает, наблюдает, анализирует все системы, мнения, все верования, которые он встречал у разных народов; и не смог он найти истину, спокойствие убежденности и некое правило против блужданий человеческого разума как в католической Церкви. Он увидел контраст. В то время как фривольные и легкомысленные молодые люди, не утруждающие себя глубоким изучением религии, в которой они были воспитаны, изобретающие беспочвенные предубеждения против религии и уходящие от нее, не зная почему, талантливый юноша, наделенный великой силой разума и жаждущий истины, приезжает из дальнего конца Европы, чтобы явить им весьма примечательный пример, отрекаясь, после долгого и зрелого размышления, от всех предубеждений секты и всех религиозных заблуждений, чтобы склонить свой дух перед непреложной властью римской Церкви! Это рассуждение было развито в поучении R.P. Манвисса, которое он сделал этому юному неопиту во время его отречения.

Находясь вдали от родины, куда ему отныне будет весьма трудно вернуться по причине безопасности после его отречения от раскольнической церкви, лишенный к тому же с этого момента надежды сделать однажды карьеру в области общественного образования, которая была ему предназначена, этот юный католик, кажется, имеет еще желание задержаться в наших краях на некоторое время, продолжая с достигнутым к этому времени успехом давать уроки по древним и современным языкам, которыми он владеет.

Слава тем, кто искренне стремится просвещаться в своих сомнениях и колебаниях. Особо слава тем, у кого нашлось достаточно мужества, чтобы выбрать истину, которую они познали, несмотря на самые сильные человеческие интересы. Вот тип героизма, от восхищения которым нельзя удержаться».

РГАЛИ. Ф. 372 (В. С. Печерин). Оп. 1. Ед. хр. 38. Л. 1–2.

Приложение № 28

Второе посещение Ф. В. Чижевым В. С. Печерина в Виттеме в августе 1842 года.

Обстоятельствами этой встречи Ф. В. Чижев поделился с А. В. Никитенко в письме от 29 августа 1842 года: «Третьего дня я расстался с Печериним, — общал он другу, — пробыл у него в монастыре почти сутки. Он, кажется, очень и очень доволен своим положением, и это мне тоже доставило удовольствие. Вникнув в их быт, я понял его довольство: обстоятельства и самолюбие воспитали в нем страсть к деятельности. За нею он бросался всюду, и не справляясь с своими силами, поднимая на плечи тяжести, налагаемые не убеждением, а беспредельно высоким понятием о себе и низким о людях, он падал под ними на каждом шагу. Разумеется, по общему порядку вещей везде виноваты были люди; одни за то, что при его появлении не подняли знамя свободы и не провозгласили его своим диктатором,

другие за то, что при первом его слове не сделали его представителем европейской учености и не разослали объявления по всему миру, как о Пике Мирандолийском, а преспокойно заставили учить за ½ франка и то снисходя к его бедности. Сквернавцы люди ценят только то, что приносит им существенную нравственную или физическую пользу и не верят на слово. Является он в монастырь; монахам того и надобно. Первое, он образованный человек и на него можно указать как на заблудшего сына, обратившегося к католицизму не по детской простоте, а по убеждению, увидев в нем единственный источник святой истины. Второе, греко-российского вероисповедания, о чем было возведено во всех газетах. Третье, он превосходно знает древние и новейшие языки. Они его поняли превосходно. Говорят ему: сын плоти, ты думаешь здесь найти отдых, не так мы смотрим на жизнь нашу, каждая минута наша посвящена на служение Богу. Он предписывает нам пути деятельности, и каждый шаг наш есть шаг человечества. Почти это говорил мне монах из братии Печерина. Ему только того и надобно. Но, — говорят они, — испытал ли ты себя, достанет ли у тебя сил исполнить высокое назначение? И вот пища самолюбию и надменности! Испытай себя, тебе год на испытание. Оно состоит в безусловной покорности души и тела; каждую неделю должен ты отдавать отчет и в твоих действиях, и в твоих помышлениях; всегда неожиданно один из братии имеет право спросить тебя о твоих мыслях и чувствах. К этому присоедините строгое ведение и наблюдение в пище, питии и всех мелочах жизни. Все это открыло им Печерина всего совершенно, что, впрочем, и не трудно. Они увидели, что он жаждет деятельности, но в тоже время не имеет ни малейшей воли, конечно, уму его дано обширное поприще науки, именно его лингвистике; лишь только он вздумает зайти далее, монах улыбнется и говорит: этого мы не ожидаем, нет, для нашего высокого назначения мало детских сил человеческих. Это все Печерин сам мне рассказывал, разумеется, смотря на это с другой точки зрения. Чувствам дана полная свобода. Воле ни одного шага, ни полшагу, а он только того и желал. Мы говорили с ним все по-французски, по-русски он говорил неохотно; к тому же, по правилам монастырским, во всяком действии, выходящим из общего хода, непременно должен быть свидетель из братии. Не знаю, подчиняясь ли этому правилу или желая избегнуть глаз на глаз нашего разговора, только он не оставался со мною ни на минуту; однажды он пришел, а брата его не было тут, он тотчас же пошел за ним, и тот уже сказал, что это не необходимо. В религиозных понятиях мы сошлись, но не могли сойтись с исключительностью их одеяний и с тем, что, как он говорит: Бог оценит наше самопожертвование и вознаградит нас. Я говорю: господя, разве вы не вознаграждены так хвалимым вашим спокойствием? Не знаю, шутя ли или вправду, они очень приглашали меня быть их братом. Я говорю: нет, господя, мне Бог дал другое служение. Они мне предлагали даром учить меня по-голландски и по-испански, я принял их предложение и сказал, что воспользуюсь им при случае. Жаль мне одного, что Печерин не христиански говорит, когда дело коснется до образованности России и до форм нашей религии*.

Двумя днями ранее, 27 августа, Ф. В. Чижов записал в дневнике: «Вчера был в Виттеме у Печерина, он счастлив и понятно. Уму дана деятельность, сообразно его горизонту; дальнейшие попытки остановлены плотиною ежемесячной ненависти во всех помышлениях. Чувствам все раздолье к невидимому, они очищены

* «Русская старина». 1899. Т. 100. Кн. 11. С. 367–368.

от всего земного. Одна воля скована, а ее у него не бывало, самая ужасная ему тягость была управлять собою, потому что своей воли недоставало, а чужая и всегда проходила под мерку. Какая гордость монашеству, и беспрестанно *le bon Dieu nous recompensera là Haut**. Этого я не люблю; вообще его собрат любит и покушать и, кажется, не откажется от иных наслаждений жизни, хотя и говорит об *chasteté*** . Мы ладили, я был в своей сфере, потому что все говорил об искусстве*** . 3 сентября Ф. В. Чижов вновь вернулся к этой теме: «...как было не записать времени, — отметил он в дневнике, — проведенного у Печерина. Да, Печерин, кажется, увлекся чисто, то есть он не позволяет себе выходить из той тесной сферы, в которую втащило его монашество. Он выше, далеко выше другого его собрата, немца, который никак не отказался бы ни от порядочного обеда, ни от пива, а если бы можно было, вероятно, хлебнул бы и винца. Какая же цена знаний, когда конец их — убеждение, что выше всего неведение? Печерин твердит это беспрестанно, и нельзя не согласиться. Знание — жизнь ума; но придет ли то счастливое время, когда он перестанет жить одним внешним миром, когда вся его деятельность устремится на счастье, — глупо, глупо, разве и теперь не это последняя цель каждого? Да, цель каждого, но не цель знания. Много, много лишнего навязываем мы на наши бедные головы от того, что они не имеют необходимого. Кажется софизм, а нет. Развейте ум прямым путем, он сам отбросит все или, по крайней мере, большую часть ненужного, оставя только то, чем он платит дань времени и среде, в которой он поставлен»**** .

Дневниковые записи Ф. В. Чижова публикуются впервые.

Приложение № 29

О местожительстве В. С. Печерина в Москве в 1835–1836 годах.

Если верить многочисленным справочникам того времени, в середине 1830-х годов трактира с названием «Берлин» в Москве на Тверском бульваре не существовало. Упоминается лишь гостиница «Германия», располагавшаяся в 5-м квартале Тверской части между улицами Тверская (ниже дома генерал-губернатора) и Дмитровка (в Шубинском переулке) в доме гвардии прапорщика Н. Кожина. Содержал ее С. Лейб. В середине 1820-х годов ему же принадлежала еще гостиница «Лейпциг», находившаяся на Кузнецком мосту в доме купца А. Столбова, но в 1830-х годах она уже не упоминается**** . Впрочем, это «недо-разумение» легко разрешить, поскольку сохранились письма, в которых В. С. Пе-

* Бог вознаградит нас на небесах — фр.

** Целомудрии, непорочности, чистоте — фр.

*** ОРРГБ. Ф. 332 (В. С. Печерин). Картон 1. Ед. хр. 5. Л. 7.

**** Там же. Л. 8 об.

***** См.: Альманах на 1826 год для приезжающих в Москву и для самих жителей сей столицы или Новейший указатель Москвы, составленный попечением Александра Кузнецова. М., 1825. С. 120; Соколов В. Указатель жилищ и зданий в Москве, или Адресная книга. М., 1826. С. 118; Москва, или Исторический путеводитель. Ч. 3. М. 1831. С. 81; Нистрем К. Московский адрес-календарь для жителей Москвы. Т. 4. М., 1841. С. 103; Вся Москва на ладонке. Карманная книжка, служащая путеводством и справками для любознательных, особенно для приезжих в столицу. М., 1857. С. 98.

черин сам называет свой московский адрес. В письме Ф. В. Чижову от 11 октября 1835 года — «На Большой Дмитровке в доме Кожиной»*. В письме М. С. Куторге от 5 ноября — «На Тверском бульваре, в доме Матто, у г[осподина] Жако»**. Этот же адрес он повторил в другом письме М. С. Куторге, отправленном предположительно в конце ноября — начале декабря***. Титулярный советник Густав Федорович Матто проживал в собственном доме на Тверском бульваре в 5-м квартале Арбатской части****. Возможно, В. С. Печерин в Москве снимал две разные квартиры. Косвенно о том же свидетельствуют и его собственные высказывания. В вышеприведенном письме Ф. В. Чижову 1835 года он так охарактеризовал свое жилище — «У меня прекрасная квартира: две большие меблированные комнаты с прислугою, столом, кофею, чаем и девкою — 100 руб. в месяц»*****. Однако в декабре 1872 года, по прошествии 37 лет, эта оценка переменялась — «Мой номер стоял как-то особняком с особенным крыльцом, — вспоминал он. — Иногда к этому крыльцу подъезжали студенты в каретах (совершенно по-московски) и посещали меня в моей **грязной и затхлою комнате** (выделено мною — С. Ч.)»*****. Существенным здесь является разительное несоответствие в описании этих двух помещений при в общем-то весьма точной передаче В. С. Печериным фактов своей биографии.

Приложение № 30

Письмо С. Ф. Пояркова Ф. В. Чижову от 29 марта 1873 года.

«Милостивый Государь Федор Васильевич, — писал С. Ф. Поярков. — Я замедлил ответом на Ваше письмо собственно потому, что дело о мельнице В. Н. Воейковой поступило в Судебную Палату из Окружного Суда только 20 марта. Вчера оно разрешилось вполне в пользу Воейковой (28 марта). Я взял доклад этого дела на себя и был очень доволен, потому что дело оказалось очень сложное и запутанное и требовало внимательного изучения, тем более, что с противной стороны явилось на суд двое, а со стороны Воейковой, сын ее, Леонид Алексеевич, не приехал, а между тем собственно фактическая сторона требовала разъяснения, и присутствие Воейкова удержало бы их от лжи и умышленной путаницы дела, которыми они угощали нас в течение трех часов, пока, против своей воли, не изобличили друг друга во лжи.

Определение в окончательной форме, по случаю праздников, будет изготовлено на 16 апреля.

От Владимира Сергеевича я уже давно не получал писем и не знаю, что с ним делается. Буду писать ему на праздниках. Теперь все тяготение его к Вам.

* ОРРГБ. Ф. 332 (Ф. В. В. Чижов). Картон 45. Ед. хр. 10. Л. 7. Опубликовано: Местергази Е. Г. Теоретические аспекты изучения биографии писателя (В. С. Печерин). М., 2007. С. 119–120.

** ОРНБ. Ф. 896 (И. Т. Яковлев). Ед. хр. 8. Л. 1 об.

*** Там же. Л. 3 об.

**** Нистрем К. Московский адрес-календарь для жителей Москвы. Т. 3. М. 1841. С. 58.

***** ОРРГБ. Ф. 332 (Ф. В. Чижов). Картон 45. Ед. хр. 10. Л. 7. Опубликовано: Местергази Е. Г. Указ. соч. С. 119–120.

***** См. письмо № 157.

Собирался этим летом побывать в Москве и хотел лично засвидетельствовать Вам мое почтение, но болезнь жены моей требует, чтобы она лето провела в Карлсбаде, и мне придется остаться с детьми.

Свидетельствую Вам мое искреннее почтение и уважение, с коими имею честь быть Вашим почтеннейшим слугою С. Поярков».

ОРРГБ. Ф. 332 (Ф. В. Чижов). Картон 46. Ед.хр. 34. Л. 1–2.

Публикуется впервые.

Приложение № 31

Переписка генерала ордена редemptористов Николая Морона с В. С. Печериным касательно его выхода из ордена.

I. Letter of Nicholas Mauron to Vladimir Petcherin, Rome, 3 septembre 1861.

“Mon Révérend et bien cher Père.

Par la lettre que vous venez de m’adresser, vous me faites part du vif attrait que vous sentez d’entrer dans un Ordre plus sévère et exclusivement contemplatif. Dans cette même lettre vous me dites, que vous avez ressenti cet attrait dès votre enfance et notamment au moment de votre entrée dans notre Congrégation, il y a vingt ans, que de plus cet attrait, au lieu de diminuer en vous, n’a fait que s’accroître et que vous en étiez poursuivie constamment, jour et nuit, surtout au S. Sacrifice de la Messe, pendant la méditation et dans la prière.

Vous ajoutez enfin dans la même lettre, qu’après avoir passé vingt années dans les travaux apostoliques des missions, votre intention serait de passer la dernière partie de votre vie dans une solitude absolue, pour ne vivre que pour Dieu seul, en travaillant à la sanctification de votre propre âme, par la prière, le chant des psaumes, le travail manuel, les veilles, le jeûne et la pénitence.

Dans la supposition que cet attrait ne vient pas de la nature, mais de Dieu seul, et qu’en outre vous ne vous proposez d’autre but que celui qui vient d’être indiqué, je ne pourrais et ne voudrais être d’aucun obstacle à la réalisation de cette résolution, surtout puisque votre choix s’est fixé sur le célèbre Ordre du grand Saint Bruno, dans lequel l’observance est toujours encore dans toute sa rigueur. Comme votre santé et vos forces corporelles sont dans un bon état, elles suffiront pour remplir les obligations de cet Ordre, et je ne pense pas que votre admission rencontre des difficultés.

En conséquence, je vous requiers de me faire savoir sans délai, si vous persistez dans votre résolution et si vous êtes décidé à la réaliser. Je dois en effet le savoir, afin que je sois à même de donner à votre Supérieur immédiat les instructions nécessaires, avec l’ordre de vous remettre l’argent nécessaire pour le voyage et tout ce dont vous pourriez en outre avoir besoin. Dans ce cas, Votre Révérence n’oubliera pas non plus de demander en même temps la dispense des vœux simples et du serment de persévérance qu’Elle a émis dans la Congrégation; dispense que je suis prêt à vous accorder, afin qu’ainsi par suite de la dissolution des liens qui existent entre vous et la Congrégation, vous n’ayez plus à songer qu’à l’accomplissement des devoirs de votre nouvel état.

Je suis dans les saints coeurs de Jésus et de Marie

Votre tout dévoué serviteur Nic. Mauron”.

РГАЛИ. Ф. 372 (В. С. Печерин). Оп. 1. Ед. хр. 28. ЛЛ. 1–3.

Публикуется впервые.

Перевод

Письмо верховного генерала ордена редемптористов Николая Морона
В. С. Печерину Рим, 3 сентября 1861.

«Мой Преподобный и дражайший Отец.

Пришедшим мне письмом вы извещаете меня о том, что испытываете сильное стремление вступить в Орден более строгий и исключительно созерцательный. В том же самом письме вы говорите мне, что испытывали это стремление с самого детства и в особенности тогда, когда вступили в наше Братство, двадцать лет тому назад, что, сверх того, это стремление вместо того, чтобы убывать в вас, лишь только приумножалось, и что оно вас преследовало постоянно, днем и ночью, особенно во время Св[ятой] Литургии, во время размышлений и молитвы.

Вы добавляете, наконец, в том же письме, что, посвятив двадцать лет апостольскому служению миссионера, вы желали бы провести остаток своих дней в полном уединении, чтобы жить лишь для одного Господа, трудясь для освящения вашей собственной души посредством молитвы, пения псалмов, труда рук своих, бдений, воздержания от пищи и покаяния.

Предполагая, что это стремление исходит не от природы, а только от Господа, и что сверх того вы не преследуете какой-либо иной цели, кроме вышеозначенной, я не мог бы и не хотел бы чинить никаких препятствий для осуществления этого решения, особенно потому, что ваш выбор остановился на славном Ордене великого Святого Бруно, в котором соблюдение орденского устава все еще осуществляется со всей строгостью. Поскольку ваше здоровье и телесные силы пребывают в хорошем состоянии, их достанет, чтобы выполнять обязанности этого Ордена, и я не думаю, что ваше принятие встретит какие-либо затруднения.

Вследствие этого я прошу вас известить меня без промедления, твердо ли вы придерживаетесь своего решения и решились ли вы его осуществить. Я действительно должен знать это для того, чтобы быть в состоянии дать вашему непосредственному Начальнику необходимые предписания с приказанием предоставить вам деньги, необходимые для путешествия, и все, в чем, сверх того, у вас может возникнуть нужда. В этом случае Ваше Преподобие не должно также забыть испросить в то же время освобождения от простых монашеских обетов и клятвы постоянства, принесенной Вами в Братстве; освобождение, которое я готов вам предоставить, чтобы после вашего ухода из Братства вы могли бы лишь думать об исполнении ваших новых обязанностей.

Пребываю в святых сердцах Иисуса и Марии

Ваш покорнейший слуга Ник. Морон».

II. Supple[men]tary letter of Fr. Nicholas Mauron to Fr. Vladimir Pecherin, Rome, 3
September, 1861.

“Mon Révérend et bien cher Père.

Je ne puis m’empêcher et je me sens obligé d’ajouter à la lettre ci-incluse quelques observations en réponse à celle que vous m’avez adressée, comme aussi de relever et de rectifier l’un ou l’autre passage de cette dernière.

Le contenu de votre lettre prouve clairement et à l’évidence que V. R. n’a pas une idée exacte de notre Congrégation et n’a pas saisi l’esprit de St. Alphonse et de nos S. tes Règles. Pour vous montrer combien votre jugement sur notre Congrégation est faux, je vous

enjoins par les présentes lignes de lire attentivement le 1-er chapitre de la Règle des Novices qui a été imprimée à Rome en 1856, et dont il se trouvera bien, je pense, un exemplaire à Limerick. Là vous trouverez amplement exposé ce que je voudrais pouvoir vous dire ici. Je me contenterai donc de ne relever dans votre lettre que ce qu'il y a de plus saillant.

I. Vous dites d'abord: *que notre Congrégation n'est qu'une Congrégation séculière, et que notre vie est une vie tout-à-fait séculière*. A vous dire vrai, je ne comprends pas, comment vous pouvez parler ainsi, puisque le S. Siècle reconnaît notre Congrégation comme une *Congrégation religieuse* et ses membres comme de *vrais religieux*. Du reste n'avons nous pas tout ce qui constitue l'essence de la vie religieuse? Qui, nous l'avons, car:

a) *Nous avons une Règle approuvée par le S. Siècle*, et cette Règle est peut-être une des plus belles qui existent. Plus on la lit et la médite, plus on y admire l'esprit de Dieu qui l'a inspirée. Cette Règle a de plus le mérite d'être sortie de la plume et du coeur d'un grand Saint, d'un Saint qui est appelé à juste titre une lumière de l'Eglise, et qui savait certes ce qu'il fallait pour obtenir sûrement le but qu'il se proposait.

b) *Nous avons en outre les trois voeux simples perpétuels*, qui sont confirmés par le voeu et le serment de persévérance. Et quoi de plus grand, quoi de plus sublime que les obligations que nous imposent ces voeux!... Sans parler du voeu de chasteté, avez vous remarqué ce qu'exige de nous l'obéissance? Elle nous oblige à un renoncement total de notre propre volonté; elle veut que les sentiments des membres de la Congrégation soient tels qu'on puisse dire d'eux: *«quod nihil voluntatis habeant, sed tota sit in manu eorum qui eos gubernant»*. Quant à la pauvreté, il est vrai que nous ne renonçons pas à la propriété de nos biens, comme cela se pratique dans les Ordres religieux à voeux solennels; mais c'est ainsi que, d'après les volontés du S. Siècle, cela se pratique dans toutes les Congrégations à voeux simples. Du reste, n'avez-vous pas remarqué qu'il nous est absolument défendu d'user de nos biens, et que s'il nous est permis d'en disposer, ce n'est qu'entre certaines limites déterminées; n'avez-vous pas remarqué encore que nous sommes strictement tenus à la vie commune parfaite et que même les Supérieurs ne peuvent permettre qu'un sujet puisse user de ses biens ou posséder comme propriétaire les choses que la Congrégation lui fournit; n'avez-vous pas remarqué enfin que par là notre voeu de pauvreté devient beaucoup plus sévère que celui qu'on émit dans certains Ordres à voeux solennels, où d'après l'usage introduit on a le pécule et les dépôts? En tout cas, mon Révérend Père, je vous le demande, peut-on appeler *vie séculière* un vie qui doit se régler d'après une telle Règle et d'après de semblables obligations imposées par les voeux? Je ne le crois pas.

II. Vous dites en outre: *que nous ne pouvons pas dire avec vérité que nous avons quitté le monde; nous vivons réellement dans le monde et nous sommes intimement liés à tous ses intérêts et à toutes ses passions*. Il est vrai que notre ministère nous oblige d'être en contact avec le monde. Sans ces rapports avec le monde notre ministère deviendrait même impossible. C'est là le partage de tous ceux qui, comme nous, ont embrassé une vie mixte, c'est à dire une vie qui n'est ni exclusivement active, ni exclusivement contemplative. Faut-il pour cela condamner cette vie et nous appeler des mondains?... Mais n'est-ce pas là la vie qu'a menée et dans laquelle s'est sanctifié St. Alphonse et avec lui tant d'autres saints missionnaires? Cette vie n'est-elle pas la vie des Apôtres et du Divin Rédempteur lui-même, de qui l'Evangile raconte qu'en certains temps il sortait pour prêcher la parole du salut, pour consoler les pécheurs, pour évangéliser les pauvres, et qui par intervalles se retirait du commun des hommes pour se livrer à l'oraison? Non, non, mon Père, la vie que nous propose et que nous prescrit St. Alphonse n'est pas une vie mondaine; elle est plutôt l'imitation la plus parfaite possible des vertus et des exemples du Divin Rédempteur.

III. Vous dites ensuite: *que votre attrait à vous est dans une direction tout opposée. Soit!...* mais pour cela il ne faut pas pour cela [sic] vous attaquer à l'oeuvre d'un Saint qui non seulement est bonne en elle-même, mais encore qui est approuvée par le S. Siège et qui aussi, comme l'expérience le prouve, est accompagnée de la bénédiction de Dieu dans ses travaux.

IV. Vous dites encore: *que vous ne pouvez concevoir aucune perfection possible sans un silence absolu et perpétuel.* Cette proposition est non seulement fautive, comme on pourrait facilement le prouver par l'exemple de milliers de Saints qui se sont sanctifiés même au milieu du monde, mais elle est de plus injurieuse à St. Alphonse, à St. Ignace de Loyola, à St. Vincent de Paul, à St. Joseph Calesanz, à St. Camille de Lellis et en général à tous les Saints Fondateurs d'Ordre à vie mixte, comme aussi au S. Siège qui a approuvé ces mêmes Ordres. St. Alphonse veut que nous soyons missionnaires au dehors et Chartreux à la maison; or, dans l'idée de St. Alphonse un missionnaire n'est pas un comédien, c'est un homme de Dieu, un homme de prière et d'oraison, un homme intérieur en un mot, et un homme mortifié pardessus tout, et certes avec ces dispositions la perfection n'est pas incompatible avec le ministère apostolique.

V. Vous dites enfin: *que vous envisagez avec tristesse le genre de vie qui est réservé à un vieux Père dans notre Congrégation. C'est une vie comparativement douce et molle. Après avoir satisfait aux obligations de la Règle (ce qui est vite fait), que lui reste-t-il à faire?* Ici je dois avant tout vous rendre attentif à la légèreté avec laquelle vous parlez de la Règle de St. Alphonse, qui est pourtant revêtue de la sanction et de l'approbation apostolique. Ainci St. Alphonse n'aurait pas su ce qu'il avait à prescrire à ses disciples pour les conduire sûrement à leur but? Il leur aurait prescrit une vie douce et molle et le S. Siège aurait apposé à cette fautive ligne de conduite une approbation solennelle!... Mais cela est absurde. Vous ajoutez ensuite que pour satisfaire aux obligations de la Règle *c'est vite fait.* Nouvelle preuve que vous ne la connaissez pas. Pour moi, je dois vous avouer que l'accomplissement parfait de notre Règle ne m'apparaît pas aussi facile que vous le dites; je vous dirai même qu'il y a peu de Règles d'Ordre à vie mixte qui prescrivent autant d'exercices, autant de pratiques de dévotion etc. etc. Sans parler des jeûnes qu'elle prescrit, sans parler de la retraite mensuelle, de la retraite annuelle, de la discipline deux fois la semaine et d'autres exercices extraordinaires, la Règle ne prescrit-elle pas 1 heure et ½ de méditation, une ½ heure d'actions de grâces après la S. Messe, l'examen particulier, la lecture spirituelle, la visite au S. Sacrement, le chapelet et l'examen du soir? Voilà déjà, avec l'office divin et la S. Messe, de quoi remplir une bonne partie de la journée. Le reste du temps doit, selon les intentions de St. Alphonse, être employé à l'exercice du saint ministère, à l'étude et à la prière. Mais ceci n'est encore que l'écorce et le côté extérieur de la Règle. Celui qui tient à se conformer à son esprit, cherchera avant tout à reproduire l'image du Divin Rédempteur, c'est à dire à imiter en toutes les occasions les vertus et les exemples de N. S. J. Chr.: «*virtutes et exempla Jesu Christi Redemptoris nostri*», surtout par l'abnégation de sa volonté propre, «*ita ut de ipso dici possit quod nihil voluntatis habeat, sed tota sit in manu eorum qui eum gubernant*». Pour y réussir plus facilement, il s'appliquera de toutes ses forces à devenir un homme de prière, un homme qui aime le silence, un homme mortifié: «*Vitam Congregatorum... tam laudabile (Reg., partie II, cap. III, § 1. De silentio et recollectione)... Mortificatio christiana... sibi complacere (ibid. § 2)*».

C'est que St. Alphonse, ainsi que je l'ai déjà dit, voulait qu'à la maison ses disciples véussent à la manière des Chartreux et pour cela ils eussent tous les moyens voulus.

Vous voyez donc, mon Père, que ce n'est pas *si vite fait avec la Règle*, comme vous vous plaisez à le dire dans votre lettre, et qu'il y a toujours de quoi s'occuper chez nous. Même les religieux faibles, infirmes, âgés trouvent toujours de l'occupation s'ils le veulent bien et jamais, s'ils ont l'esprit de la Congrégation, il n'arrivera qu'ils lui soient à charge, car par leurs prières, par leurs bonnes oeuvres et par leurs vertus ils attirent la bénédiction de Dieu sur les travaux des missionnaires et sur toute la Congrégation. Je ne vois donc pas que le sort des vieux Pères soit si digne de compassion que vous le dites dans votre lettre.

Mais j'en ai dit assez. Les choses étant ainsi et votre attrait étant dans une direction tout opposée, je ne crois pas que vous puissiez rester plus longtemps dans notre Congrégation. Il ne vous reste donc qu'à demander la dispense de vos vœux.

Je suis dans les saints coeurs de Jésus et de Marie

Votre tout dévoué serviteur Nic. Mauron". C. S. S. R.

РГАЛИ. Ф. 372 (В. С. Печерин). Оп. 1. Ед. хр. 28. ЛЛ. 4–10.

Публикуется впервые.

Перевод

Дополнительное письмо верховного генерала ордена редemptористов
Николая Морона В. С. Печерину, Рим, 3 сентября 1861 года.

«Мой преподобный и дражайший Отец.

Я не могу удержаться и чувствую, что обязан прибавить к письму, при сем прилагаемому, некоторые замечания в ответ на пришедшее от вас письмо, также как и привести и исправить те или иные места последнего.

Содержание вашего письма доказывает ясно и с очевидностью, что В[аше] П[реподобие] не имеет верного представления о нашем Братстве и не постиг духа [ордена] Св[ятого] Альфонса и наших Св[ятых] Правил. Чтобы показать вам, насколько ошибочно ваше суждение о нашем Братстве, я обяываю вас этими строками внимательно прочесть первую главу Устава Послушников, который был напечатан в 1856 году в Риме и экземпляр которого вы, думается мне, с успехом найдете в Лимерике. Там вы обнаружите пространно изложенным все то, что мне хотелось бы суметь вам здесь сказать. Я же довольствуюсь тем, что поправлю в вашем письме лишь то, что более всего бросается в глаза.

I. — Вы говорите прежде всего: *что наше Братство есть не более чем Братство светское и что мы ведем совершенно мирскую жизнь*. Откровенно говоря, я не понимаю, как вы можете говорить подобное, потому что Св[ятой] Престол рассматривает наше Братство как *религиозное Братство* и членов его — как *истинно верующих*. Впрочем, разве не обладаем мы всем тем, что образует сущность религиозной жизни? — Да, обладаем, ибо:

а) *Мы имеем Устав, одобренный Св[ятым] Престолом*, и сей Устав, возможно, является одним из лучших, какие существуют. Чем больше читаешь его и размышляешь над ним, тем больше восхищаешься Духом Господним, которым он проникнут. Более того, этот Устав удостоен чести появиться из-под пера и из сердца великого Святого, Святого, который по праву назван светочем Церкви и который поистине знал, что было необходимо для того, чтобы действительно достигнуть той цели, которую он перед собой ставил.

б) *Мы имеем, кроме того, три простых вечных обета*, которые подтверждаются обетом и клятвой постоянства. И что есть более великое, что есть более величест-

венное, чем обязательства, которые налагают на нас эти обеты! Не говоря об обете целомудрия, замечаете ли вы, чего требует от нас послушание? — Оно обязывает нас полностью отречься от нашей собственной воли; оно желает, чтобы все чувства членов Братства были бы такими, чтобы о них можно было бы сказать: *«кто не имеет никаких желаний, тот весь пребудет в руках тех, кто управляет им»*. — Что до бедности, то мы действительно не отказываемся от частной собственности на наше имущество, как практикуется в других религиозных Орденах торжественных обетов; но речь идет о том, что, согласно воле Св[ятого] Престола, подобное практикуется во всех Братствах простых обетов.

Впрочем, разве вы не заметили, что нам абсолютно запрещено пользоваться нашим имуществом, и что если нам и позволено им располагать, то лишь в неких определенных границах; разве вы не заметили еще, что мы придаем весьма большое значение совершенному общежителю и что даже Начальники не могут разрешить подчиненному воспользоваться своим имуществом или владеть как собственник чем-либо, предоставленным ему Братством; разве не заметили вы, наконец, что таким образом наш обет бедности становится намного более суровым, нежели тот, который приносят в некоторых Орденах торжественных обетов, где по заведенному обычаю имеют приобретенное имущество и сбережения? — Во всяком случае, мой Преподобный Отец, я спрашиваю у вас, можно ли назвать *светской жизнью* жизнь, которая должна регулироваться подобным Уставом и подобными обязательствами, налагаемыми обетами? — Я так не полагаю.

II. — Вы говорите, сверх того: *что мы не можем правдиво сказать, что мы покинули мир; мы на самом деле живем в миру и мы тесно связаны со всеми его интересами и всеми его страстями*. Верно, что положение наше обязывает нас иметь сношения с миром. Без этих сношений с миром наше положение стало бы просто невозможным. Такова доля всех тех, кто, подобно нам, предался смешанной жизни, то есть жизни, которая ни исключительно активна, и ни исключительно созерцательна. Надлежит ли из-за этого обличать эту жизнь и называть нас светскими людьми? ... Но разве это не та жизнь, которую вел и в коей обрел святость Св[ятой] Альфонс и вместе с ним столько других святых миссионеров? — Сия жизнь, разве это не жизнь Апостолов и самого Божественного Искупителя, о котором Евангелие рассказывает, что некоторое время он выходил, чтобы проповедовать слово спасения, чтобы утешать грешников, чтобы проповедовать Евангелие беднякам, и который время от времени удалялся от людей, чтобы предаться молитве? — Нет, нет, мой Отец, жизнь, которую нам предлагает и которую нам предписывает Св[ятой] Альфонс, не есть жизнь светская; она, скорее всего, самое совершенное подражание добродетелям и примеру Божественного Искупителя.

III. — Вы говорите затем: *что интерес ваш находится в совсем противоположном направлении*. Положим, что это так! ... но не должно вам из-за того [sic] нападать на творение Святого, которое не только хорошо само по себе, но еще и одобрено Св[ятым] Престолом, и которое также, как доказывает опыт, сопровождается благословением Божиим его трудов.

IV. — Вы говорите еще, *что вы не можете почувствовать никакого совершенства, возможного в отсутствии тишины абсолютной и постоянной*. Это предложение не только ложно, как это можно было бы легко доказать на примере тысяч Святых, которые достигли святости даже в миру, но оно к тому же оскорбительно по отношению к Св[ятому] Альфонсу, Св[ятому] Игнатию Лойоле, Св[ятому] Винценту

Павлу, Св[ятому] Иосифу Калезанцу, Св[ятому] Камиллу де Лелли и в целом по отношению ко всем Святым Основателям Ордена смешанной жизни, также как и по отношению к Св[ятому] Престолу, который одобрил эти самые ордена. Св[ятой] Альфонс желает, чтобы мы были бы миссионерами в отношении мира и монахами картезианского ордена; так, по мысли Св[ятого] Альфонса, миссионер не суть актёр, это человек Божий, человек молитвы, одним словом, человек, погруженный в себя, человек, умертвивший плоть в первую очередь, и безусловно, учитывая эти положения, совершенство не несовместимо с апостольским служением.

V. — Вы говорите, наконец, *что вы со скорбью наблюдаете образ жизни, который уготован для пожилого Отца в нашем Братстве. Это жизнь сравнительно приятная и полная неги. После весьма быстрого исполнения всех предписаний Устава, что остается ему делать?* Здесь я должен прежде всего обратить ваше внимание на лёгкость, с которой вы говорите об Уставе Св[ятого] Альфонса, удостоенного признания и апостолического одобрения. Итак, Св[ятому] Альфонсу якобы не было ведомо, что предписать своим ученикам, чтобы действительно привести их к их цели? Он якобы предписал им приятную и изнеженную жизнь, и Св[ятой] Престол якобы даровал этой ложной линии поведения торжественное одобрение!!! ... Но это нелепо. Вы добавляете далее, что исполнение всех обязательств Устава *осуществляется быстро*. Новое доказательство, что вы его не знаете. Со своей стороны, я должен вам признаться, что полное исполнение нашего Устава не представляется мне столь легким, как вы говорите; я даже скажу вам, что мало существует Уставов Орденов смешанной жизни, которые предписывают столько упражнений, столько молитвенной практики и т.д. и т.д. Не говоря о постах, которые он предписывает, не говоря о ежемесячном уединении, о ежегодном затворничестве, о бичевании дважды в неделю и о других экстраординарных упражнениях, разве не предписывает Устав 1 и ½ часа мысленной молитвы и ½ часа благодарственных молитв после Св[ятой] Литургии, отдельного и подробного разбора грехов, духовного чтения, посещения евхаристии, молитвы с четками и вечерней исповеди? — Вот, с божественной литургией и Св[ятой] Мессой, чем наполнена добрая часть дня. Оставшееся время должно, согласно замыслу Св[ятого] Альфонса, быть посвящено упражнению в святом служении, учению и молитве. Но это не более чем оболочка и внешняя сторона Устава. Тот, кто стремится соответствовать его духу, прежде всего ищет, как воспроизвести образ Божественного Искупителя, то есть подражать во всех случаях добродетелям и примеру Нашего Спасителя Иисуса Христа: *«добродетелям и примеру нашего Искупителя Иисуса Христа»*, особенно посредством отречения от своих желаний, *«чтобы сам мог сказать: кто не имеет никаких желаний, тот весь пребудет в руках тех, кто управляет им»*. Чтобы более легко преуспеть в этом, он изо всех своих сил стремится стать человеком молитвы, человеком, возлюбившим тишину, человеком, умертвившим свою плоть: *«Жизнь в конгрегации ... столь похвальна (Правила, часть II, глава III, § 1. О молчании и размышлении) ... Христианское умерщвление плоти ... sibi complacere (там же, § 2)»*.

Вот как Св[ятой] Альфонс, точно так, как я уже сказал, желал, чтобы дома его последователи жили по образу картезианских Монахов, и для того они располагают всеми желаемыми средствами.

Итак, Вы понимаете, что с Уставом не все так просто, как Вам угодно было выразиться в Вашем письме, и что у нас всегда есть чем заняться. даже слабосильные, больные, старые монахи при желании всегда находят, чем заняться, и, если они

прониклись духом Конгрегации, он не может стать им в тягость, так как благодаря их молитвам, добрым делам и добродетелям, они привечают Господне благословление на миссионерские труды и на всю Конгрегацию. Таким образом, я не нахожу, что участь старых Отцов так уж заслуживает сострадания, как Вы о нем высказались в своем письме.

Однако мною достаточно сказано. Обстоятельства сложились так, и Вас влечет в противоположном направлении; я не считаю, что вы могли бы и дальше пребывать в нашей Конгрегации. Следовательно, Вам не остается ничего другого, кроме как просить об освобождении от своих обетов.

Пребываю в святых сердцах Иисуса и Марии.

Ваш всецело преданный слуга Ник. Морон».

III. Письмо В. С. Печерина генералу ордена редемптористов Николаю Морону от 13 сентября 1861 года.

“*Révéréndissime Père.*

Permettez-moi de vous exprimer mes sentiments de vive et profonde reconnaissance pour vos bontés à mon égard. Votre lettre du 3 Septembre m’a manifesté la sainte volonté de Dieu. Dieu m’a parlé par son organe légitime: par la voix de Votre Paternité: Dieu approuve et confirme ma résolution et la rend inébranlable. La nature n’a aucune part à mes déterminations. J’ai choisi ce que j’ai élu être le plus parfait. Si je suivais mes sentiments naturels, je préférerais, peut-être, d’entrer chez les Trappistes d’Irlande: j’aurais au moins la consolation de déposer mes cendres dans le sol d’un pays que j’ai tant aimé. Mais j’ai voulu offrir un sacrifice complet: en quittant l’Irlande, je brise le dernier lien qui m’attache au monde.

Conformément au désir de Votre Paternité, je demande par la présente la dispense des vœux simples et du serment de persévérance que j’ai émis le jour de ma profession dans la Congrégation, afin que je n’ai plus à songer qu’ à l’accomplissement des devoirs de mon nouvel état. Je laisse le reste à votre charité paternelle.

Prosterné à vos pieds et demandant votre bénédiction, je me dis dans les sacrés coeurs de Jésus et de Marie, de *Votre Paternité*, le très humble et très obéissant serviteur
Vladimir Pétchérine”.

РГАЛИ. Ф. 372 (В. С. Печерин). Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 8–8 об.
Публикуется впервые.

Перевод

«Ваше Преосвященство.

Позвольте выразить Вам мою огромную и глубокую признательность за Вашу доброту ко мне. В Вашем письме от 3-го сентября мне явлена святая воля Господа. Господь возвестил мне ее Отческим голосом, по праву принадлежащим Вам – Он одобряет и подтверждает мое решение, придав ему неколебимость. Характер никоим образом не влиял на мои решения. Я сделал абсолютно безукоризненный выбор. Если бы я последовал своей естественной склонности, то, вероятно, предпочел бы поступить к ирландским траппистам; по крайней мере, я бы обрел утешения упокоиться в земле Ирландии, стране, которую я так любил. Но я возжелал полного самопожертвования – покидая Ирландию, я порываю последнюю нить, привязывающую меня к миру.

Согласно желанию Вашего Преосвященства, настоящим письмом прошу освобождения от простых обетов и клятвы постоянства, которые я принес в день, когда сделал заявление о вступлении в Конгрегацию, для того чтобы мне не помышлять ни о чем другом, кроме исполнения моих обязанностей, соответствующих моему новому положению. В остальном полагаюсь на Ваше отеческое милосердие.

Простершись ниц перед Вами и испрашивая у Вас благословения во имя святых сердец Иисуса, Марии, Вашего Преосвященства именуясь покорнейшим преданнейшим слугой

Владимир Печерин».

Приложение № 32

Переписка В. С. Печерина с генералом ордена редемптористов
Николаем Мороном о возвращении его в орден.

I. Letter of V. Pecherin to Nicholas Mauron, Dublin, 30 janvier 1862.

Angel Hôtel, Inn's Quay
Dublin, Irlande
30 janvier 1862

“Révérendissime Père.

Je viens de nouveau me jeter à vos pieds et vous faire l'aveu de ma faute. J'ai été victime d'une illusion. Je me suis cru appelé à la vie contemplative et malheureusement je me suis trompé. Après trois mois d'épreuve chez les Trappistes, j'ai acquis la conviction que je n'avais, ni ne pouvais avoir d'autre vocation que celle que j'ai suivie pendant vingt ans. Je suis bien malheureux. Je sens qu'en sortant de la Congrégation, je suis sorti de la voie de la divine Providence et que je ne pourrai retrouver la paix de mon âme qu'en y rentrant. Croyez-moi, Révérendissime Père, je n'aurais jamais songé — j'aurais même en horreur à la seule pensée de demander la dispense de mes vœux — si je n'avais pas été sous l'empire de cette illusion.

Sous l'influence de cette passion dominante, j'ai écrit une lettre pleine d'inconvenance et d'exagération, dont je vous demande bien pardon maintenant. Vous m'avez accordé la dispense dans l'unique but de me faciliter l'accomplissement des devoirs du nouvel état de vie que j'allais embrasser. Mais, comme je n'ai pas embrassé, ni ne puis embrasser ce nouvel état, la dispense peut-elle être valide?

Je sens maintenant plus que jamais le prix de la vocation religieuse — je n'ai jamais voulu autre chose sinon être religieux: je suis habitué à vivre sous l'obéissance, et je voudrais y retourner à tout prix plutôt que de vivre indépendant et maître de mes actions. Y a-t-il quelque espoir pour-moi? Je sens qu'en écrivant ceci, j'espère contre toute espérance et que je ne mérite pas d'être réadmis dans la Congrégation. Mais j'ai la consolation de penser qu'en vous présentant cette humble pétition, je remplis un devoir de conscience.

Si vous voulez l'accueillir favorablement, je me soumetts d'avance à toutes les conditions que vous voudrez bien m'imposer, ou plutôt je subirai la pénitence que vous voudrez bien me donner, et j'espère qu'avec la grâce de Dieu, j'apprendrai à pratiquer l'obéissance mieux que je ne l'aie fait jusqu'ici.

Jusqu'à présent, j'ai toujours vécu dans des communautés — chez les Chartreux d'abord, ensuite chez les Trappistes; je continue de mener ici une vie très retirée; j'évite avec soin de paraître en public; mon unique occupation est de visiter les hôpitaux et

d'entendre les confessions de ces pauvres gens, avec la permission et l'apprôbation de l'archevêque. Je n'ai pris, ni ne désire prendre aucun engagement, avant d'avoir reçu une réponse de Votre Paternité. Cette réponse va certainement décider de mon sort pour le temps et pour l'éternité. Je l'attendrai avec une certaine anxiété, tout en priant le bon Dieu de m'accorder la grâce de la recevoir avec une parfaite résignation.

Prosterné à vos prieds, quoique indigne, j'ose demander votre bénédiction et je me dis dans les sacrés coeurs de Jésus et de Marie, de Votre Paternité,
l'indigne fils et très humble serviteur Vladimir Pétchérine”.

РГАЛИ. Ф. 372 (В. С. Печерин). Оп. 1. Ед. хр. 17. ЛЛ. 10–12.
Публикуется впервые.

Перевод

Письмо В. С. Печерина верховному генералу ордена редемптористов
Николаю Морону.

Angel Hôtel. Jun's Quay
Дублин, Ирландия
30 января 1862

«Ваше Преосвященство!

Вновь повергаюсь к стопам Вашим, чтобы признаться в своей ошибке. Я стал жертвой иллюзии. Я счел себя призванным к жизни созерцательной и, к несчастью, ошибся. После трехмесячного испытания у траппистов я убедился, что не имел и не мог иметь иного призвания, кроме того, которому я следовал в течение 20 лет. Я очень несчастлив. Я чувствую, что, покинув конгрегацию, я покинул путь божественного провидения, и что я смогу вновь обрести душевный покой, лишь вернувшись туда. Поверьте мне, Ваше Преосвященство, что я никогда бы и не помышлял и ужаснулся бы при одной мысли о просьбе снять с меня прежние обеты, если бы я не был в плену этой иллюзии.

Под влиянием этой неотвязной страсти я написал письмо, полное несуразностей и преувеличений, за которое теперь прошу меня простить. Вы предоставили мне разрешение отказаться от обетов с единственной целью облегчить мне исполнение обязанностей в новом ордене, в который я намеревался вступить. Но так как я не вступил и не мог в действительности вступить в него, остается ли в силе разрешение о снятии обетов?

Теперь я более чем когда-либо понимаю цену призвания к монашеской жизни — я никогда не хотел ничего другого, как быть монахом: я привык жить в послушании, и я предпочел бы вернуться к этому любой ценой, нежели жить независимо и быть хозяином своих поступков. Есть ли у меня какая-нибудь надежда? Я понимаю, что, выводя эти строки, я питаю несбыточные мечты, и что я не заслуживаю того, чтобы быть вновь принятым в конгрегацию. Но мне отрадно думать, что, направляя Вам это униженное послание, я исполняю долг совести.

Если Вы соблаговолите милостиво принять его, я заранее подчинюсь всем условиям, которые Вам угодно будет поставить, или, точнее, я подчинюсь епитимье, которую Вы на меня наложите, и я надеюсь, что милостью Божьей я научусь послушанию лучше, чем делал это до сих пор.

До настоящего времени я постоянно жил в общинах — сначала у картезианцев, затем у траппистов; я продолжаю жить здесь очень уединенно, тщательно избегая

появляться на людях; мое единственное занятие — это посещение с позволения и одобрения архиепископа больниц и выслушивание исповедей находящихся там несчастных людей. Я не взял и не имею намерения брать на себя никаких обязательств, не получив ответа от Вашего Преосвященства. Этот ответ, несомненно, определит мою судьбу в мире земном и вечном. Я буду ждать его с некоторым беспокойством, моля Бога предоставить мне милость получить его с совершенной покорностью.

Повергаясь к стопам Вашим, я, недостойный, осмеливаюсь просить Вашего благословения и остаюсь в сердцах господ нашего Иисуса и Марии недостойным сыном и нижайшим слугою

Владимир Печерин».

II. Letter of Fr. Nicholas Mauron to Fr. Vladimir Péchérin, Rome, 15 february 1862.

“Mon Révérend Père Pétchérine.

En m'apprenant la triste position dans laquelle vous vous trouvez, votre lettre du 30 janvier m'a affligé bien profondément. La triste expérience que vous venez de faire vous a donc enfin convaincu de ce que durant les vingt années que vous avez passées dans la Congrégation, vous n'aviez voulu ni comprendre ni entrevoir!...

Si vous relisez la lettre que vous avez écrite au mois de Mars de l'année dernière, mais que vous ne m'aves expédié que dans le courant du mois d'Août, ainsi que l'annexe de ma réponse à cette lettre, du 3 septembre, vous verrez que le motif de votre dispense n'était pas tant dans votre résolution d'entrer dans un ordre contemplatif, que dans les faux principes que vous avez cherché à établir et à défendre; principes diamétralement opposée aux principes de S. Alphonse, principes qui auraient totalement changé la Congrégation et qui, s'ils étaient jamais adoptés et suivis chez nous, auraient pour suite inévitable la ruine de l'Institut.

Par la dite annexe de ma lettre du 3 septembre j'ai cherché à vous faire comprendre votre illusion et vos erreurs, et pour sauver votre vocation je vous ai même enjoint de relire le premier chapitre de la Règle des Novices. Si mes efforts sont restés sans résultat, je ne compatis pas moins pour cela à votre position actuelle. Je suis convaincu aussi que la triste expérience que vous venez de faire a dissipé vos illusions et votre erreur. Néanmoins il ne m'est pas permis de vous réintégrer dans la Congrégation.

Vous savez en effet que pour le bien commun S. Alphonse a établi pour principe de ne jamais plus recevoir dans la Congrégation ceux qui ont eu le malheur d'en sortir une fois. C'est au maintien de ce principe que je dois tenir et je ne pourrais y déroger sans manquer à mes devoirs.

Si j'avais un conseil à vous donner, je vous dirais de vous mettre sous la direction d'un prêtre éclairé, de chercher à être toujours fidèle aux exercices de piété et à travailler le reste du temps dans la vigne du Seigneur. De cette manière vous pourrez encore sauver beaucoup d'âmes, tout en travaillant à votre propre salut.

C'est avec un profond regret que je me vois obligé de vous écrire dans ce sens. Soyez du reste convaincu que, si je puis vous rendre d'autres services, je ne manquerai pas de le faire.

En vous recommandant au coeur aimable du divin Jésus et en vous donnant la bénédiction que vous me demandez, je suis toujours.

Votre tout dévoué serviteur Nic. Mauron”. C. S. S. R.

РГАЛИ. Ф. 372 (В. С. Печерин). Оп. 1. Ед. хр. 28. ЛЛ. 11–12.
Публикуется впервые.

Перевод.

Письмо генерала ордена редemptористов Николая Морона В. С. Печерину,
Рим, 15 февраля 1862 года.

«Мой Преподобный отец Печерин.

Ваше письмо от 30 января, которое мне поведало о плачевном положении, в коем вы оказались, глубоко меня огорчило. Недавний печальный опыт убедил вас, наконец, в том, чего вы не хотели ни понимать, ни предвидеть в течение двадцати лет, что вы провели в Братстве.

Если вы перечитаете письмо, которое вы мне написали в марте прошлого года, но которое было отправлено мне лишь в августе, как и приложение к моему ответу на это письмо от 3 сентября, то вы увидите, что мотив вашего освобождения состоял не столько в вашем решении вступить в молитвенный орден, сколько в тех ложных принципах, которые вы старались установить и защищать, принципах, которые диаметрально противоположны принципам Св[ятого] Альфонса, принципах, которые могли бы полностью изменить Братство и которые неизбежно привели бы к разрушению Института, если бы они были бы когда-либо приняты нами, и мы бы им следовали.

В вышеупомянутом приложении к моему письму от 3 сентября я пытался объяснить вам ваши иллюзии и ваши заблуждения, и чтобы спасти ваше призвание, я предписал даже вам перечитать первую главу Устава Послушников. Хотя мои усилия остались безрезультатными, я учитывал ваше нынешнее положение. Я также убежден, что недавний печальный опыт рассеял ваши иллюзии и вашу ошибку. Тем не менее, мне не позволено вновь ввести вас в Братство.

Вы знаете на самом деле, что ради общего блага Св[ятой] Альфонс установил принцип никогда больше не принимать в Братство тех, кто имел несчастье однажды из него выйти. Именно этому принципу я должен следовать, и я не мог бы от него уклониться, не нарушив моего долга.

Если бы мне было бы позволено дать вам совет, то я бы вам рекомендовал встать под руководство просвещенного священника, стараться быть всегда верным набожным упражнениям и постоянно трудиться на винограднике Господа. Таким образом, вы сможете спасти еще много душ, продолжая трудиться для вашего собственного спасения.

С огромным сожалением я вынужден писать вам в подобном духе. Что до остального, то будьте уверены, что если я смогу оказать вам другие услуги, я не премину это сделать.

Давая вам советы от любезного сердца божественного Иисуса, и давая вам благословение, которое вы просите, остаюсь вашим покорным слугой

Николай Морон».

Приложение № 33

Статья из № 286 газеты «Современные известия — политические, общественные, церковные, ученые, литературные, художественные» от 17 октября 1873 года.

«Сегодня, 16 октября, в здешней думе выборы городского головы происходили и — состоялись. Из 29, предложенных прошлым заседанием на должность первого кандидата, допустили себя до баллотировки только двое: В. М. Бостанжогло и

Д. Д. Шумахер. Гласных собралось на заседание 150 человек. Г. Бостанжогло получил избирательных голосов 68 и неизбирательных 82; г. Шумахер — 76 избирательных и 74 неизбирательных.

В числе особенностей, не лишенных замечательности, настоящие выборы представляют ту, что Москва в первый раз со времени своего существования облюбливает для своего головы — *немецкое* имя. Громадному большинству столицы, нет сомнения, Д. Д. Шумахер совсем неизвестен, и даже по слухам. Он действительно есть человек новый, и притом не в смысле только, в каком древние употребляли *homo novus*^{*}, но в том смысле, что он принадлежит совсем даже к новому типу, — новому классу общественному, готовы мы были бы сказать, — которое происхождение едва измеряется десятилетием. Класс этот можно назвать бюрократо-спекулянтами. Употребляя это наименование, мы никак не хотим ничего сказать обидного достопочтенному избраннику города. Заниматься банковской и железнодорожною акционерною деятельностью само в себе не зазорно, равно как и искусно коммерчески комбинировать в своих руках ту и другую. Но мы хотим означить род деятельности, которым г. Шумахер главнейшим образом создал себе общественный вес и приобрел известность. Есть много в Москве теперь имен известных и веских, и именно в финансовом мире, которых известность и вес не условливается ни давнею оседлостью, ни принадлежностью к старинным родам из владеющих классов. Это люди ума, в эпоху акционерной горячки пробившие себе дорогу и завоевавшие положение личными качествами и отчасти добрыми знакомствами в руководящих сферах. К числу новых людей в этом смысле принадлежит и г. Шумахер.

До времени утверждения рано поздравлять нового избранника, иль поздравлять город с его выбором. Но, несмотря на всю малозначительность большинства, которое успел собрать г. Шумахер (всего 2 голоса перевеса), скажем, не обинуясь, что город может от него ожидать умного управления. Особенно при настоящем щекотливом положении, в которое обстоятельствами поставлена должность московского головы (а оно щекотливо, никто не станет отрицать), г. Шумахер есть единственное лицо (может быть, еще г. Пороховщиков), который найдется пролавирировать. При несомненных способностях г. Шумахера нам за то ручается уже одно согласие его баллотироваться. Но помимо того г. Шумахер в городских делах не безызвестен прежнею службою в думе и истинно дельными работами в комитетах, особенно за первое время городского самоуправления при князьях Щербатове и Черкасском. Без сомнения, тому кружку людей, что орудовал в те времена городскими делами, Москва собственно и обязана настоящим выбором. У нас ведь выборных сходок не бывает, кандидатских программ не слышано, предварительной борьбы на общественном поле между кандидатами не существует. Города и земства обыкновенно не знают и не помышляют, кого им готовят в правители в четырех стенах одной-двух гостиных, в приятельском кружке, который объедет потом других приятелей избирателей, чтоб подбить к белому шару. Если это худо (а худо это несомненно, и потому-то преимущественным образом все самоуправление наше и все выборы в сущности призрачны); то здесь не вина ни избирателей, ни избираемых. Во всяком случае, для Москвы найден деятель, наиболее подходящий к данным обстоятельствам».

* Новый человек — *лат.*

Приложение № 34

О завещанной В. С. Печериным Московскому университету библиотеке.
ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 216. Д. 49.

№ 1. Российское императорское генеральное консульство в Лондоне
Ректору Московского университета

№ 2729

15/27 октября 1885

Милостивый государь Николай Павлович,

Вице-консул в Дублине уведомил меня о смерти проживавшего там нашего соотечественника Печерина. Покойный завещал свою библиотеку императорскому Московскому университету, в котором он воспитывался. Из сообщенной мне вице-консулом переписки покойного видно, что сделанное им при жизни предложение о принесении в дар библиотеки было принято университетом с благосклонностью. Библиотека в трех ящиках, по моему поручению, доставлена ныне в вверенное мне генеральное консульство. Сообщая об этом Вашему Превосходительству, имею честь покорнейше просить Вас известить меня о распоряжении, какое императорский университет признает нужным сделать относительно помянутой библиотеки.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном почтении и преданности, с каким имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейший слуга

В. Велецкий.

Письмо получено 22 октября, входящий № 4608.

Резолюция: «Уведомить, что Правление просит выслать наложенным платежом. 28 октября».

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 216. Д. 49. Л. 1–1 об.

№ 2. Выписка из журнала заседания Совета Императорского
Московского университета

№ 267/85

28 октября 1885

<...> 12). Присутствию правления университета доложено письмо на имя г[осподина] ректора генерального консула В. А. Велецкого следующего содержания: {см. текст письма № 1}.

Приказали: просить г[осподина] ректора сообщить генеральному консулу В. А. Велецкому, что правление принимает в дар библиотеку покойного Печерина и просит о доставлении ее в Московский университет с тем, чтобы расходы по доставке были уплачены транспортному агентству в Москве по доставке клади. Если пересылка библиотеки будет сопряжена с какими-либо издержками для генерального консульства, то для возмещения правлением этих расходов просит господина Велецкого доставить удостоверенный им счет этим расходам, в котором должно быть указано лицо, имеющее получить причитающуюся по счету сумму <...>.

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 216. Д. 49. Л. 2–3.

№ 3. Ректор Императорского Московского университета
Российскому генеральному консулу в Лондоне
№ 3048

2 ноября 1885

Милостивый государь Владимир Алексеевич,

Вследствие письма Вашего от 15/27 октября сего года и согласно постановлению правления Московского университета от 28 октября имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство не отказать в распоряжении о доставлении пожертвованной университету библиотеки покойного Печерина в Московский университет с тем, чтобы расходы по доставке были уплачены транспортному агентству в Москве по доставке клади.

Если пересылка библиотеки будет сопряжена с какими-либо издержками для генерального консульства, то для возмещения этих расходов со стороны правления университета немедленно будут приняты меры по получении удостоверенного Вашим Превосходительством счета, в котором должно быть указано лицо, имеющее получить причитающуюся по счету сумму.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном почтении и преданности
Н. Боголепов.

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 216. Д. 49. Л. 4–5.

№ 4. Российское императорское генеральное консульство в Лондоне
Ректору Московского университета

№ 3095

29 ноября/11 декабря 1885

Милостивый государь Николай Павлович,

Вследствие письма Вашего Превосходительства от 2 сего ноября № 3048 я не замедлил сделать распоряжение об отправке в императорский Московский университет библиотеки покойного Печерина. Библиотека в трех ящиках, помеченных У. М., отправлена на пароходе «Норе» в Ревель и оттуда до Москвы. Фрахт должен быть уплачен при получении ящиков. Здесь много издержано за доставку библиотеки из Дублина в Лондон 9 шиллингов 5 пенсов (счет № 1), за перетяжку трех ящиков железными обручами 11 ш[иллингов] 8 п[енсов] (счет № 2) и за доставку ящиков в консульство и отсылку из оногo 2 ш[иллинга], всего один фунт стерлингов 3 ш[иллинга] 1 п[енс], о возвращении коих Ваше Превосходительство благоволите сделать зависящее распоряжение.

Компания, принявшая на себя доставку помянутой библиотеки в Москву, уведомила меня об отправке к Вам коносаментa, второй экземпляр которого компаниею послан в Ревель к ее корреспонденту.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном почтении и преданности, с коими имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейший слуга

В. Велецкий.

Письмо получено 4 декабря, входящий № 5264.

Резолюция: «Уплатить. 21 января».

На полях сделан перевод в рубли: «См. 1885 г. § 5. Ст. 2.

Пункт 1

875 рублей 66 копеек

Бух. Имп. Моск. Унив.»

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 216. Д. 49. Л. 6–6 об.

№ 5. Компания «Роман Ферстер»
Ректору Императорского Московского университета
10 декабря 1885

Роман Ферстер
в Москве, Ревеле,
Одессе,
Гамбурге, Кенигсберге
Роман Ферстер
в Москве,
Малый Кисельный
переулок,
дом Морозова

Господину профессору
Н. П. Боголепову

Моим ревельским домом отправлены на мой адрес высланные Вам из Лондона с пароходом «Нора»

√ М 1/3 = 3 ящика книг

и имею честь покорнейше Вас просить, милостивый государь, прислать мне заявление в московскую главную таможенную о выпуске книг без цензуры, дабы на основании этого заявления я мог Вам доставить книги прямо из таможни.

Кроме того, благоволите дать мне знать, следует ли доставить упомянутые три ящика в университет.

С почтительным уважением

По доверенности Романа Ферстера

Письмо получено 11 декабря.

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 216. Д. 49. Л. 7.

№ 6. Ректор Императорского Московского университета
в Московскую главную складочную таможенную

№ 3456

13 декабря 1885

Получив извещение от господина Романа Ферстера в Москве, что на его имя адресованы высланные из Лондона три ящика с книгами под знаком √ М 1/3, принадлежащие Московскому университету, имею честь покорнейше просить Московскую главную складочную таможенную отпустить означенные ящики без досмотра и без взыскания пошлины г[осподину] Роману Ферстеру для доставления в университетскую библиотеку; о времени же досмотра доставленных ящиков с книгами будет сообщено таможене своевременно.

Ректор Н. Боголепов

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 216. Д. 49. Л. 12–12 об.

№ 7. Московская главная складочная таможенная
в Правление Московского университета

№ 42

3 января 1886

Московская таможенная покорнейше просит Правление университета уведомить в возможной скорости, на какое число следует командировать в университет чинов-

ника ее для досмотра означенных в отношении Правления от 13 минувшего декабря за № 3456 трех ящиков.

Письмо получено 4 января 1886.

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 216. Д. 49. Л. 19.

№ 8. Ректор Императорского Московского университета
в библиотеку Московского университета

№ 94

8 января 1886

Препровождая при сем к Вашему Высокоблагородию полученные из московской главной складочной таможни три ящика, заключающие в себе библиотеку покойного Печерина, пожертвованную университетской библиотеке, имею честь уведомить, что для вскрытия и досмотра этих ящиков в присутствии Вашем я вместе с тем прошу московскую главную складочную таможню командировать на 15 число сего января к 12 часам дня чиновника своего; по окончании же досмотра п[о]корнейше прошу Ваше Высокоблагородие библиотеку эту принять в свое ведение и о приеме книг донести правлению.

Ректор Н. Боголепов

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 216. Д. 49. Л. 21–21 об.

№ 9. Ректор Императорского Московского университета
в Московскую главную складочную таможню

№ 95

8 января 1886

Вследствие отношения от 3-го сего января за № 42 имею честь покорнейше просить Московскую главную складочную таможню о командировании в Московский университет на 15 число сего же января к 12 часам дня чиновника таможни для досмотра полученных из оной таможни по отношению моему от 13 декабря 1885 года за № 3456 трех ящиков с книгами под знаком √ М 1/3.

Ректор Н. Боголепов

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 216. Д. 49. Л. 20.

№ 10. Московская главная складочная таможня
Ректору Московского университета

№ 343

14 января 1886

На отношение от 8 сего января за № 95 московская таможня имеет честь уведомить, что для осмотра означенных в нем 3-х ящиков под знаком √ М 1/3 с книгами командирован вместе с сим на 15 число текущего месяца в университет младший помощник пакгаузного надзирателя Тверской.

Письмо получено 15 января 1886, входящий № 179.

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 216. Д. 49. Л. 22.

№ 11 Библиотека Императорского Московского университета
в Правление Московского университета

№ 1

15 января 1886

Имею честь донести, что присланные в библиотеку при предписании Его Превосходительства г[осподина] ректора от 8 января сего года за № 94 три ящика с кни-

гами покойного Печерина сего числа были вскрыты и досмотрены чиновником таможи. Так как списка заключающихся в ящиках книг при них не оказалось, то количество и содержание последних определится только по переписке их, к которой и будет немедленно приступлено, внесением их в назначенный специально для записывания крупных пожертвований инвентарь.

Библиотекарь В. Чаев.

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 216. Д. 49. Л. 13.

№ 12. Выписка из журнала заседания Совета Императорского
Московского университета
21 января 1886

<...> 18. Присутствию правления университета доложены: 1) письмо на имя г[осподина] ректора российского генерального консула в Лондоне В. Велецкого от 29 ноября / 11 декабря минувшего года за № 3095 следующего содержания: [см. текст письма № 4]; доставленные при письме два счета от г[осподина] Велецкого, удостоверенные г[осподином] ректором университета и им же удостоверенный счет Романа Ферстера за доставку библиотеки на сумму 29 рублей 90 копеек. На представленном счете г[осподина] Ферстера сделана надпись, что деньги по счету доверяет получить артельщику И. Андриянову; 3) донесение библиотекаря университета от 15 января за № 1 о том, что доставленная кладь, заключающая в себе библиотеку Печерина, получена в библиотеке; 4) справку: правление университета согласно постановлению своему от 28 октября 1885 года (статья 12) просило генерального консула в Лондоне Велецкого сделать распоряжение о доставке из-за границы библиотеки, завещанной Московскому университету покойным Печериным.

Приказали: 1) выдать ассигновку на имя доверенного Романа Ферстера артельщика Андриянова для получения им из московского губернского казначейства 29 рублей 90 копеек из суммы по § 5 статьи 2 пункту 1 на университетскую библиотеку назначенной; 2) отнестись в иностранное отделение при Особенной канцелярии по кредитной части министерства финансов и просить его распоряжения о переводе в векселе за границу в Лондон г[осподину] генеральному консулу В. Велецкому следующие ему в возврат израсходованных собственных денег по доставке библиотеки покойного Печерина одного фунта стерлингов трех шиллингов одного пенса, о стоимости коих по существующему курсу на серебро с расходами по переводу этой суммы уведомить правление для распоряжения об уплате затраченных отделением денег; 3) просить г[осподина] ректора уведомить [господина] Велецкого о получении книг, причем выразить ему благодарность правления за принятие на себя труда по доставке библиотеки.

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 216. Д. 49. Л. 14–15 об.

№ 13. Ассигновка

По журналу
Бухгалтерии
№ 180
исходящий № 282
Правления
Университета
По учетному
Реестру бланков
Ассигновок
№ 122

Ассигновка
29 рублей 90 копеек
Императорский
Московский университет
Смета 1885 года § 5 ст. 2 п. 1
Учебные пособия, хозяйственные и другие расходы
24 января 1886 года

Правление Московского университета на основании определения своего 21 января 1886 года покорнейше просит московское губернское казначейство отпустить предьявителю талона этой ассигновки доверенному Роману Ферстер артельщику И Андриянову причитающиеся за доставку в университет трех ящиков с книгами всего по счету двадцать девять рублей девяносто копеек из указанного источника.

Верно: секретарь
Талон получил артельщик
И. Андриянов 25 января 1886

Талон к ассигновке за №
24 января 1886 года
Императорский
Московский университет
Смета 1885 года § 5 ст. 2 п. 1

Учебные пособия, хозяйственные и другие расходы
Доверенный Романа Ферстер артельщик
И. Андриянов
имеет получить из Московского губернского
казначейства
двадцать девять рублей девяносто копеек.
Документы прилагаются при особом реестре
1. 21 января 1886 года. Копия с журнала Правления о выдаче сих денег.
2. Счет Ферстер на 29 рублей 90 копеек.

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 216. Д. 49. Л. 16–16 об.

№ 14. Совет Императорского Московского университета
в иностранное отделение при Особенной канцелярии
по кредитной части министерства финансов

№ 283

24 января 1886

Правление университета имеет честь покорнейше просить распоряжения иностранного отделения о переводе в векселе за границу в Лондон господину россий-

скому генеральному консулу Владимиру Алексеевичу Велецкому следующих ему в возврат израсходованных собственных средств по доставке в университет библиотеке Печерина одного фунта стерлингов трех шиллингов и одного пенса, о стоимости коих по существующему курсу на серебро с расходами по переводу этой суммы уведомить правление для распоряжения об уплате затраченных отделением денег.

Ректор Н. Боголепов

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 216. Д. 49. Л. 17.

№ 15. Иностранное отделение при особой канцелярии
по кредитной части министерства финансов
в Правление Императорского Московского университета
№ 273

30 января 1886

Вследствие отношения правления от 24-го сего месяца за № 283 иностранное отделение имеет честь препроводить при сем счет на 1 вексель à vue на имя действительного статского советника Велецкого на Братьев Беринги и К° в Лондоне фунтов стерлингов 1. 3. 1.

по курсу 23 $\frac{1}{4}$ рубля	11. 91
заграничную комиссию $\frac{1}{2}$ %	5
за гербовую бумагу	10
почтовые расходы	14
	рублей 12. 20

каково сумма поставлена на счет правления в ожидании уплаты оной.

Директор
Контролер

Письмо получено 2 февраля, в правлении слушалось 4 февраля.

Резолюция: «Уплатить».

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 216. Д. 49. Л. 23.

№ 16. Ректор императорского Московского университета
Генеральному консулу в Лондоне
№ 409

3 февраля 1886

Правление императорского Московского университета в заседании 21 минувшего января по выслушании доклада о приеме в библиотеку университета доставленной из Англии библиотеки покойного Печерина сделало распоряжение о возврате Вам издержанных на отправку 1 фунта стерлингов 3 шиллингов 1 пенса через иностранное отделение при особой канцелярии по кредитной части министерства финансов; при этом правление поручило мне выразить признательность Вашему Превосходительству за содействие, оказанное университету в этом деле.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном почтении и преданности, с коими имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейший слуга

Н. Боголепов

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 216. Д. 49. Л. 18–18 об.

№ 17. Выписка из журнала заседания Совета Императорского
Московского университета
4 февраля 1886

<...> 39). Слушали: отношение иностранного отделения при особенной канцелярии по кредитной части министерства финансов от 30 января за № 273, при коем препровождает счет на 1 вексель à vue на имя действительного статского советника Велецкого на Братьев Беринги и К° в Лондоне на 1 фунт стерлингов 3 шиллинга 1 пенс, составляющих по существующему курсу на серебро с расходами по переводу оной суммы 12 рублей 20 копеек. Справку: отношением от 24 января за № 283 правление университета согласно постановлению своему от 28 октября 1885 года (статья 12) просило распоряжения иностранного отделения о переводе в векселе в Лондон господину российскому генеральному консулу Велецкому 1 фунт стерлингов 3 шиллинга 1 пенса следующих ему в возврат израсходованных собственных средств по доставке в университет библиотеки Печерина.

Приказали: препроводить а иностранное отделение при особенной канцелярии по кредитной части министерства финансов согласно требованию 12 рублей 20 копеек и уплатить сверх того за пересылку сих денег почтамту: страховых 7 копеек и за заказ 7 копеек, итого 14 копеек, а всего 12 рублей 34 копейки из суммы по смете 1885 года § 5 статьи 2 пункта 1 на университетскую библиотеку назначенной.

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 216. Д. 49. Л. 24–24 об.

№ 18. Ассигновка

По журналу
Бухгалтерии
№ 309
исходящий № 462
Правления
Университета
По учетному
реестру бланок
ассигновок
№ 190

Ассигновка
12 рублей 34 копеек
Императорский
Московский университет
Смета 1885 года § 5 ст. 2 п. 1
Учебные пособия, хозяйственные и другие расходы
7 февраля 1886 года

Правление Московского университета на основании определения своего 4 февраля 1886 года покорнейше просит московское губернское казначейство препроводить при отношении правления в иностранное отделение при особенной канцелярии по кредитной части министерства финансов следующие в возврат израсходованных по переводу в векселе за границу в Лондон господину российскому генеральному консулу Велецкому 1 фунта стерлингов 3 шиллингов 1 пенса — 12 рублей 20 копеек и уплатить сверх того за пересылку сих денег почтамту страховых 7 копеек и за заказ 7 копеек, итого 14 копеек, а всего двенадцать рублей тридцать четыре копейки из указанного источника.

Отношение при сим прилагается.

Талон к ассигновке за №
7 февраля 1886 года
Императорский
Московский университет
Смета 1885 года § 5 ст. 2 п. 1
Учебные пособия, хозяйственные и другие расходы

Московское губернское казначейство имеет переслать чрез московский почтамт в иностранное отделение при особенной канцелярии по кредитной части министерства финансов 12 рублей 20 копеек и уплатить почтовые расходы 14 копеек, итого двенадцать рублей тридцать четыре копейки.

Документы прилагаются при особом реестре

1. 4 февраля 1886 года. Копия с журнала Правления о выдаче сих денег.

2. 2 счета от господина Велецкого

3. Копия письма господина Велецкого

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 216. Д. 49. Л. 25–25 об.

№ 19. Совет Императорского Московского университета
в иностранное отделение при Особенной канцелярии
по кредитной части министерства финансов
ответ на отношение от 30 января за № 273
№ 463 7 февраля 1886

Препровождая при сем двенадцать рублей двадцать копеек в уплату за перевод в векселе за границу в Лондон господину российскому генеральному консулу В. А. Велецкому 1 фунт стерлингов 3 шиллингов 1 пенса, правление университета имеет честь покорнейше просить иностранное отделение в получении денег не оставить уведомлением.

Ректор Н. Боголепов

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 216. Д. 49. Л. 26.